

**ФИЛОЛОГИЯ
И
ЧЕЛОВЕК**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№4

2007

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2007

Учредители

Алтайский государственный университет
Барнаулский государственный педагогический университет
Бийский педагогический государственный университет
имени В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

О.В. Александрова (Москва), К.В. Анисимов (Красноярск), Л.О. Бутакова (Омск), Т.Д. Венедиктова (Москва), Н.Л. Галеева (Тверь), Л.М. Геллер (Швейцария, Лозанна), О.М. Гончарова (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева (Красноярск), Е.Г. Елина (Саратов), Л.И. Журова (Новосибирск), Г.С. Зайцева (Нижний Новгород), Е.Ю. Иванова (Санкт-Петербург), Ю. Левинг (Канада, Галифакс), П.А. Лекант (Москва), Н.Е. Меднис (Новосибирск), О.Т. Молчанова (Польша, Щецин), В.П. Никишаева (Бийск), В.А. Пищальникова (Москва), О.Г. Ревзина (Москва), В.К. Сигов (Москва), И.В. Силантьев (Новосибирск), Ф.М. Хисамова (Казань)

Главный редактор

А.А. Чувакин

Редакционная коллегия

Н.А. Гузь (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), С.А. Добричев, Н.М. Киндикова, Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), Г.П. Козубовская, А.И. Куляпин, В.Д. Мансурова, И.В. Рогозина, А.Т. Тыбыкова, Л.И. Шелепова, М.Г. Шкуропацкая

Секретариат

О.А. Ковалев – отв. секретарь по литературоведению
Н.В. Панченко – отв. секретарь по лингвистике
М.П. Чочкина – отв. секретарь по фольклористике

Адрес редакции: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, филологический факультет, оф. 411-а.
Тел./Факс: 8 (3852) 366384. E-mail: soveto1@filo.asu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

В.И. Габдуллина. Ранний Достоевский: диалог с читателем.....	7
О.А. Ковалев. Формулы всезнания, чтение мыслей и ответный взгляд у Достоевского (Статья вторая)	15
С.Г. Комаров. Остров как притчевый хронотоп в английской драматургии XX века.....	26
А.И. Куляпин. Красные и белые: шахматы в СССР.....	40
В.Т. Плахин. «Служили два товарища...» (опыт сравнения рекламы и тоталитарного искусства). Часть I	56
А.Д. Васильев. Манипулятивные игры в слова	67
Ю.А. Комарова. К проблеме структурно-содержательного описания терминологии языка науки (на материале терминологии английской системы образования)	77
Е.В. Зарецкий. Имперсонал в произведениях русских классиков: распределение по идиолектам.....	88
Н.Ю. Одинокова. Профессиональные ассоциативные словари (на материале русского и английского языков).....	103

Научные сообщения

А.С. Илинская. Формирование и реализация функционально-семантического поля эмотивности в английском языке	121
З.Г. Кривоусова. Детские журналы как фактор формирования читательской культуры.....	129

Проблемы филологического образования

Л.Л. Балакина. Диалог как принцип преподавания литературы в школе	135
--	-----

Филология: люди, факты, события

Тамара Федоровна Байрамова (к юбилею ученого)..... 140

Критика и библиография

О.Г. Левашова. Воплощение уникального научного проекта 144

**Филология в современном мире: ответы
на вопросы анкеты** 147

Резюме на английском языке..... 152

Наши авторы 154

CONTENTS

Articles

V.I. Gabdullina. Early Dostoevsky: dialogue with reader.....	7
O.A. Kovalyov. The Formulae of Absolute Knowledge, Mind Reading and the Reciprocal Sight in Dostoevsky's Works (article II).....	15
S.G. Komarov. Island as parable chronotop in English dramatic art of the XX-th century.....	26
A.I. Kulyapin. Red and white: chess in the USSR.....	40
V.T. Plakhin. Modern Advertising and Socialist Realism: Being Brothers in Arms. Part I.....	56
A.D. Vasilyev. Manipulative word plays.....	67
Y.A. Komarova. To the problem of structural – meaningful description of English scientific terminology (on material of terminology of the English educational system).....	77
Y.V. Zaretsky. Distribution of impersonal constructions in idiolects of the Russian classical authors.....	88
N.I. Odinokova. Professional Associative Dictionaries (Russian and English).....	103

Scientific reports

A.S. Ilinskaya. Formation and realization of the functional semantic field «emotivity» in the English language.....	121
Z.G. Krivousova. Magazines for children as a way of reading culture formation.....	129

Problems of philological education

L.L. Balakina. Dialogue as the principle of teaching literature at school.....	135
--	-----

Philology: people, facts, events

Tamara Fyodorovna Bairamova (to the scientist's anniversary)..... 140

Critics and bibliography

O.G. Levashova. Unique scientific project embodiment..... 144

Philology in modern world: questionnaire answers 147

Summary..... 152

Our authors 154

СТАТЬИ

РАННИЙ ДОСТОЕВСКИЙ: ДИАЛОГ С ЧИТАТЕЛЕМ

В.И. Габдуллина

Эпоха 1830–40-х годов, когда складывались литературные интересы Ф.М. Достоевского и он начинал свою писательскую деятельность, была временем расцвета русской журналистики и формирования массового демократического читателя. Как пишет Достоевский в одном из фельетонов «Петербургской летописи» (1847 г.), подводя итоги «литературы за прошлый сезон», «число подписчиков на журналы, газеты и другие издания увеличилось в огромных размерах, и потребность чтения начала распространяться уже по всем сословиям» [XVIII: 28]¹. Результатом этого процесса стало появление понятия «читающая публика», вошедшего в журнальный обиход.

Под «читающей публикой» в письмах Достоевского имеется в виду широкий круг читателей, не ограничивающийся кружком Белинского, членов которого молодой писатель склонен считать на первых порах единомышленниками и называть в письмах не иначе как «наши». «Читающая публика», в представлении Достоевского, – это разнородная читательская аудитория, «толпа», литературные вкусы которой еще не сформировались, поэтому восприятие ею художественного произведения может быть ошибочным, но от приговора этой публики зависит судьба начинающего писателя.

«В публике нашей есть инстинкт, как во всякой толпе, но нет образованности», – замечает Достоевский, имея в виду реакцию читателей на необычную авторскую позицию в романе «Бедные люди». *«Не понимают, как можно писать таким слогом. Во всем они при-*

¹ Здесь и далее произведения Ф.М. Достоевского цитируются по изданию: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л., 1972–1990. В скобках за текстом первая цифра указывает том (при цитировании писем, через дробь, – номер книги), вторая – страницу.

выкли видеть рожу сочинителя: я же моей не показывал [XXVIII/I: 117]. Вместе с тем Достоевский отмечает важное, с его точки зрения, обстоятельство – *восприимчивость* читающей публики к печатному слову: «...у всех потребность как-нибудь высказаться, у всех потребность подхватить и принять к сведению высказанное...» [XVIII: 29], что может послужить залогом появления читателя-единомышленника или «компетентного читателя», пользуясь современной терминологией [Усманова 2001, с. 960].

Вспоминая литературную атмосферу 40-х годов, Достоевский писал в цикле «Ряд статей о русской литературе» (1861 г.) о двух «демонах», владевших умами читателей: «Один их них все смеялся; он смеялся всю жизнь и над собой и над нами, и мы все смеялись за ним, до того смеялись, что наконец стали плакать от нашего смеха. Он постиг назначение поручика Пирогова; он из пропавшей у чиновника шинели сделал нам ужасную трагедию. <...> Он выводил перед нами приобретателей, кулаков, обирателей и всяких заседателей. Ему стоило указать на них пальцем, и уже на лбу их зажигалось клеймо на веки веков, и мы уже наизусть знали: кто они и, главное, как называются. <...> Другой демон – но другого мы, может быть, еще больше любили. <...> Наши чиновники знали его наизусть, и вдруг все начали корчить Мефистофелей, только что выйдут, бывало, из департамента. <...> Наконец, ему наскучило с нами; он нигде ни с кем не мог ужиться; он проклял нас и осмел “насмешкой горькою обманутого сына над промотавшимся отцом” и улетел от нас...» [XVIII: 59]². В своих воспоминаниях Достоевский вновь акцентирует внимание на потребности читателей эпохи его молодости «подхватить» и не просто «принять к сведению», а воспринять художественное открытие писателя как некое «откровение», руководство к действию. Результатом такого понимания характера взаимоотношений писателя с читающей публикой стала установка молодого Достоевского на диалог с читателем как необходимое условие художественного творчества.

В связи с исследованием художественного мира раннего Достоевского понятие *читатель* может быть рассмотрено в следующих аспектах: *биографический*, или *эмпирический*, *читатель* и *читатель как элемент эстетической реальности, концептированный, или идеальный, читатель*. Как пишет Б.О. Корман, «процесс восприятия произведения

² Как замечает В.Я. Кирпотин, «в этой оценке Достоевский удивительно верно передает впечатления своей юности, своего поколения. Все его передовые мыслящие сверстники восприняли Гоголя и Лермонтова как “демонов” по сравнению с Пушкиным» [Кирпотин 1960, с. 90–91].

реальным, биографическим читателем есть процесс формирования читателя как элемента эстетической реальности. В этом акте созидания концепированного читателя принимают участие все уровни литературного произведения» [Корман 1992, с. 187]. Кроме того, анализ ряда произведений Достоевского дает основание для введения понятия «виртуальный» читатель (читатель, принадлежащий миру художественного произведения, как объект авторской рефлексии).

В качестве биографического читателя выступает реальный адресат литературного произведения – современник писателя, принадлежащий к читающей публике. Сам Достоевский, как страстный читатель, в свою очередь, также является биографическим читателем по отношению к произведениям своих современников и предшественников³.

В достоевведении неоднократно отмечалось такое свойство художественного мира Достоевского, как его «литературность»⁴. Сам писатель, раскрывая механизм своей творческой работы в одном из писем брату, не скрывал ее связь с чтением: «Ты, может быть, хочешь знать, чем я занимаюсь, когда не пишу – читаю. Я страшно читаю, и чтение странно действует на меня. Что-нибудь, давно перечитанное, прочитаю вновь и как будто напрягусь новыми силами, вникаю во все, отчетливо понимаю, и сам извлекаю умение создавать» [XXVIII/I: 108]⁵.

Достоевский – сам требовательный читатель – с самых первых шагов в литературе внимательно прислушивался к читательскому мнению. По поводу впечатления от своих произведений у публики он сообщает в письмах брату: «Вечером у Тургенева читал мой роман во всем нашем круге, то есть между 20 человек, по крайней мере, и произвел фурор» [XXVIII/I: 116]⁶; «...публика в остервенении: ругают $\frac{3}{4}$ читателей, но

³ Вопросу о читательских интересах Достоевского в литературоведении уделяется большое внимание; к их исследованию в начале XX столетия обратился Л.П. Гроссман, издавший каталог библиотеки Достоевского [Гроссман 1919]. На протяжении столетия в этом направлении была проделана огромная исследовательская работа, завершившаяся изданием фундаментального коллективного труда «Библиотека Ф.М. Достоевского: Опыт реконструкции» [Библиотека Ф.М. Достоевского 2005].

⁴ «Человек читающий» часто появляется на страницах произведений Достоевского, начиная с его первого романа «Бедные люди», где маленький чиновник Макар Девушкин становится читателем и интерпретатором произведений Пушкина и Гоголя. Посредством введения эпизода чтения героем «Станционного смотрителя» и «Шинели» автор «Бедных людей» вступил в полемику с современниками по вопросу оценки таланта Пушкина и Гоголя. См. об этом: [Кирпотин 1971, с. 78–122; Нечаева 1979, с. 136–140].

⁵ Вопрос об отражении читательского опыта Достоевского в его творчестве достаточно разработан в литературоведении. См., напр., сб. статей: Достоевский и русские писатели. Традиции, новаторство, мастерство. – М., 1971.

⁶ Имеется в виду «Роман в девяти письмах», о котором Достоевский сообщает в этом же письме: «...у меня пришла идея романа в 9 письмах. Придя домой, я написал этот роман в одну ночь...» [XXVIII/I: 116].

¼ (да и то нет) хвалит отчаянно. Debats пошли ужаснейшие. Ругают, ругают, ругают, а все-таки читают» [XXVIII/I: 117]⁷; «...все сердятся на меня за растянутость и все до одного читают напрадую и перечитывают напрадую» [XXVIII/I: 119]; «Иные прямо говорят, что это произведение чудо и не понято. <...> Но брат! Как приятно быть понятым» [XXVIII/I: 139]⁸.

Форма диалога с читателем была излюбленной в прозе раннего Достоевского; потребностью такого диалога объясняется обращение начинающего писателя к жанру фельетона. В форме непринужденной болтовни «фельетониста-фланера» с «господами благовоспитанными читателями» написано Достоевским объявление к альманаху «Зубоскал» (1845 г.)⁹. В первом фельетоне «Петербургской летописи» (1847 г.) автор манифестирует свою позицию, одновременно иронизируя над фельетонной манерой: «*Но я фельетонист, господа, я должен вам говорить об новостях самых свежих, самых животрепещущих – пришлось употребить этот старинный, почтенный эпитет, вероятно созданный в той надежде, что петербургский читатель так и затрепещет радостью от какой-нибудь животрепещущей новости...*» [XVIII, 15].

Исследователь раннего творчества Ф.М. Достоевского В.С. Нечаева замечает, что автор «Петербургской летописи» не противопоставляет себя читателям, а как бы причисляет себя к этой толпе, изображая ее изнутри: «Не легкий юмор, как у Губера и Плещеева, а безжалостная ирония, сатира, сарказм преобладают в изображении им петербургских читателей его фельетонов, к которым он обращается, объединяя себя с ними: “Мы, господа...”» [Нечаева 1979, с. 209]. В этом акте самоиронии, по мнению В.С. Нечаевой, отразилось «тяжелое душевное состояние Достоевского» [Нечаева 1979, с. 208]. Вместе с тем нельзя не заметить, что «фельетонист-фланер» должен рассматриваться как «условный автор» (термин М.М. Бахтина [Бахтин 1975, с. 412]). Фигура фельетониста-повествователя является созданием концепированного автора и не может напрямую ассоциироваться с Ф.М. Достоевским; он такой же персонаж «Петербургской летописи», как и «петербургский читатель». Молодой писатель в данном случае опирается на традицию построения диалога «условного автора» с читателем, восходящую

⁷ Речь идет о реакции публики на роман «Бедные люди».

⁸ Написано Достоевским по поводу отзывов о повести «Двойник».

⁹ «Зубоскал» был запрещен цензурой, поэтому объявление о готовящемся альманахе стало единственным выступлением Достоевского в жанре фельетона в 1845 г. См. об этом: [XVIII: 199].

к Пушкину и Гоголю¹⁰. По поводу манеры Гоголя (на которую ориентируется начинающий писатель Достоевский) Ю.М. Лотман пишет: «Вершиной гоголевского искусства было скрыть себя, выдумать вместо себя другого человека и от его лица разыгрывать романтический водевиль ложной искренности» [Лотман 1997, с. 694].

В «Петербургской летописи» читатель наделяется голосом, выступая то в качестве оппонента, то в качестве единомышленника фельетониста; он является субъектом, обладающим своим текстом, и в то же время играет роль объекта во фразеологической точке зрения автора. Таким образом, в ранней публицистике Достоевского проявилось «диалогическое мироощущение», о котором М.М. Бахтин писал как о постоянной примете творчества Достоевского начиная с «Бедных людей» [Бахтин 1972, с. 459].

Установка на диалог с читателем нашла воплощение в художественной структуре ранней повести Достоевского «Двойник», которую автор в письмах называл романом, а во второй редакции (1866 г.) снабдил авторской жанровой дефиницией «*Петербургская поэма*», обозначив тем самым связь своего произведения с претекстами – поэмой Н.В. Гоголя «Мертвые души» и поэмой А.С. Пушкина «Медный всадник». Помимо указания на «глубокую идеологическую сущность “Двойника”» [Захаров 1985, с. 88], жанровая дефиниция «*поэма*» актуализировала в читательском восприятии лирическое начало, которое проявилось в особой фразеологической точке зрения автора.

В «Двойнике» Достоевский прибегает к повествовательной форме, в которой сосуществует несколько точек зрения: повествователя, героя и читателя. Позиции повествователя и героя дистанцированы, но в речевой сфере автор свободно перемещается с точки зрения повествователя на точку зрения героя¹¹, вовлекая в эту позиционную игру и читателя. При этом, в соответствии с законами восприятия, «пространственная точка зрения заставляет читателя видеть то и только то, что видит субъект сознания» [Корман 1992, с. 187].

Читатель «Двойника» видит мир произведения с различных точек зрения: с позиции повествователя и с позиции персонажа. При этом обе позиции отличаются определенной недостаточностью. Повество-

¹⁰ О соотношении позиций автора и читателя в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» см., напр.: Степанов Л.А. Автор и читатель в романе // Пушкинские чтения на Верхневолжье. – Калинин, 1974.

¹¹ На это нарушение дистанции между автором и героем в речевой сфере впервые обратил внимание В.Г. Белинский: «Автор рассказывает приключения своего героя от себя, но совершенно его языком и его понятиями» [Белинский 1956, с. 29].

ватель не претендует на абсолютное знание внутреннего мира своего героя, постулируя позицию стороннего наблюдателя, ограниченного в своем видении психики Якова Петровича Голядкина: «**по-видимому**, обладатель ее (довольно оплешивевшей фигуры. – В.Г.) остался совершенно доволен всем тем, что увидел в зеркале»; «**по-видимому**, и то, что он отыскал во дворе, совершенно его удовлетворило»; «**вероятно**, пачка зелененьких, сереньких, синеньких, красненьких и разных пестреньких бумажек тоже весьма приветливо и одобрительно глянула на господина Голядкина...»; «**по-видимому**, ни тема разговора, ни сам разговор не понравились господину Голядкину»; «Господин Голядкин осмотрел Петрушку и, **по-видимому**, остался доволен» [I: 110]¹². Повествователь подчеркивает, что понимание героем происходящего не всегда соответствует действительному положению вещей, сопровождая описание его поступков следующими комментариями: «господин Голядкин <...> почти **не заметил** улыбочек и гримас на свой счет <...> Петрушки»; «чиновники же, **как показалось** господину Голядкину, были тоже <...> в крайнем недоумении»; «господину Голядкину **показалось** даже, что другой кликнул его громко по имени» [I: 112]. Таким образом, пространственная точка зрения читателя, совмещающая точки зрения повествователя и героя, становится условием «стереоскопического» читательского восприятия, отличающегося более детальным видением мира героя.

Определив таким образом положение читателя по отношению к миру своего произведения, повествователь как субъект сознания начиная с третьей главы незаметно вовлекает читателя в сферу повествования, вводя номинацию «герой наш» – так теперь зачастую называется господин Голядкин в тексте (вплоть до финала повести). При этом нет сомнения, что притяжательное местоимение множественного числа «наш» относится не к одному повествователю, а к своеобразному союзу повествователя и читателей. Постепенно фигура читателя переносится из внеположного тексту повести пространства в художественный мир произведения.

Вся четвертая глава «Двойника» организована как диалог повествователя с читателем, где субъект сознания выступает в роли «скромного повествователя», ограниченного в своих художественных возможностях, чтобы передать великолепие званого обеда и бала в честь дня рождения Клары Олсуфьевны – дочери статского советника Берендева. Самоуничижительная позиция повествователя не лишена самоиро-

¹² Здесь и далее выделено мной. – В.Г.

нии и одновременно скрытого сарказма, объектом которого становится изображаемое общество.

Открывается глава заявлением повествователя, обращенным к читателям: *«О, если бы я был поэт! – разумеется, по крайней мере такой, как Гомер или Пушкин; с меньшим талантом соваться нельзя – я бы непременно изобразил вам яркими красками и широкой кистью, о читатели! весь этот высокотожественный день»* [I: 128]. Как отмечено комментаторами «Двойника», описание бала в доме Берендеева стилистически ориентировано на гоголевскую манеру («ср. описание вечеринки у губернатора в гл. I первого тома “Мертвых душ”» [I: 486]). Следует заметить также, что намек на Гоголя содержится и в упоминании Гомера, с которым сравнивали автора «Мертвых душ» [Аксаков 1982, с. 44]. Кроме того, неслучайным представляется появление в тексте имени Пушкина в связи с изображением бала в честь именинницы Клары Олсуфьевны (намек на сатирическую картину провинциального дворянского общества в сцене именин Татьяны в романе «Евгений Онегин»). Эти и другие, прокомментированные современными исследователями литературные и культурные аллюзии¹³ явно адресованы не тому читателю, к которому витиевато обращается повествователь, а другому, органичному элементу эстетической реальности – идеальному читателю, на понимание которого рассчитывает автор.

Перечислив все не поддающиеся описанию «великолепия» беда, бала и присутствующих гостей, повествователь вновь обращается к читателям: *«На всё это, как уже выше имел я честь объяснить вам, о читатели! недостает пера моего, и потому я молчу. Обратимся лучше к господину Голядкину, единственному, истинному герою весьма правдивой нашей повести»* [I: 131]. В результате организованного повествователем диалога, адресатом которого являются читатели, на страницах повести создается «виртуальный» коллективный образ читателя, отношение к которому повествователя не менее ироничное, чем к описываемому обществу и к герою, что проявляется, например, в следующих фразах-обращениях к читателям по поводу героя (и как бы языком героя): *«Он, господа, тоже здесь, то есть не на бале, но почти что на бале <...> Он, господа, стоит в уголку. <...> Он, господа, только наблюдает теперь; он, господа, тоже ведь может войти... почему же не войти? <...> Вот в таком положении, господа, находим мы теперь героя совершенно правдивой истории нашей...»* [I: 131–132].

¹³ См., напр.: Ветловская В.Е. Достоевский // Русская литература и фольклор (вторая пол. XIX в.) – Л., 1982; Борисова И.В., Козубовская Г.П. Поэтика зеркальности в повести Достоевского «Двойник» // Филологический анализ текста. – Барнаул, 1998. – Вып. 2; Дилакторская О.Г. Петербургская повесть Достоевского. – СПб., 1999.

Эффект присутствия читателя-наблюдателя в художественном континууме произведения создается за счет совмещения пространственной и временной точек зрения повествователя, «виртуального» читателя и героя. Таким образом, читатель, названный в тексте, становится одним из элементов художественного мира произведения; он так же далек от концептированного читателя (постулируемого идеального адресата текста), как повествователь от концептированного автора.

Текст повести «Двойник» содержит текстуальные стратегии, направленные на актуализацию читательского восприятия путем введения литературных аллюзий. Автор, рассчитывая на творческое отношение к своему тексту читателя как идеального воспринимающего начала, предлагает возможности прочтения своего произведения с учетом определенного культурного и читательского кругозора; реализация же заложенных в тексте возможностей прочтения зависит от степени компетентности конкретного эмпирического читателя, у которого есть перспектива стать идеальным читателем.

Процесс формирования подразумеваемого (или концептированного, идеального) читателя, призванного раскрыть потенциальную множественность значений текста Достоевского предполагает активную позицию эмпирического читателя, дистанцирующего себя относительно «виртуального» читателя, упоминаемого в тексте, пропускающего через свое сознание пространственно-временную и оценочно-идеологическую точки зрения как повествователя, так и героя и способного к восприятию авторской художественной концепции произведения. Именно таким читателем, образ и модель которого формируется текстом произведения, мечтал быть понятым писатель Достоевский, вступая с ним в художественный диалог, который принимал на протяжении его творчества самые различные формы.

Литература

Аксаков К.С. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души» // Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века. – М., 1982.

Бахтин М.М. Из предыстории романного слова // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975.

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1972.

Белинский В.Г. Петербургский сборник // Достоевский в русской критике. – М., 1956.

Библиотека Ф.М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное издание. – СПб., 2005.

- Борисова И.В., Козубовская Г.П. Поэтика зеркальности в повести Достоевского «Двойник» // Филологический анализ текста. – Барнаул, 1998. – Вып. 2.
- Ветловская В.Е. Достоевский // Русская литература и фольклор (вторая пол. XIX в.). – Л., 1982.
- Гроссман Л.П. Библиотека Достоевского. По неизданным материалам. С приложением каталога библиотеки Достоевского. – Одесса, 1919.
- Дилакторская О.Г. Петербургская повесть Достоевского. – СПб., 1999.
- Достоевский и русские писатели. Традиции, новаторство, мастерство. – М., 1971.
- Захаров В.Н. Система жанров Достоевского: типология и поэтика. – Л., 1985.
- Кирпотин В.Я. У истоков романа-трагедии. Достоевский – Пушкин – Гоголь // Достоевский и русские писатели. Традиции, новаторство, мастерство. – М., 1971.
- Кирпотин В.Я. Ф.М. Достоевский. Творческий путь (1821–1859). – М., 1960.
- Корман Б.О. Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов // Корман Б.О. Избранные труды по теории и истории литературы. – Ижевск, 1992.
- Лотман Ю.М. О «реализме» Гоголя // Лотман Ю.М. О русской литературе. – СПб., 1997.
- Нечаева В.С. Ранний Достоевский. 1821–1849. – М., 1979.
- Степанов Л.А. Автор и читатель в романе // Пушкинские чтения на Верхневолжье. – Калинин, 1974.
- Усманова А.Р. Читатель // Постмодернизм. Энциклопедия. – М., 2001.

ФОРМУЛЫ ВСЕЗНАНИЯ, ЧТЕНИЕ МЫСЛЕЙ И ОТВЕТНЫЙ ВЗГЛЯД У ДОСТОЕВСКОГО

(Статья вторая)

О.А. Ковалев

6

Мемуаристы и биографы Достоевского нередко отмечали скрытность, мнительность, болезненное самолюбие писателя ([Достоевский в воспоминаниях..., с. 165, 172, 219], [Бурсов 1982, с. 100–105]), – черты, как нам кажется, взаимосвязанные и, несомненно, имеющие отношение к обсуждаемой здесь проблеме. Не требуется большой смелости и оригинальности, чтобы предположить, опираясь на данные свидетельства, что в произведениях Достоевского выражена характерная для самого автора интенция – к сокрытию тайны, равно как и к ее раскрытию. Он наделяет героев своими страхами, изживая их в воображаемом мире произведений. При этом раскрытие тайны, несмотря на травмирующий (в широком смысле) характер этого процесса для героя, автора и читателя, становится для автора формой психологического катарсиса, ибо, снимая напряжение, приносит некое освобождение. Творчество,

таким образом, являлось для автора формой терапии. В этом наблюдении самом по себе нет ничего нового, но при этом, что особенно для нас важно, Достоевскому было присуще представление о писательстве как процессе обнаружения тайн пишущего – вольного или невольного. В словах князя Валковского из романа «Униженные и оскорбленные» во многом содержится ключ к основной, может быть, творческой интенции Достоевского, предполагающей одновременно желание высказаться и страх перед полной откровенностью: *«Если б только могло быть <...> чтоб каждый из нас описал всю свою подноготную, но так, чтоб не побоялся изложить не только то, что он боится сказать и ни за что не скажет людям, не только то, что он боится сказать своим лучшим друзьям, но даже и то, в чем подчас боится признаться самому себе, – то ведь на свете поднялся бы тогда такой смрад, что нам бы всем надо было задохнуться»* [III: 361]. На наш взгляд, тексты произведений Достоевского хорошо отражают характерное для писателя колебание между собственно исповедью и художественной псевдоисповедью, предполагающей зашифровывание утаиваемого. Псевдоисповедь может рассматриваться, с одной стороны, как форма лицемерия, фальши, условности¹ и как возможность проговориться, невольно выдать скрываемую тайну – с другой.

Итак, писательское творчество превращается в катарсическое освобождение. Но откровенность никогда не является полной, так как в отношении установки на открытость всегда действует цензура, и, кроме того, художественный текст не может восприниматься как собственно исповедь. Писатель не исповедует – он скорее «проговаривается». Эта диалектика открытости-закрытости, имеющая психический источник, пронизывает собою, на наш взгляд, все творчество писателя. Поэтому литература рассматривается у Достоевского как форма исповеди, но исповеди фальшивой, ненастоящей, противопоставляясь исповеди как таковой, разламывающей границы литературности. Эта оппозиция фальши и искренности придает особый смысл и особое освещение характерной в целом для литературы XIX века интенции к преодолению литературности литературы.

Страх героев Достоевского перед публичным разоблачением связан с интересом автора к внутреннему человеку, его установкой на обнаружение и обнажение некоей глубины. Эта установка была сознательной, о чем свидетельствует, например, известное признание писателя: «Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смыс-

¹ В этом смысле Тоцкий и Епанчин являются авторами-двойниками первичного автора не в меньшей степени, чем, например, Девушкин или Ордынов.

ле, то есть изображаю *все глубины* души человеческой» [XXVII: 65]. Установка на поиск глубины, предполагающая движение с поверхности в глубь утаиваемого, в какой-то степени была стимулирована отзывами критиков на первые произведения, отмечавших аналитизм и психологизм начинающего писателя как черту наиболее для него характерную и наиболее ценную. При этом, – если говорить о том, как именно представляет себе Достоевский задачу постижения глубины – внимание Достоевского фиксируется прежде всего на парадоксальности поведения человека, элементах иррационализма в мотивации – когда расходятся решения и поступки, когда не действуют принципы этического утилитаризма и человек поступает вопреки собственной выгоде.

Естественно предположить, что глубина, о которой ведет речь Достоевский, связана у него с представлением о тайне. Постигание тайны-глубины оценивается как всезнание. Всезнание, в свою очередь, означает знание «подноготной»: либо того, что человек пытается скрыть, либо просто его дурных мыслей и желаний. Но почему всезнание в представлении Достоевского получает в основном негативные коннотации?

Не претендуя пока на окончательный ответ на этот вопрос, отметим следующее. Установка Достоевского на самоанализ неотрывна от стремления проникнуть в психику другого человека, но решается эта задача с применением знания о психических структурах, обнаруженных при самоанализе. Степень глубины проникновения в другого оценивается в соответствии с тем, удастся или нет обнаружить в нем те же самые психические структуры и механизмы (болезненное самолюбие, страх показаться смешным и т.п.).² Эти механизмы легко выявить, так как устами разных персонажей они проговариваются в текстах произведений. Но устремленность на другого является обратимой, то есть наблюдатель-аналитик предполагает возможным движение, обратное его активности, – от другого к себе. Внешняя интенция человека, например любопытство, почти автоматически проецируется и извне на субъекта; то есть направленность взгляда писателя-наблюдателя в какой-то момент может обернуться взглядом другого / других на наблюдателя. Данный механизм, как известно, описывался М. Мерло-Понти [Ямпольский 2001, с. 202–203]. В его основе – фундаментальное свойство восприятия: когда мы видим, мы видим, в частности, и себя; любое видение в своей основе нарциссично.

² Замечательно, что в «Записках из Мертвого дома» при характеристике большинства персонажей произведения, основанного на документальном (автобиографическом) материале, Достоевский настойчиво выделяет примерно один и тот же личностный комплекс: гордость, амбициозность, самолюбие и т.п.

Бессмысленно ставить вопрос о том, что первично – установка на самоанализ или стремление постигнуть тайну другого человека. Очевидно лишь то, что без интровертированности Достоевского, без углубленной направленности его взгляда на мотивы собственных поступков, не было бы его своеобразных героев. Конечно, установка писателя на углубленный самоанализ в значительной степени была порождением эпохи гипертрофированной рефлексии. И в то же время парадоксальность человека у Достоевского во многом была следствием приложения к персонажу некоторых принципов романтической философии, в частности критики славянофилами крайностей рационализма.

7

Всезнание в плане поэтики выводит нас на очень важную и хорошо известную особенность произведений Достоевского: на уровне повествования происходит уход от позиции всезнания, то есть кругозор нарратора заметно ограничивается.

Ограничение всезнания повествователя в романах Достоевского получило подробную характеристику М.М. Бахтина в связи с категорией диалога [Бахтин 1979]³. Диалог предполагает отсутствие трансгredientного элемента у кого-либо из его участников, то есть всезнание допустимо как приобщенность героев к общему полю смыслов, но исключается всезнание, предполагающее дополнительное, избыточное знание повествователя. Справедливо мнение о том, что Достоевский был для Бахтина лишь удобным материалом для формулировки своих утопических идей скорее философского, чем литературоведческого плана⁴, однако несомненно и то, что концепция диалога охватила своей сетью весьма существенные особенности поэтики. Действительно, всезнание у Достоевского перестает быть прерогативой повествователя (как представителя автора в тексте) и становится атрибутом персонажей (с неизбежными оговорками, ибо определение «все» в данном случае было бы преувеличением: по крайней мере, далеко не «все» герои имеют возможность это потенциальное всезнание проявить, всегда следует говорить о более или менее ограниченном круге идеологов-спорщиков, для которых такое всезнание необходимо; в некоторых случаях всезнание если и определяет логику поведения героя, то остается, так сказать, имплицитным, невыговоренным).

³ Ср. также определение полифонического романа у Б.А. Успенского: [Успенский 1995, с. 21].

⁴ См., например: [Эткинд А. 1999, с. 9].

Таким образом, бегство от всезнания на одном уровне сопровождается его реализацией на другом уровне. На одном полюсе всезнание ограничивается, зато на другом происходит обнажение всевозможных тайн, благодаря которому и повествователь, и читатель удовлетворяют свое любопытство. В то же время сам момент удовлетворения любопытства сопровождается чем-то вроде чувства вины либо у самого наблюдателя, либо – в трансформированном виде – в качестве внешней оценки другого наблюдателя. Ситуация во многом соответствует тому, как описывается в психоанализе механизм вытеснения. Стремление, присущее автору, проецируется на вымышленных героев, у которых оно может быть представлено как в негативном, так и в позитивном, идеализированном ключе.

Однако отмеченная борьба с самим собой не может быть объяснена чисто психологически. Нельзя не учитывать философский, идеологический подтекст внутренней борьбы с всезнанием: Достоевский тем самым вступает в спор с позитивистскими тенденциями в культуре своей эпохи, производя градацию в поле самого знания. Всезнающие герои Достоевского в основном способны охватить лишь определенный, эмпирический пласт знания, но самая главная его составляющая ускользает от них. Всезнание, следовательно, предполагает некоторую ограниченность, профанацию истины, располагающейся на другом уровне. Оно касается лишь профанной сферы, оставляя незатронутой сферу сакрального, которую нельзя назвать, а можно только выразить символически. В этом смысле всезнание, каким оно представлено у персонажей Достоевского, неизбежно является мнимым в сравнении с подлинным всезнанием абсолютного субъекта – Бога. Возможно, исключением в этом смысле является всезнание старца Зосимы, но в тексте романа «Братья Карамазовы» оно подвергается глумлению со стороны некоторых персонажей, в первую очередь Федора Павловича Карамазова. Конечно, у Зосимы гораздо больше оснований претендовать на всезнание, чем у Фомы Фомича Опискина, но, как ни крамольно может прозвучать подобное высказывание, в каком-то смысле эти персонажи подобны.

Кроме того, что знание подвергается градации и аксиологизации, происходит также особое моделирование способа получения информации, когда выделяются ее разные уровни и то, что может быть изложено, проговорено, высказано, нередко оказывается информацией второстепенной⁵. Такая структура в какой-то степени была следстви-

⁵ Е.Г. Эткинд так определяет специфику психологизма Достоевского: «... душевная глубина словесно невыразима – показать ее в прямой форме нельзя. Сообщить о процессах, происходящих в сознании и, говоря позднейшим языком, в подсознании, можно, однако, лишь косвенно: ничего не называя, демонстрировать читателю отдельные внутренние силы, вступающие во взаимодействие и противоборство и лишь в совокупности образующие движущийся мир “внутреннего человека”» [Эткинд Е. 1999, с. 217].

ем негативной реакции на позитивизм, с его эмпирическими методами познания (может быть, главная писательская идеологическая интенция Достоевского).

Градация знания, его иерархизация у Достоевского, видимо, имели важное значение. В рамках настоящей статьи нет возможности достаточно полно проследить их философские и теологические источники. Однако очевидна роль, которую сыграли для отмеченной градации противопоставление разума и чувства в предромантической, романтической и отчасти постромантической культуре, интуитивизм и иррационализм романтической гносеологии, а также гносеологическое смирение как обязательная компонента поведения человека христианской культуры. Всезнание и всеведение верующим человеком должны восприниматься как атрибуты Бога-отца, а претензии обычного человека на всезнание, соответственно, как бунт против Бога.

Если же данную интенцию, имеющую философский смысл, перевести в план защитных механизмов психики, можно заметить, что организация форм восприятия информации читателем является в то же время внутренней, психологической интенцией текста – призывом не воспринимать как главное то, что можно узнать с помощью эмпирического наблюдения, то, что распространяется, например, в виде сплетен. И тогда текст можно рассматривать как скрытое моделирование самообраза.

Такое отношение к литературе, при всей его оригинальности и индивидуальности, задавалось во многом условиями культуры. С точки зрения исторической поэтики, суть произошедшего на рубеже XVIII–XIX веков культурного перелома заключается в том, что слово приобрело особую гибкость в его взаимодействии с нелитературной реальностью [Михайлов 1997, с. 73]. Одна из сторон этого переворота – интимный контакт литературного слова с личностью автора. Поэтому проблема литературности личности, предполагающей поиск истинного, нелитературного «я» в XIX веке, – это проблема не одного Достоевского. Достаточно вспомнить «случай Ап. Григорьева», чтобы убедиться в этом⁶. Будучи сферой частного человека, с его интересами, литература в значительной степени являлась формой личной самоидентификации и самоконструирования субъекта творчества. Однако дефицит условности в восприятии литературы с необходимостью предполагал установку на разрушение литературы в себе, бегство от литературы⁷.

⁶ Характеристику творчества Ап. Григорьева в аспекте проблемы литературности см. в нашей работе: [Ковалев 1995].

⁷ См. также: [Лотман 1992, с. 286].

Почему всезнание изначально воспринималось Достоевским как атрибут автора? Очевидно, что для ответа на этот вопрос требуется, не ограничиваясь характеристикой личности или психики писателя, обратиться к самому социальному институту авторства и к автору как категории поэтаки. Как справедливо отмечает Е.Ю. Сафронова, мотив подглядывания связан у Достоевского с представлением о социальном положении литературы [Сафронова 2006, с. 18]. Точнее, с представлением (не всегда вербализуемым) о том, что такое литература. Но в формировании этого представления определенную роль могла играть поэтика.

Амбивалентный комплекс всезнания у Достоевского можно оценить как выражение конфликта между традиционной повествовательной структурой романа (прежде всего аукториальным повествованием), в значительной степени являющейся источником представления о всезнающем статусе автора⁸, и теми тенденциями в культуре, которые, лишая писателя поддержки авторитетов и ценностей разного типа (религиозных, сословных, национальных), требовали от него позиционирования себя в качестве частного человека. В перспективе эти культурные тенденции вели к развитию персонального (акториального) повествования, но у Достоевского выразились в сложном и парадоксальном соотношении между нарратором и героем.

Подглядывание у Достоевского неизменно связывается с наблюдателями, имеющими прямое или косвенное отношение к литературе. Но каковы конкретные истоки этой устойчивой связи? Скорее всего, следует обратиться к историко-литературным явлениям, имеющим наибольшее отношение к писателю. По-видимому, это «натуральная школа» и романтизм.

Специфику «натуральной школы» во многом обусловила ее ориентация на жанр очерка. Влияние позитивизма на художественную культуру выразилось, в частности, в том, что писатели рассматривают творчество как форму исследования (даже расследования) эмпирического типа (описание, наблюдение, эксперимент). Поэтому в «натуральной школе» персонаж из условной литературной фигуры превращает-

⁸ Нарратор – заместитель автора в тексте – для читателя, не очень хорошо знакомого с биографией и другими текстами реального автора, становится главным источником читательского представления о конкретном писателе. Но нельзя игнорировать возможность обратного движения: для самого писателя условная (по определению) форма наррации, персонифицированная в фигуре нарратора, могла становиться способом самоидентификации и, соответственно, источником его представлений об авторстве как социальном институте.

ся в образ, имеющий истоки в самой действительности и соотносимый с реальным человеком, что создает базу для идентификации литературного героя с реальным человеком и, наоборот, реального человека с героем литературы⁹.

Романтизм, как ни странно это может показаться, в данном отношении двигался в том же направлении, «оживляя» героя, только здесь персонаж становился инобытием самого автора, отделившимся от него двойником. Не случайно страх стать предметом изображения в литературном тексте в России усиливается практически одновременно со случаями массового подражания героям-двойникам автора и самим авторам (Байрону, Лермонтову). Конечно, этот страх во многом объясняется ситуацией литературоцентризма, в которой находилась в это время Россия [Берг 2000, с. 180–200] и тем статусом сверхценности, который приобретало литературное слово.

Реальный человек может стать героем произведения, если его описать в каком-либо сочинении. С этим связан страх, знакомый некоторым героям Достоевского. Вспомним случай Макара Девушкина или г-на Бахчеева (из повести «Село Степанчиково и его обитатели»). При этом страх этот можно признать оправданным, если учесть, что и тот и другой – герои произведения. Наблюдатель, к которому обращается Бахчев, «действительно» описывает его в своем романе (один из многочисленных у Достоевского случаев того, как происходит именно то, чего боится герой). Опасение стать персонажем произведения является для автора способом создания эффекта реальности: перед вами не художественная конструкция, – как бы утверждает текст, а описание реального человека. Разумеется, с этой точки зрения на реальность претендует не сам герой как часть художественного текста, а его предполагаемая внетекстовая и дотекстовая первопричина. Происходит раздвоение субъекта действия: он выступает одновременно и как часть произведения, и как мнимая внетекстовая реальность. Но при этом атрибуты этих двух субъектов оказываются неразличимыми, так что персонажу приписываются характеристики реального человека и, наоборот, реальному человеку – атрибуты персонажа.

У Достоевского эффект оживления героя связан с характерной для писателя мыслью о парадоксальности человека, которая (с точки зрения поэтики) выражается в разграничении в структуре персонажа, с одной

⁹ Мысль о том, что именно в начале XIX века создаются культурные основания для нового типа корреляции между человеком и литературным персонажем встречается у Ю.М. Лотмана [Лотман 1992, с. 285–286].

стороны, жесткой, исчерпывающей суть человека характеристики-определения и, с другой стороны, тех его проявлений, которые свидетельствуют о выпадении персонажа из системы ожиданий, созданных с помощью жестко очерчивающих его определений.

Персонаж, в силу указанных причин, перестает восприниматься как художественный конструкт, плод фантазии автора или воспроизведение культурного стереотипа и «оживает». Сюжет оживания героя в разной (хотя бы очень редуцированной форме) можно встретить у Гоголя, Гончарова, Тургенева. В какой-то степени его идеологическое наполнение связано с филантропической идеей возрождения погибшего человека, но важно отметить, что событие оживания героя соединяет уровни диегесиса и дискурса, разламывая границу между ними. Этот сдвиг границы между дискурсом и диегесисом можно отнести к явлениям металеписиса, как его понимают в настоящее время нарратологи [Зенкин 2006, с. 392–395].

Художественный текст моделирует диалогическую структуру авторского сознания, но делает это таким образом, что результат моделирования разламывает повествовательную структуру, обнажая одновременно и условность миметического принципа и недостаточность, неполноту повествовательной структуры, нуждающейся для оживания в контакте с внешним миром. Игры с повествованием – вещь не такая уж редкая, и не только в литературе XX века. Особенность Достоевского в этом смысле заключается в том, что игры как таковой у него нет, парадоксы повествования могут даже оказаться незамеченными читателем. Требуются специальные усилия, чтобы обнаружить тот факт, что его произведения пронизывает – в качестве ключевой темы – рефлексия об авторе, литературе и писательстве.

Психоаналитический анализ в настоящее время не принято противопоставлять историко-культурному и социологическому¹⁰. Важно понять как раз то, как историко-культурная ситуация взаимодействует с уровнем индивидуальной психики, притом взаимодействует на всех этапах – как на стадии формирования психологии индивидуального творца, так и при его попытках занять свое место в культуре, вступая в борьбу с автором-предшественником, а также при попытке решения с помощью литературы и в литературе психологических проблем.

По мнению М. Берга, социальный статус литературы и писателя влияет на авторские стратегии, «которые осознанно или неосознанно учитывают положение поля литературы в социальном пространстве и

¹⁰ См., например, работы И. Паперно [Паперно 1996] и И. Смирнова [Смирнов 1994].

воздействие на это пространство системы социальных, культурных и прочих стереотипов» [Берг 2000, с. 183]. Ситуация литературоцентризма определила во многом и отношение Достоевского к литературному творчеству, и особенности поэтики его произведений, и способы взаимодействия в его творчестве традиционного с индивидуальным и личным. Конечно, в рамках данной статьи дать исчерпывающую характеристику того, что значила для Достоевского литература, невозможно, да это и не входило в наши задачи. Однако несомненным представляется тот факт, что, являясь для него важнейшим способом самоутверждения, то есть наделения ценностью индивидуального, литература воспринималась также как поле символического распределения власти, при котором самоутверждение неизбежно оставляло сомнения, а победа никогда не становилась полной и окончательной.

В литературоцентристской России XIX века именно писатель в наибольшей степени претендовал на позиции духовного лидера, человека, разбирающегося во всем, способного быть учителем, моралистом, философом, имеющим, помимо прочего, выход к тайному, пророческому знанию. Пророческая установка у Достоевского была выражена в большей, может быть, степени, чем у кого-либо из русских писателей. Характеризуя представление о Достоевском как о пророке, Лев Шестов писал в 1906 году: «Вслед за Соловьевым, часто, впрочем, совершенно от него независимо, очень многие смотрели на Достоевского как на человека, пред которым лежали открытыми книги человеческих судеб. И это не только после его смерти, но даже еще при жизни. По-видимому, и сам Достоевский если и не считал себя пророком (для этого он был слишком проницателен), то, во всяком случае, полагал, что всем людям следует видеть в нем пророка. Об этом свидетельствует и тон “Дневника писателя”, и вопросы, которых он там обыкновенно касался» [Шестов 1990, с. 119]. Достоевского, действительно, и при жизни, и после смерти нередко воспринимали как пророка – писателя, умеющего предвидеть и предчувствовать будущее, способного проникать в глубины, недоступные другим людям. Такое представление не было чуждо и самому писателю, чему свидетельства легко можно найти в мемуарной литературе. Обратим, однако, внимание на то, с какой осторожностью пишет Л. Шестов об отношении писателя к своим пророчествам¹¹. Пророческая установка Достоевского, а также соответствующее представление о писательстве выражены, в частности, в повторяющихся в его произведениях формулах всезнания и всепредчувствия. В то же время предложенный в данной

¹¹ Ср. также: «Он знал, конечно, что он не пророк, но он знал, что пророков на земле не было, а которые были, не имели на это большего права, чем он» [Шестов 1990, с. 123].

статье анализ мотива всезнания свидетельствует прежде всего о сложной идеологии комплекса всезнания в произведениях Достоевского: как о склонности воспринимать писателя в качестве человека, в своем пределе наделенного особым отношением к истине, так и о действии механизма вытеснения соответствующей установки у самого Достоевского.

Думается, отрицательный пример Гоголя – гениального (в восприятии литературного круга, к которому относился Достоевский) писателя, в роли духовного вождя нации потерпевшего фиаско, должен был призывать Достоевского к осторожности. Определенную роль, несомненно, сыграла и установка на расподобление с таким «всезнающим» автором, как Л.Н. Толстой¹². Поэтому в его отношении к предназначению писателя одновременно присутствует и профетическая установка, и скепсис в отношении к всезнанию, что, на наш взгляд, в значительной степени объясняет амбивалентность соответствующего мотива в его творчестве.

Литература

- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1979.
- Берг М. Литературократия: Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. – М., 2000.
- Бурсов Б.И. Избранные работы в 2-х т. – Л., 1982. – Т. 2: Личность Достоевского.
- Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2-х т. – М., 1990. – Т. 1.
- Зенкин С.Н. Поэтика трансгрессии (Заметки о теории, 13) // Новое литературное обозрение. – 2006. – № 78.
- Ковалев О.А. Проза Аполлона Григорьева в контексте русской литературы 30–60-х годов XIX века: автореф. дисс. ... кандидата филол. наук. – Томск, 1995.
- Лотман Ю.М. Театр и театральность в строе культуры начала XIX века // Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3 т. – Таллинн, 1992. – Т. 1.
- Манн Ю.В. Автор и повествование // Историческая поэтика. – М., 1994.
- Михайлов А.В. Языки культуры. – М., 1997.
- Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. – М., 1996.
- Сафронова Е.Ю. Дискурс права в творчестве Ф.М. Достоевского 1846–1862 гг.: автореф. дисс. ... кандидата филол. наук. – Барнаул, 2006.
- Смирнов И.П. Психодиахронология: Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. – М., 1994.
- Успенский Б.А. Семиотика искусства. – М., 1995.
- Шестов Л. Пророческий дар (К 25-летию смерти Ф.М. Достоевского) // О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов. – М., 1990.

¹² Ср. противопоставление романов монологического и полифонического типов у М.М. Бахтина [Бахтин 1979], а также характеристику автора-повествователя у Л.Н. Толстого в: [Манн 1994, с. 453–456].

Эткинд А. И. Д. Ермаков и начало русского психоанализа // Ермаков И. Д. Психоанализ литературы. Пушкин. Гоголь. Достоевский. – М., 1999.

Эткинд Е. Г. «Внутренний человек» и внешняя речь: Очерки психопэтики русской литературы XVIII–XIX веков. – М., 1999.

Ямпольский М. О близком (Очерки немиметического зрения). – М., 2001.

ОСТРОВ КАК ПРИТЧЕВЫЙ ХРОНОТОП В АНГЛИЙСКОЙ ДРАМАТУРГИИ XX ВЕКА

С. Г. Комаров

Одной из первостепенных черт английской драматургии XX века, как и всей мировой литературы, стало тяготение к условной форме. «В ретроспективном взгляде на XX век как художественную эпоху, – отмечает в связи с этим В. А. Пестерев, – разработка условной формы представляется одним из главных эстетических призваний столетия» [Пестерев 1999, с. 18].

«Стремление приблизиться к глубинному первоисточнику образности» [Пестерев 1999, с. 21], свойственное большинству английских драматургов XX века, ведет к созданию обновленных условных форм, к числу которых следует отнести и драму с притчевым началом.

Притчевое начало является одним из фундаментальных качеств английской драматургии прошлого столетия. Проявляется это начало прежде всего в том, что в драматургическом произведении конституирующую функцию несут символические образы, способствующие порождению многопланового философского подтекста. «... подлинным основанием символизма, – указывает Рене Женон, – является соответствие, связующее вместе все уровни реальности, присоединяющее их один к другому и, следовательно, простирающееся от природного порядка в целом к сверхъестественному порядку. Благодаря этому соответствию, вся Природа есть не что иное, как символ, то есть ее подлинное значение становится очевидным, только если она рассматривается как указатель, могущий заставить нас осознать сверхъестественные или “метафизические” истины – метафизические в действительном, подлинном смысле слова; в этом и состоит “сущностная функция символизма” <...> Символ обязательно стоит ниже той вещи, которую символизирует, – и тем самым устраняются все натуралистические представления о символизме» [Керлот 1994, с. 34].

Одним из самых концептуально значимых символических образов в драматических произведениях с элементами притчевой структуры следует назвать хронотоп острова.

Особенно показательно включение островного хронотопа в художественный мир драмы Рональда Харвуда «С кем ты?» («Taking Sides») (1995) [Харвуд 2002, с. 113–175], где данный пространственно-временной образ представлен в имплицитном виде. Действие произведения разворачивается в кабинете майора Арнольда в Американской зоне оккупации Берлина в 1946 году. Этот кабинет выступает в произведении Р. Харвуда в качестве обособленного, замкнутого пространства.

Первая развернутая ремарка, предвещающая начало первого действия произведения и содержащая отчетливо выраженную экспонирующую функцию, начинается следующей фразой: «Кабинет майора Арнольда представляет собой остров среди развалин, в которые город был превращен налетами союзной авиации» [Харвуд 2002, с. 116]. Как видно из этого фрагмента, внешнему хронотопу, реальному по своей сути, приписываются черты другого хронотопа, в результате чего представленный в произведении пространственно-временной образ приобретает черты притчевой условности и открывает совершенно иную, более глубокую смысловую реальность. В этом эпизоде содержится прямое авторское указание на трансформированность конкретного хронотопа в хронотоп с притчевым элементом.

В большинстве же английских драм XX столетия таких прямых авторских указаний нет. Однако данное обстоятельство ни в коей мере не изменяет существа проблемы: реальный хронотоп, как правило, наделяется особыми чертами и становится знаковым символическим образом, являющимся важнейшим признаком притчевой поэтики драматургического текста. При этом именно остров как имплицитный хронотоп выступает чаще всего в качестве того символического образа, наличие которого само по себе, на наш взгляд, уже свидетельствует о притчевой специфике драмы.

Образ острова является весьма типичным для английской притчи. Сам остров в мировой культуре являет собой сложный символ, имеющий несколько значений. По мысли Юнга, остров – «это убежище в опасном потоке “моря” бессознательного, или, другими словами, это синтез сознания и воли. Остров также символизирует одиночество, изоляцию, смерть. У большинства отшельников об острове остаются мрачные воспоминания» [Керлот 1994, с. 370].

Хронотоп острова в английской драматургии XX века как многозначный символический образ восходит к традициям В. Шекспира («Буря»), Т. Мора («Утопия»), Д. Дефо («Робинзон Крузо»), Д. Свифта («Приключения Гулливера»).

Остров в контексте английской притчи приобретает свой добавочный, автономный смысл. Он выступает во всех случаях как символ достижения истины: замкнутое островное пространство заставляет человека раскрыть свою подлинную суть, стать самим собой. Так, в шекспировской «Буре» все персонажи узнают подлинную правду о своей жизни, о самих себе. В романе Д. Дефо также обнажается истина: герой читает Библию и постигает глубинный смысл своего существования. Познание иной реальности в произведении Д. Свифта также способствует проникновению героя в глубинные пласты бытия, а значит – познанию Истины.

В XX веке остров как сложный хронотопический образ претерпевает существенную эволюцию и из собственно эксплицитного, открыто выраженного переходит в элемент внутренней структуры произведения, становится имплицитным по своей сути. Такова общая закономерность развития островного хронотопа: есть, безусловно, и исключения, представляющие данный хронотоп эксплицитно (например, такой образ наличествует в драме Дж.Б. Пристли «Сокровище на острове Пеликан»), но они не играют решающей роли в проявлении общей тенденции.

Имплицитный характер острова как хронотопической доминанты притчевого дискурса связан с одной важной особенностью английской притчи, которая проявляется в следующем. В плане хронотопическом действие английской притчи должно разворачиваться в некоем замкнутом пространстве, где допускается художественная условность: влияние внешнего мира остается за пределами этого пространства, нивелировано благодаря его замкнутости. «Притча, – указывает В. Скороденко, – по самой своей сути стремится отграничить для себя определенный участок мнимой или реальной действительности, чтобы превратить его в своего рода опытное поле, лабораторную площадку, на которой сюжет, выливающийся в иносказание, мог бы развиваться без помех» [Скороденко 1981, с. 8]. Эта лабораторная площадка, на которой, как правило, развивается действие драматургической притчи, и выступает как остров.

Притчевый хронотоп острова представляет собой важный аспект драматургической поэтики английских авторов XX века. К символическому образу острова обращались Джон Голсуорси, Сомерсет Моэм и Джон Бойнтон Пристли, творчество которых приходится преимущественно на первую половину прошлого века. Эту же традицию обращения к островному хронотопу продолжили авторы второй половины XX столетия – Гарольд Пинтер, Шейла Дилени, Рональд Харвуд и другие.

Остров как притчевый хронотоп семантически представлен в пьесах английских авторов в виде нескольких смысловых моделей.

Первая модель острова, выступающего в качестве имплицитного хронотопа, может быть определена как «земля обетованная» (по названию пьесы С. Моэма). «Земля обетованная» – аллюзия библейского образа Ханаана, земли обетованной, обещанной народу Моисея в качестве награды за преданность Творцу, – Ханаана, которого так и не достигли возроптавшие на Господа израильтяне. «Земля обетованная» как притчевый хронотоп являет собой трансформацию библейского образа и означает то место, тот уголок на земле, где человек найдет свое счастье.

Сама модель «земля обетованная» в драматургии английских авторов представлена двояко: с одной стороны, как символический образ, созданный в рамках реалистической эстетики; с другой стороны, как образ, созданный при помощи фантастического допущения.

Первый вариант рассматриваемой модели воплощен в пьесе С. Моэма «Земля обетованная» («The Land of Promise»)¹, которая была создана в 1913 году.

В центре произведения судьба молодой женщины Нора Марш. Пробыв компаньонкой у пожилой дамы в течение десяти лет, она лишается места из-за смерти своей госпожи, а также не удостоивается и денежного вознаграждения, которое ей было обещано хозяйкой. От безысходности героиня отправляется в Канаду к своему брату-фермеру, женатому на канадской женщине. В доме брата Нора, не привыкшая к простому физическому труду и избалованная роскошью прежней жизни, оказывается лишней. Именно поэтому она принимает предложение Фрэнка Тэйлора, другого фермера, стать его женой. Оказавшись в хижине своего мужа, не имея при этом ни малейших представлений о мужских особенностях личности, Нора поначалу проявляет строптивый нрав, но, вынужденная выживать в суровых условиях и заново учиться жизни, она постепенно привыкает к новой обстановке и проникается чувством любви к человеку, который сделал ее жизнь осмысленной и содержательной.

Внешне простой сюжет этой драмы содержит определенный философский смысл, который позволяет отнести произведение к пьесам с отчетливо выраженным притчевым началом. В плане сюжетно-композиционной структуры «Земли обетованной» Моэм не стал первооткрывателем, а прежде всего воплотил в драме традиции своих сооте-

¹ Моэм С. Земля обетованная. Пьеса в четырех действиях: Пер. с англ. М. Островской и А. Успенского. – М., 1958.

чественников – В. Шекспира и Д. Дефо, также не чуждых притчевой поэтики текста.

Что связывает рассматриваемое произведение с миром шекспировского театра? Очевидное сходство сюжетной основы пьесы «Земля обетованная» с событийным ядром комедии В. Шекспира «Укрощение строптивой». Моэм в своей драме трансформировал основную сюжетную линию пьесы В. Шекспира – линию Петруччо и Катарины. Действительно, при значительных различиях двух пьес, определяемых прежде всего хронотопом, обнаруживается единая сюжетная схема, связанная с образами главных героев: взаимоотношения Норы и Фрэнка Тэйлора строятся в той же последовательности и по тем же принципам, что и сюжетная линия Петруччо и Катарины в шекспировской комедии «Укрощение строптивой».

Общую сюжетную схему двух произведений – В. Шекспира и С. Моэма – можно представить следующим образом.

1) Встреча героя и героини; следующая за этой встречей острая и беспощадная словесная дуэль.

Петруччо. Я двинулся сюда тебя посылать.

Катарина. Он двинулся! Кто двинул вас сюда, Пусть выдвинет отсюда. Вижу я, Передвигать вас можно.

Петруччо. То есть как?

Катарина. Как этот стул.

Петруччо. Садись же на меня.

Катарина. Ослам таким, как ты, привычна тяжесть.

Петруччо. Вас, женщин, тяжесть тоже не страшит.

Катарина. Ты про меня? – Ищи другую клячу [Шекспир 1993, с. 82].

Тэйлор. Некоторые девушки мечтают выйти замуж. В самом этом слове есть для них что-то притягательное.

Нора. И вам кажется, что девушка сразу ухватится за возможность выйти за вас замуж?

Тэйлор. Ну, бывают и худшие мужья.

Нора. Вы себе льстите.

Тэйлор. Дело свое я знаю, а этим далеко не все могут похвастаться. И не так уж я глуп.

Нора. Почему вы так думаете?

Тэйлор. Потому что могу понять, что и вы не дура [Моэм 1958, с. 36].

Очевидно, что в диалоге героев Моэма нет такой внешней остроты, как у Шекспира: обусловлено это прежде всего особенностями шекспировской Катарины, которую характеризуют как «строптивную и злющую невесту», «дикую кошку». Нора же у Моэма отличается «приличными манерами». Острота спора с нею поэтому носит более интеллектуальный характер.

2) Соединение героя и героини узами законного брака.

3) Отказ героини, ставшей замужней женщиной, жить по принципам мужа, в соответствии с общепринятыми человеческими нормами.

- 4) Житейские поучения героя, адресованные его избраннице.
- 5) Постепенное подчинение героини законам христианского брака.
- 6) Достижение взаимного счастья и согласия.
- 7) Моральный вывод, толкование событийно-притчевой основы произведения.

Катарина. ...Муж – повелитель твой, защитник, жизнь,
Глава твоя. В заботах о тебе
Он трудится на суше и на море,
Не спит ночами в шторм, выносит стужу,
Пока ты дома нежишься в тепле,
Опасностей не зная и лишений.
А от тебя он хочет лишь любви,
Приветливого взгляда, послушанья –
Ничтожной платы за его труды.
Как поданный обязан государю,
Так женщина – супругу своему [Шекспир 1993, с. 205–206].

Героиня Моэма также произносит знаковую реплику, но акцент в ней делается не на взаимоотношениях мужчины и женщины, а на важности той жизни, которую стала вести Нора с Тэйлором в социальном плане: она не была «строптивой дикой кошкой», она просто не знала радости обыкновенного физического труда, радости человеческого существования, лишённого той житейской мишуры, которая окружает человека в городе.

При таком сопоставлении важна нравственная основа сюжетной канвы произведения Моэма. Главные герои его произведения – люди не из привилегированной среды, как у Шекспира. Оба они – и Фрэнк Тэйлор, и Нора – из низших слоев общества. В прошлом она была компаньонкой, хотя и жила в довольно роскошной обстановке, а он зарабатывал себе на жизнь в качестве батрака, впоследствии став мелким фермером, пытающимся наладить свое дело, чтобы жить безбедно. Совершенно не приспособленная к жизни, лишённой человеческого комфорта, не привыкшая к простому физическому труду, Нора поначалу вызывает у окружающих людей, живущих в канадских землях, острое неприятие. Но суровая действительность, толкнувшая героиню на брак с Фрэнком Тэйлором, жизнь вблизи с природой, борьба за выживание превратили ее в порядочную женщину и практичную хозяйку. Труд облагораживает человеческую душу – эта мысль возникает при знакомстве с новой Норой, той, которую зритель видит в четвертом акте произведения.

Внутренний притчевый план пьесы «Земля обетованная» восходит, на наш взгляд, к нравственно-философской концепции романа Д. Дефо «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо». «“Робинзон Крузо”, – подчеркивает К. Атарова, – не просто история воспитания беспутного юнца, вставшего в конце концов благодаря горькому жизненному опыту на верный путь. Это аллегорическая притча <...> о скитаниях заблудшей души, отягченной первородным грехом и через обращение к Богу обретшей путь к спасению» [Атарова 1990, с. 11].

Связь притчевого плана пьесы Мозма с «Робинзоном Крузо» легко увидеть, если сопоставить хронотоп «Земли обетованной» с хронотопом произведения Д. Дефо.

Внешний хронотоп «Робинзона Крузо» распадается на два плана: с одной стороны, план острова, островной жизни, с другой стороны, весь цивилизованный мир. Остров как хронотоп содержит позитивное нравственное осмысление, в то время как противопоставленный ему «весь цивилизованный мир» воспринимается и героем, познавшим островную жизнь, и самим автором как некая негативная среда, в которой человеку трудно достичь нравственного спасения, трудно сохранить чистой и непорочной свою душу. Попадание героя в хронотопическую сферу острова и длительное пребывание в ней означает тем самым духовно-нравственное преобразование личности.

Эти изменения, произошедшие во внутреннем мире, сам Робинзон замечает в себе: «Все мои понятия изменились, мир казался мне теперь далеким и чуждым. Он не возбуждал во мне никаких надежд, никаких желаний. Словом, мне нечего было делать там, и я был разлучен с ним, по-видимому, навсегда. Я смотрел на него такими глазами, какими, вероятно, мы смотрим на него с того света, то есть как на место, где я жил когда-то, но откуда ушел навсегда. Я мог бы сказать миру теперь, как Авраам богачу: “Между мной и тобой утверждена великая пропасть”».

В самом деле, я ушел от всякой мирской скверны; у меня не было ни плотских искушений, ни соблазна очей, ни гордости жизни. Мне нечего было желать, потому что я имел все, чем мог наслаждаться» [Дефо 1990, с. 140–141].

Притчевый хронотоп «Земли обетованной» представляет собой трансформацию хронотопа романа Д. Дефо и, следовательно, также распадается на две части. В роли хронотопа острова в пьесе Мозма представлена жизнь Норы в канадских глухих местечках – сначала в доме брата, затем в хижине Фрэнка Тэйлора. Этот своеобразный «островной» хронотоп проявляется на протяжении трех действий произведения (со второго по четвертое). Первое действие развивается в рамках хро-

нотопы цивилизованного мира, конкретизированного в виде местечка Танбридж-Уэллс.

Так же, как преобразуется жизнь Робинзона Крузо вдали от цивилизации, жизнь главной героини «Земли обетованной» изменяется в рамках «островного» хронотопа, о чем она сама говорит: «... жизнь тут была скучная и однообразная, но я все-таки не могу вырвать ее из своего сердца. Красота и романтика ее заполнили мою душу... Теперь я знаю здешнюю жизнь. Это не приключения и не веселье. Это тяжелый труд, труд и мужчин и женщин, с утра до ночи, и я знаю теперь, что особенно тяжелое бремя ложится на плечи женщины... у женщин всегда одно и то же: стирка, чинка, стирка, уборка... И все это важно... Мы тоже участвуем в освоении страны. Мы – матери, и в нас будущее. Мы создаем величие народа. Он нуждается в нашем мужестве, силе и надежде, и так как эти качества нужны, то они появляются у нас. О Фрэнк, я не могу вернуться к той мелкой, ничтожной жизни! Что ты со мной сделал?!» [Мозэм 1958, с. 97–98].

«Земля обетованная», в которую попадает Нора Марш, преобразует ее духовно-нравственный мир. В то же время мир цивилизованный, мир, привычный для ее прошлого, оказывается чужд истинной жизни, которую познала героиня на канадской земле.

Итак, островной хронотоп в драме «Земля обетованная» представляет собой жизнь героини в тихом канадском местечке, удаленном от большой цивилизации, где ей удастся постичь смысл человеческого бытия и познать подлинное счастье. Таким образом, в пьесе Мозэма отражены три основных фактора классической «робинзонады», созданной Д. Дефо: 1) уединенная жизнь вдали от человеческой цивилизации; 2) постижение на «острове» духовно-нравственного смысла человеческого бытия; 3) познание подлинного счастья.

Еще одна очень важная характеристика островного хронотопа Мозэма – отчетливо выраженный социальный подтекст, который явно отражен в репликах главной героини произведения – Норы Марш.

Островной хронотоп в пьесе Мозэма «Земля обетованная» характеризуется, во-первых, воплощением основных качеств классической «робинзонады», во-вторых, реалистической направленностью и, в-третьих, отчетливо выраженным социальным подтекстом.

Второй вариант модели островного хронотопа «земля обетованная» выражен в пьесе Дж. Б. Пристли «Они пришли к городу» («They come to a City») (1943)².

² Пристли Дж. Б. Избранное. В 2-х т. Т. 1: Пер. с англ. – М., 1987.

«Действие происходит в течение дня у стен необычного города, – сообщает автор в первой развернутой ремарке произведения. – В глубине сцены слева – башня, которая является частью городской стены. По центру башни большие, массивные входные ворота, открывающиеся вовнутрь» [Пристли 1987, с. 468].

Действительно, с одной стороны, все события пристлиевской притчи разворачиваются у ворот чудесного города. С другой стороны, за всё время драматического действия писатель так и не проясняет, где же находится стена с внушительными воротами и самим городом, скрытым этой стеной.

Предельно условный хронотоп притчи определяет и своеобразный притчевый сюжет, содержащий фантастическое допущение. Это допущение состоит, во-первых, в том, что автор рассказывает о городе, которого не существует в реальности, то есть *утопическом* городе, а во-вторых, переносит своих персонажей к необычному городу также чудесным, фантастическим образом: все они волей судьбы в один миг оказались вырванными из разных мест, из привычного бытового круга и очутились в незнакомом месте, лишенном традиционных географических координат.

Итак, сам сюжет можно представить следующим образом. На расвете у стен необычного города оказывается несколько лиц разного социального уровня. Это судовой механик Джо Динмор, бывшая официантка Элис Фостер, домработница миссис Бэтли, банковский служащий Малькольм Стриттон со своей женой Доротой, представители привилегированного класса – леди Локсфилд и ее дочь Филиппа, сэр Джордж Гедни, коммерсант мистер Кадуорт. Все эти люди делают безуспешные попытки разобраться, куда они попали, и вскоре обнаруживают за стеной и массивными воротами чудесный город. С восходом солнца все слышат доносящиеся из города звуки фанфар, поднимаются на смотровую площадку и видят вдалеке красивые строения, озаренные солнечным светом. С наступлением дня ворота открываются, и всем предоставляется возможность проникнуть внутрь, туда, где находится странный город. Люди устремляются к необычному городу, а Пристли заканчивает первый акт. Второе действие рисует конец текущего дня и возвращение персонажей из города. Все обмениваются впечатлениями об увиденном: никто не остался равнодушным к городу социальной справедливости, человеческого благополучия и счастья. Однако отношение к иной реальности, с которой соприкоснулись действующие лица произведения, у людей разное. Представители низкого и среднего социального слоя, а также молодежь с восторгом приняли увиденное и выразили готов-

ность остаться в новом мире, чтобы познать законы подлинного человеческого счастья. В то же время леди Локсфилд, сэр Джордж Гедни, мистер Кадуорт и Дороти Стриттон почувствовали себя крайне неудобно в новом обществе и решили незамедлительно вернуться домой, к прежней жизни, в которой они занимают достаточно привилегированное положение. Однако ушли в необычный город только миссис Бэтли и Филиппа Локсфилд. Джо Динмор и Элис Фостер решили остаться верными гражданскому долгу и вернуться в свою прежнюю жизнь, чтобы рассказывать людям о чудесном городе, чтобы просвещать окружающих и стремиться улучшить тот мир, в котором они до сих пор существовали.

Предельно условный хронотоп рассматриваемой драмы-притчи являет собой, таким образом, вариант семантической модели «земля обетованная», воплощенной не реалистическими средствами, а посредством фантастического допущения.

Этот хронотоп распадается на сценический – тот, который доступен для визуального восприятия зрителем, и несценический (в данном случае – хронотоп чудесного города), воспроизводимый благодаря репликам персонажей.

Вот что представляет собой хронотоп чудесного города в материальном аспекте. По словам Джо, это город, «населенный здоровыми, счастливыми, трудолюбивыми людьми. Настоящий культурный город» [Пристли 1987, с. 521].

Очевидно, что в рассматриваемой пьесе Пристли продолжает традиции мировой утопической литературы, которая по своей сути также тяготеет к притчевой трактовке изображаемой действительности. Прежде всего это философская традиция, связанная с именем древнегреческого мыслителя Платона, автора известного трактата «Государство». В соответствии с воззрениями Платона, государство должно служить интересам общества [Платон 2005]. Кроме того, можно увидеть в произведении Пристли отголоски «Острова “Утопия”» Т. Мора и «Города солнца» Т. Кампанеллы. Оба автора в своих произведениях создали вымышленный мир, в котором господствует социальная справедливость.

Но для Пристли важнее всего не материальный, а духовно-нравственный аспект чудесного города. Не случайно в финальной реплике Джо Динмора дается существенное уточнение свойств того необычного мира, с которым соприкоснулись герои произведения: «...не люди – для машин и денег, а машины и деньги – для людей. Где нет зависти, жадности, ненависти, где исчезли навсегда нужда, и болезни, и страх,

где не услышишь ни звона кандалов, ни свиста кнута. Где люди из темных нор вышли на солнце. И никогда никто больше не закроет его от них. Они наконец свободны. Много лет назад старик Уитмен сказал: “Во сне я грезил... И видел город, которого не одолеть врагам со всего мира. Мне снилось, что это новый город Дружбы”» [Пристли 1987, с. 542].

В духовно-нравственном аспекте хронотопа чудесного города, как видно, уничтожены основные человеческие пороки – зависть, ненависть, жадность, злоба. Исчезли также страх и болезни. Это всё позволяет говорить о библейских аллюзиях рассматриваемой пьесы, а именно о том, что созданный Пристли образ чудесного города несет в себе важнейшие черты Царствия Небесного, о котором рассказывается в христианском учении. Ведь мир без основных человеческих пороков – это уже не внешний материальный мир, а именно такой хронотоп, который уподоблен Небесному Царствию.

Таким образом, островной хронотоп в пьесе Дж. Б. Пристли «Они пришли к городу» во многом схож с символической пространственно-временной моделью, представленной в произведении Моэма «Земля обетованная». Хронотоп пристлиевской драмы так же, как и у Моэма, характеризуется воплощением основных качеств классической «робинзонады» и отчетливо выраженным социальным подтекстом. Отличие состоит в том, что в своей пьесе Пристли прибегает к фантастическому допущению, в то время как Моэм действует в рамках собственно реалистической символики.

Вторая модель острова, выступающего в качестве имплицитного хронотопа, может быть обозначена как «опасный поворот» (по названию одноименной пьесы Дж. Б. Пристли). В этом случае остров есть не просто отделенное от всего мира пространство, а пространство, которое таит в себе средоточие перипетийных ситуаций в жизни персонажей, пространство, на котором герои шаг за шагом приближаются к познанию истины, и это познание часто оказывается для них роковым. Пьес, построенных по законам данной хронотопической модели, множество. Это и «Джой» Дж. Голсуорси, и «Дом, где разбиваются сердца» Б. Шоу, и «За заслуги» С. Моэма, и многие пьесы Дж. Б. Пристли, среди которых «Опасный поворот», «Райский уголок», «Инспектор пришел», а также «Сторож» Г. Пинтера и «Костюмер» Р. Харвуда.

Данная модель хронотопа английской драматургии во многом восходит к чеховской поэтике. Внешний хронотоп большинства драм А.П. Чехова – это замкнутый мир усадьбы, несколько изолированный,

подобно острову, от всего житейского мира. Чеховские герои на таком «острове» чувствуют себя иначе, чем в другом мире. Кроме того, в каждой драме чеховский «остров» полон «опасных поворотов». Действительно, в пределах островного хронотопа чеховские персонажи кончают жизнь самоубийством, стреляются на дуэли, выясняют отношения, расходятся навеки. Все эти пьесы с имплицитным хронотопом острова содержат предупреждение: беда человеческая придет не извне, она скрыта в самой обыденности, где «опасные повороты» оказываются смертельными ударами для тех, кто лишен нравственной основы.

Предупреждение сокрыто в подтекстном плане островного хронотопа пьесы Дж. Голсуорси «Джой». «Отличительной чертой этой пьесы, – отмечает Ю. Ковалев, – является то, что социальная проблематика ее сосредоточена в подтексте, в сложном переплетении “психологических линий”. Идиллический сад с тенистым буком, окружающий дом отставного полковника, представляет собой арену борьбы “всех против всех”. Действующие лица воюют друг с другом по разным поводам, преследуя различные цели; в этой борьбе за собственность, за право на любовь, за свободу поступков, за власть в семье сталкиваются различные убеждения, темпераменты и характеры» [Ковалев 1956, с. XII].

Предупреждение звучит в пьесе Б. Шоу «Дом, где разбиваются сердца». «Финал пьесы в этом смысле красноречив и трагичен, – размышляет в связи с этим В.В. Ивашева. – Парадоксальность его еще больше подчеркивает бесперспективность обитателей дома-корабля. Когда приближаются вражеские бомбардировщики, все персонажи драмы загораются надеждой <...> на скорую и легкую смерть. Но большинство из них остается в живых – с разбитыми сердцами и еще более горьким сознанием бездорожья <...>. Погибают именно те, кто не хотел умирать: Менген и бродяга, спрятавшийся в песочной яме, где капитан хранил динамит» [Ивашева 1984, с. 125].

Предупреждение дается и в рамках островного хронотопа драм Дж. Б. Пристли. Особенно остро это ощущается в произведении «Инспектор пришел» («An Inspector Calls») (1947), в котором имплицитный хронотоп острова выражен у писателя особенно ярко.

Сюжет пьесы представляет собой трансформацию евангельской притчи о милосердном самарянине и, помимо этого, основывается на фантастическом допущении. Семейное торжество Берлингов – помолвку Шейлы с Джеральдом Крофтом – прерывает визит инспектора, который появился с твердой решимостью задать ряд вопросов всем присутствующим. Свой допрос инспектор предваряет сообщением о самоубийстве

молодой женщины, доведенной до отчаяния безысходными обстоятельствами. В ходе допроса оказывается, что каждый из персонажей причастен к трагическому исходу событий, связанных с Евой Смит, лишившей себя жизни. Глава семейства Артур Берлинг уволил ее с работы в тяжелый для нее момент. По вине Шейлы погибшая лишилась работы и в ателье мод: мать Шейлы отказала ей в благотворительной помощи, хотя и была главой соответствующего комитета по оказанию поддержки нуждающимся безработным. Причастны к случившемуся также и Джеральд, и Эрик. После ухода инспектора Гула присутствующие выясняют, что этот инспектор был мнимым. Станным является прежде всего то, что он заранее знал всю произошедшую историю и степень причастности каждого из героев к гибели молодой женщины. После ухода инспектора Гула действующие лица подразделяются на две группы – Эрик и Шейла ощутили свою вину в случившейся трагедии, глубоко раскаиваются и осознают, что нельзя быть впредь бесчувственными и равнодушными по отношению к ближнему. Остальных же волнует вопрос иного характера: не получила бы эта история с погибшей женщиной огласки и не узнал бы белый свет об их неприглядном поведении.

В тот момент, когда присутствующие приходят к единодушному мнению, что произошел розыгрыш, телефонный звонок извещает всех, что умерла молодая женщина, и из полицейского управления к Берлингам направляется инспектор, чтобы задать ряд вопросов. На этом пьеса заканчивается.

О чем предупреждает Пристли устами своего героя? О том, что за бездушие, черствость, в конечном счете бездуховность, придется расплачиваться, и расплачиваться жестоко и больно.

Предупреждение прочитывается и в пьесе Г. Пинтера «Сторож» («The Caretaker») (1960). В этом произведении в качестве островного хронотопа выступает заваленная хламом комната. Сюжета в привычном понимании эта драма не имеет и рисует страницу быта в странном ракурсе. Молодой человек по имени Астон, побывавший недавно в больнице для сумасшедших, занят ремонтом дома. Он приютил у себя бродягу. Бродяга «в знак благодарности» пытается выжить Астона, надеясь найти опору в его младшем брате Мике, которому этот дом якобы принадлежит. Но братья объединяются против бродяги Дэвиса, хотя перед этим явно не ладили, и пьеса завершается его изгнанием.

Третья модель островного хронотопа может быть обозначена как «последний приют». Она наиболее ярко представлена в драмах Р. Харвуда «За трамвайным кругом» («Tramway Road») (1984) и «Квартет»

(«Quartet») (1999). В драме «За трамвайным кругом» в качестве острова выступает гостиная-библиотека в квартире Артура Лэнгли, расположенная в Си-Пойнте, пригороде Кейптауна.

В произведении «Квартет» функции островного хронотопа выполняет дом для престарелых артистов оперы. События пьесы разворачиваются в английской провинции – графстве Кент. Герои «Квартета» – четыре пожилых человека, которые были известными оперными певцами. Слава, триумф, оvationи ушли в прошлое вместе с их молодостью, и на склоне лет блиставшая когда-то на театральных подмостках четverka оказывается в доме для престарелых актеров.

Каковы приметы островного хронотопа в пьесе? Во-первых, предельная изолированность от окружающего мира. Герои живут в своем новом мире, живут одними воспоминаниями о прошлом, над которым не властен никто, кроме них самих. Во-вторых, отчетливо выраженная нравственная доминанта «острова». Каждый из четырех персонажей преобразуется духовно: забываются прежние ссоры и обиды, люди становятся более терпимыми к недостаткам других людей, становятся более чуткими.

Тихая, размеренная жизнь стариков взрывается вестью о предстоящем концерте – им предложено исполнить квартет из оперы Дж. Верди «Риголетто» – тот самый, который когда-то прославил их. Они найдут в себе силы, выйдут на сцену, чтобы в последний раз исполнить знаменитый оперный квартет. Они свершат побег от своей печальной старости в мир божественной музыки и останутся там навсегда.

Итак, остров как хронотоп – важное качество художественного мира английской драматургии XX века. Этот сложный пространственно-временной образ, присущий многим британским пьесам, свидетельствует о притчевой природе не только английского, но и мирового театра последних десятилетий. Имплицитность, многовариантность такого хронотопа обогащают внутренний, содержательный план произведений, дают простор для толкования неоднозначного, притчевого подтекста английских драм.

Литература

- Атарова К. Секрет простоты // Дефо Д. Робинзон Крузо. – М., 1990.
Дефо Д. Робинзон Крузо. – М., 1990.
Ивашева В.В. Литература Великобритании XX века. – М., 1984.
Керлот Х.Э. Словарь символов. – М., 1994.
Ковалев Ю. Драматургия Джона Голсуорси // Голсуорси Дж. Драмы и комедии. – М., 1956.

- Моэм С. Земля обетованная. Пьеса в четырех действиях. – М., 1958.
Пестерев В.А. Модификации романной формы в прозе Запада второй половины XX столетия. – Волгоград, 1999.
Платон. Государство. – СПб., 2005.
Пристли Дж. Б. Избранное. В 2-х т. – М., 1987. – Т. 1.
Скороденко В. Притчи Уильяма Голдинга // Голдинг У. Шпиль и другие повести. – М., 1981.
Харвуд Р. Костюмер и другие. – М., 2002.
Шекспир В. Собрание избранных произведений. – СПб., 1993. – Т. 7.

КРАСНЫЕ И БЕЛЫЕ: ШАХМАТЫ В СССР

А.И. Куляпин

«Что есть в мире, кроме шахмат»
(В. Набоков)

Серебряный век, с его повышенным интересом к феномену игры, конечно, не мог не обратить особого внимания на хитроумнейшую и причудливейшую из интеллектуальных забав, придуманных человеком, – шахматы. Названия двух русских фильмов, появившихся в 1916 году, «Шахматы любви» А. Лемберга и «Шахматы жизни» А. Уральского, зафиксировали тот спектр символических значений игры, который был востребован культурой предреволюционной эпохи.

Сила культурной инерции существенно повлияла на решение темы шахмат в литературе первых послеоктябрьских лет. Рассказ Л. Леонова «Деревянная королева» (1922) варьирует классический сюжет о «шахматах любви». Леоновские герои – Борис Викторович Коломницкий и Владимир Николаевич Извеков – придерживаются противоположных точек зрения на шахматы. Для Коломницкого ситуация на доске – подражание реальности. *«Я четыре месяца добивался вот этой самой раскладки фигур. Мне давно уже казалось, что должно и в шахматах быть такое положение, когда женщина изменяет только ради самой измены, в которой тайна и разная там магия»*, – признается он сопернику [Леонов 1969, с. 108]. Извекову мнится иное: жизнь – это всего лишь отражение игры. *«Противник отступал, метался, и – странное ощущение – с каждой мельчайшей передвижкой на доске менялись сочетанья каких-то более значительных узлов, перемещались где-то вдалеке глыбы времени и враждебных воль, и вот уже судьбой становилась пустынная, казалось бы, игра»* [Леонов 1969, с. 113].

По мере развития сюжета рассказа герой все глубже погружается «в разрешение какой-то задачи – шахматной, конечно, – смысл которой представлялся ему теперь смыслом всего его пребывания на земле» [Леонов 1969, с. 111]. Извеков, приобретая все качества маньяка, почти безвозвратно теряется в дебрях шахматных комбинаций и вариантов.

О многом говорит тот факт, что фраза «*Так потихоньку Владимир Николаевич сходил с ума*» и выражение «*признак свершившегося безумия*» [Леонов 1969, с. 112, 105] относятся к пребыванию героя в мире реальности. А ведь гораздо адекватнее этими формулами описывается регулярно переживаемая персонажем странная метаморфоза: «*Да, – он сам теперь, Владимир Николаевич Извеков, стоял на шахматном поле, на ход коня от королевы <...> он стал черным левосторонним офицером деревянного короля*» [Леонов 1969, с. 104–105].

В новелле «Гуаякиль» Х.Л. Борхес пересказывает предпостмодернистский по духу сюжет из «Сновидения Ронабуи»: «*два короля играли в шахматы на вершине холма, а внизу сражались их воины. Один из королей выиграл партию, и тут же прискакал всадник с известием, что войско второго разбито. Битва людей была отражением битвы на шахматном поле*» [Борхес 1994, с. 243].

Концепция советского писателя аналогична: победив на шахматной доске, Извеков тут же побеждает в любовном соперничестве. Превосходство шахмат над действительностью для автора и героя очевидно. Ведь действительность абсурдна: «*Мучила навязчивая мысль, почему каким-то пятидесяти разнокалиберным людям потребовалось именно в этом трамвае именно в этот час ехать в одну и ту же сторону... Тогда зажигались на большой улице среди клубящихся метельных валов – дуговых фонарей молочные шары. И непонятно было, где была записана их идея до того, как они повисли в этой снежной высоте*» [Леонов 1969, с. 112]. Шахматы в рассказе «Деревянная королева» наделены примерно теми же функциями, которыми Платон наделил мир первообразов по отношению к реальному миру. На 64 клетках царит разум, здесь все «размеренно», «строго», «изящно» [Леонов 1969, с. 102]. И поэтому герою для достижения «*полного блаженства нужно было <...> только остаться навсегда <...> в кругу*» деревянных фигур [Леонов 1969, с. 114].

В атмосфере прагматичного, далекого от романтики НЭПа подобное бегство от действительности диагностируется как болезнь. «Шахматная малярия» (1925) В. Катаева и «Шахматная горячка» (1925) В. Пудовкина акцентируют метафору заболевания уже самими названиями. У Пудовкина шахматы символически уравниваются еще и с отравой.

В одной из заключительных сцен его фильма герой-аптекарь настолько захвачен игрой, что вместо флакончика с ядом вручает покупательнице упакованную в бумагу шахматную фигуру.

Фельетон Катаева, как и картина Пудовкина, относится к числу произведений, созданных по горячим следам Московского международного турнира 1925 года. Организаторы этого соревнования, безусловно, преследовали не столько спортивные, сколько политические цели. Расчет неожиданно отчасти оправдался. Самой громкой сенсацией турнира стала победа А. Ильина-Женевского над Х.-Р. Капабланкой. Советский мастер никогда прежде не добивался сколько-нибудь существенных успехов, но партию с чемпионом мира провел очень сильно, и даже эффектно пожертвовал кубинцу ферзя. Пикантность ситуации придает то обстоятельство, что Ильин-Женевский был видным большевистским деятелем: членом партии с 1912 года, участником Октябрьской революции, комиссаром Петроградского ВРК. Невозможность объяснить поражение Капабланки спортивными причинами подталкивала к поиску околоспортивных. В «Шахматной малярии» Катаева собраны некоторые обывательские слухи и сплетни.

«— Как нравится, я спрашиваю, Ильин-Женевский, который разбил Капабланку?»

— Лавочка.

— Позвольте... Но ведь я же сам... Газеты... И вообще...

— Я вам говорю, лавочка. Вы понимаете, и тут замешано...

— Ну?

Шепотом:

— По-лит-бю-ро.

— Ой!

— Вот вам и “ой”. Только между нами, конечно. Женевскому предписали в порядке партийной дисциплины. Вы же понимаете, что бедняге ничего не оставалось делать.

— Да что вы говорите?

— Сам читал путевку, полученную Женевским из МК. Черным по белому: “Тов. Женевский настоящим командирован на международный шахматный турнир. В ударном порядке тов. Женевскому предписывается в порядке партийной дисциплины обыграть империалистического чемпиона мира, кубинского белогвардейца гр. Капабланку. Об исполнении сообщить”» [Катаев 1983–1986, т. 10, с. 102].

Приезд в Москву известнейших гроссмейстеров, включая чемпиона мира, должен был продемонстрировать прорыв международной блокады СССР. Не могла не возникнуть параллель между Петербург-

ским турниром 1914 г. и Московским турниром 1925 г. Стремясь пре-
взойти по размаху крупнейшее событие дореволюционной шахматной
жизни России, советская власть наглядно доказывала превосходство
нового строя. Шахматы, как никакой другой вид спорта, – индикатор
респектабельности, атрибут жизни стабильной и обеспеченной. Нако-
нец, возможно, решающим аргументом в пользу выбора шахмат была
органичность их вхождения в утопический дискурс. Характеризуя нра-
вы обитателей Утопии, Рафаил Гитлодей замечает: *«Кости или друго-
го рода нелепые и гибельные игры им даже неведомы; впрочем, у них
в употреблении есть две игры, не отличающиеся от игр в шахматы»*
[Мор 1978, с. 185].

В СССР политика и утопия всегда шли рука об руку. Пикантный
синтез трех составляющих – шахмат, политики и утопии – появляется
на страницах романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (1928).
Тридцать четвертая глава романа – «Междупланетный шахматный кон-
гресс» – еще один отклик на Московский турнир 1925 года. Фантастиче-
ский план: путем организации международного турнира превратить захо-
лустные Васюки в столицу, последующий переворот за счет шахматной
мысли всего мироустройства – гротескно-гиперболическое отражение
некоторых проектов 1920-х гг. Ю.К. Щеглов обнаружил в тексте васю-
кинской главы цитаты и реминисценции из произведений Ленина, Троц-
кого, Маяковского, Гастева. Большая часть революционно-утопических
штампов всплывает в пламенной импровизации Остапа Бендера перед
членами шахсекции. Соавторы высмеивают, с одной стороны, бесплод-
ное политическое прожектёрство, далекое от реальности, с другой – сле-
пую веру масс в осуществимость чуда.

Свою преобразовательскую деятельность в Васюках Бендер, как и
положено русскому реформатору, начинает с акта переименования. При-
чем предлагаемые «гроссмейстером» названия имеют скрыто антисовет-
ский оттенок. Бендеровская формула «потеря качества при выигрыше
темпа» не только отсылает к стандартной шахматной комбинации, но и
неплохо характеризует экономическую политику большевиков. Двусмыс-
ленное словосочетание «Красный эндшпиль» в первую очередь, конечно,
пародирует безудержное стремление добавлять определение «красный»
абсолютно ко всему, но воспринимается еще и как предсказание конца
«красной» игры.

Лекция, которую «великий комбинатор» читает васюкинцам, пос-
вящена уже не конечной, а начальной стадии игры: «Плодотворная де-
бютная идея». Политико-сатирический подтекст ощутим и в этом вы-

ступлении великого комбинатора. «*Дебют, товарищи, – это “Quasi una fantasia”*», – утверждает Бендер в начале своей речи [Ильф и Петров 1961, т. 1, с. 321]. Определение, бессмысленное с точки зрения шахматиста, обретает смысл в ином контексте. Не только шахматный мир, но и вся советская жизнь представляет собой «нечто вроде фантазии», и каждый новый успех страны социализма становится еще одним шагом в движении прочь от реальности.

Для писателей, конфликтующих с действительностью, шахматы – это целый космос, альтернативный настоящему. Подобное осмысление игры уходит корнями в историю. Устойчивым является соединение шахматного сюжета с больничной или тюремной топикой: изолированный от реальности человек обретает новую жизнь в виртуальном мире. Среди наиболее известных авторов, разрабатывавших тему «тюремных шахмат», можно назвать, например, Д. Лондона и С. Цвейга. Постреволюционная культура привносит в классическую фабулу новый элемент – в черно-белой вселенной спасаются от политики.

Перед героем новеллы С. Кржижановского «Проигранный игрок» (1921) «развернулась было многообещающая политическая карьера» [Кржижановский 1991, с. 161], но он оставляет ее ради шахмат. В некрологе мистера Пемброка сказано, что он «променял широкую арену политической борьбы на квадрат шахматной доски – **ушел от поступков к ходам**» [Кржижановский 1991, с. 161. – Выделено автором – А.К.]. Общая стратегия жизнотворчества предопределила последний ход в карьере знаменитого шахматиста: «*мистер Пемброк предвидел все возможные варианты в дальнейшем развитии партии, кроме одного, казалось бы, совершенно невероятного. Мистер Пемброк не предусмотрел, что в ту самую долю секунды, как рука его, ставя пешку под удар, будет отдерживаться от деревяшки, душа его, душа мистера Пемброка, оброненная мозгом, неслышно скользнет вниз по переставляющей деревяшку руке: из мозга в кисть руки; из кисти к концам пальцев; из разжимающихся пальцевых фаланг в крохотную, поблескивающую мутным черным лаком, голловку пешки*» [Кржижановский 1991, с. 164. – Выделено автором – А.К.].

Вряд ли правильным будет предположение, что в поэме «Владимир Ильич Ленин» (1925) В. Маяковский полемизирует с рассказом С. Кржижановского. Но тексты писателей, вне зависимости от авторской воли, в диалог, безусловно, вступают. У Кржижановского герой «уходит от поступков к ходам», у Маяковского – «от ходов к поступкам».

*И от шахмат
перейдя
к врагу натурой,*

*в люди
выведа
становил
рабочей – человеческой диктатурой
над тюремной
капиталовой турой*

[Маяковский 1978, т. 3, с. 261–262].

Крижановский прогнозирует неизбежность низведения человека до пешки, Маяковский воспекает превращение пешек в людей. Хотя правила шахмат после октября 1917 года изменений не претерпели и сохранилась прежняя ценностная шкала фигур, пешка стала в некотором смысле главным действующим лицом шахматной драмы. Героем послереволюционной эпохи пешку сделала ее способность при известных условиях превращаться в любую фигуру (как правило, в самую сильную – ферзя).

Агитационный фарфор двадцатых годов дал форму многим идеям времени. Обратившись к шахматной теме, Н. Данько создала в 1922 году комплект «Красные и белые». Художница явно выполняла социальный заказ и была поэтому несвободна в выборе образных решений. Именно идеологическая составляющая диктует неклассическую окраску фарфоровых армий. Королем красных, естественно, становится пролетарий с молотом, красной королевой (ферзем) – крестьянка со снопом и, конечно, неизбежным серпом. Пешки изображены в виде крестьян и тоже со снопом в правой руке и серпом – в левой. Бросающееся в глаза сходство пешки и ферзя выглядит указанием на потенциальную возможность превращения первой во второго, однако гендерная несовместимость фигур отрицает наличие такой перспективы коренным образом.

Символизм пешки в культуре 1920–40-х годов общепонятен: пешка – это человек массы. С. Кржижановский в статье «Драматургия шахматной доски» (1946) подробно объясняет почему: «Отец шахматной теории Филидор, как и мы сейчас с вами, остановил свое внимание на пешке. Он даже сказал: в пешках душа партии. <...> Филидор не мыслит пешку изолированно. Нет – всегда в пешечной цепи. “Бауэры”, идущие с каждым ходом только на шаг – клетку, только вперед (в отличие от знати) и бьющие только наотмашь, сильны не столько силой, сколько единением. Они делают свое дело, как бы взявшись за руки. Победа одной из них – результат общих усилий звена. Да, пешка не рождается ферзем, но ее производят в высший ранг за заслуги на квадратном боевом поле. Она не чванна <...> а, скорее, скромна. И уж во всяком случае – упорна.

Взять ли роль пешек в партиях французского мастера XVIII века или роли так называемых рядовых героев в пьесах советских драматургов последнего десятилетия (особенно – пятилетия), невольно улавливаешь общие черты: прямая линия, взаимосвязь и вычеркнутые из словаря “назад”. Впрочем, незачем за аналогиями в XVIII век, когда ряд партий молодого Смыслова...» [Кржижановский 1990, с. 26].

Оценки могут радикально меняться, но пешка в любом случае будет ассоциироваться с человеком толпы. Федор Годунов-Чердынцев из набоковского «Дара» (1930), разбирая задачи советских шахматных композиторов, фокусирует внимание на пешках: «это были шахматные лубки, не более, и подталкивающие друг друга фигуры делали свое неуклюжее дело с пролетарской серьезностью, мирясь с побочным решениями в вялых вариантах и нагромождением милицейских пешек» [Набоков 1990, с. 156].

Анализируя «безудержный протезизм» Маяковского, амбивалентность его воззрений, М. Вайскопф отмечает характерное для поэта «непринужденное скольжение по контрастным оценкам единого мотива» [Вайскопф 2003, с. 416]. Это положение распространяется и на шахматные мотивы. Патетическая политизация игры в поэме «Владимир Ильич Ленин» сменяется сатирическим развенчанием подобной политизации в стихотворении «Нагрузка по макушку» (1928):

*Играть с Кукушкиным –
нельзя:
он
путал
пешку и ферзя. –
(Малюсенький затор!)
Но... Петя
знал,
врагов разя,
теорию зато.
Этот Петя
может вскачь
критикнуть
всемирный матч.
– «Я считаю:
оба плохи –
Капабланка и Алехин,
оба – два,
в игре юля,
охраняли короля.
Виден*

*в ходе
 в этом вот
 немарксистский подход.
 Я
 и часа не помешаю –
 монархизмы
 ешьте пешкою!»*

[Маяковский 1978, т. 5, с. 63–64].

Марксистский подход Кукушкина виден не только в призыве «монархизмы ешьте пешкою!», но и в принципиальном неразличении пешки и ферзя. Путаница такого рода запрограммирована революционной идеологией двадцатых годов, хотя в целом культура первого послеоктябрьского десятилетия стремится к семиотизации особенностей каждой отдельной фигуры. Однозначно негативный ореол значений формируется вокруг прямолинейной ладьи–туры. Замысловатая траектория движения коня порождает столь же замысловатую символику. У В. Шкловского извилистый путь коня ассоциируется одновременно и с несвободой («конь не свободен, – он ходит вбок, потому что прямая дорога ему запрещена»), и смелостью: «<...> *не думайте, что ход коня – ход труса. Я не трус. Наша изломанная дорога – дорога смелых <...>*» [Шкловский 1990, с. 74, 75].

Книга «Ход коня», цитаты из которой приведены выше, появилась в трудный для ее автора период: в марте 1922 года Шкловский был вынужден эмигрировать из России. Отождествление себя с самой необычной шахматной фигурой – конем – находится в прямом соответствии с мироощущением изгоя, маргинала, непонятого одиночки. В. Набоков развернул метафору Шкловского в законченный сюжет. Старый маэстро – персонаж стихотворения «Шахматный конь» – выпадает из игры большого мира, вообразив себя белым конем:

*И потом, в молчани чистоты палаты,
 куда черный король его увел,
 на шестьдесят четыре квадрата
 необъяснимо делился пол.
 И эдак, и так – до последнего часа –
 в бредовых комбинациях, ночью и днем,
 прыгал маэстро, старик седовласый,
 белым конем*

[Набоков 1991, с. 395].

Шахматный сон заглавного героя повести С. Кржижановского «Возвращение Мюнхгаузена» (1927–28), подробно описанный во второй главе, выступает в качестве текста в тексте, поскольку в нем иннос-

казательно предваряется дальнейший ход событий. Барону Мюнхгаузену снится, что он путешествует верхом на черном коне: «мелькают – сначала площади, потом квадраты полей и клетки городов – еще и еще – вперед, вперед, вбок и вперед» [Кржижановский 1991, с. 597]. «Бешеная скачка» «шахматной одноножки» оканчивается у пограничного столба с надписью «СССР»: «Затем ветер, свистящий в ушах, затихает, прыжки коня короче и медленнее – под ними снежное поле; от его сугробов веет холодом; конь, оскалив черную пасть, делает еще прыжок и прыжок и останавливается среди ледящей равнины – подклеенная сукном нога примерзла к снегу. Как быть? Мюнхгаузен пробует понукать: “Kg8–f6; f6–d5, черт, d5–b6”, – кричит он, припоминая зигзаг “защиты Алехина”. Тицетно! Конь отходил свое: деревянная кляча отходит» [Кржижановский 1991, с. 598].

Подобно эмигрантам Шкловскому и Набокову, внутренний эмигрант Кржижановский выразил свой и своего героя порыв «за пределы существующего», в «безграничное царство фантазии» [Кржижановский 1991, с. 676] при помощи шахматной метафоры–метаморфозы. Логично появление в тексте повести имени еще одного знаменитого эмигранта – А. Алехина.

Русский гроссмейстер, разгромив в матче Капабланку, осенью 1927 года завоевал титул чемпиона мира. Победа Алехина – это успех одиночки, королем шахматной державы стал гражданин несуществующей страны. В дни десятилетия Октябрьской революции старая Россия взяла символический реванш за поражение 1917 года. Так уж повелось, что борьба за звание сильнейшего шахматиста планеты всегда обрастает массой домыслов и, как правило, воспринимается сквозь призму политических стереотипов. В прессе – советской и эмигрантской – внимание привлекла не столько спортивная или творческая составляющая достижения Алехина, сколько его речь на банкете Русского клуба в Париже. Советский биограф Алехина А.А. Котов передает смысл этого выступления так: «<...> чемпион счастлив, что сумел развеять миф о непобедимости Капабланки. Тут же некоторые газеты добавляли, будто Алехин сказал: “...пусть же исчезнет фантазмагория, царящая на нашей родине”» [Котов 1982, с. 30]. Реакция Москвы была достаточно жесткая. Н.В. Крыленко, возглавлявший советскую прокуратуру и по совместительству советские шахматы, не очень изящно, но очень определенно сформулировал официальную позицию: «После речи Алехина в Русском клубе с гражданином Алехиным у нас все покончено – он наш враг, и только как врага мы отныне можем его трактовать» [Котов 1982, с. 30].

Поединок Капабланки и Алехина вызвал поистине широчайший резонанс. Прямое упоминание о противостоянии русского и кубинского гроссмейстеров есть в стихотворении Маяковского «Нагрузка по макушку». Набоков хотя и не упоминает о нем, но явно подразумевает: стихотворение «Шахматный конь» было опубликовано 23 октября 1927 года, когда матч Капабланка – Алехин еще продолжался.

У Кржижановского новый чемпион мира представлен как автор шахматного дебюта – «защиты Алехина». Впервые ход 1... Kg8–f6 русский гроссмейстер применил в партии с А. Штейнером (Будапешт, 1921). Алехин навсегда покинул Россию как раз в 1921 году. Трудно утверждать, что именно опыт советской жизни подтолкнул будущего чемпиона к изобретению новой системы защиты, но хронологическое совпадение, безусловно, знаменательно. «Защита Алехина» – один из самых парадоксальных дебютов. Если бы его первооткрывателем был не претендент на корону, а кто-то другой, вполне могло возникнуть впечатление, что этот игрок просто не усвоил азы шахмат. Метания черного королевского коня Kg8–f6–d5–b6 выглядят абсолютно бессмысленной потерей времени. Более того, конь, подставляясь под удары белых пешек, провоцирует их на продвижение вперед. Белые без всякого сопротивления черных вторгаются на их половину доски и создают мощнейший пешечный центр: c4–d4–e5. Три пешки сильны тем самым единением, о котором писал в статье «Драматургия шахматной доски» Кржижановский: они наступают, «как бы взявшись за руки». А шахматная «знать» – королевский конь g8 – бросает вызов «бауэрам», ставит под сомнение прочность их территориальных завоеваний. И в конце концов черные ценой добровольно-принудительного бегства коня с одного фланга на другой обычно получают в «защите Алехина» достаточную контригру.

Можно не сомневаться, что автор дебюта при его разработке руководствовался прежде всего стратегической и тактической целесообразностью того или иного хода, вовсе не собираясь при помощи шахматной палитры воссоздавать панораму эпохи. Но рассуждения Кржижановского в статье, написанной в 1946 году (заметим, кстати, что 25 марта этого года умер, так и не побежденный, Алехин), дают основание для аллегорической интерпретации маневров черных и белых фигур.

Как ни странно, шахматы зависят от духа времени ничуть не меньше, чем литература, живопись или театр. Накануне исторического периода войн и революций разразилась революция шахматная. Главный теоретик гипермодернистского переворота – гроссмейстер А. Нимцо-

вич – подробно описал его в статье «К истории шахматной революции 1911–1914 годов». В разделе пятом – «Развитие новых шахматных идей в 1914–1926 годах» – Нимцович наряду с другими знаковыми событиями упомянул появление «защиты Алехина», назвав ее «самым блестящим “послереволюционным” деянием» [Нимцович 1984, с. 540].

Наступление эры тоталитарных режимов по-своему коснулось и шахматного мира. 1930–1940-е годы прошли под знаком стремительного развития советской шахматной школы. Шахматы обретают в СССР статус спорта № 1. В 1937 году газета «Комсомольская правда» провела опрос о любимых героях советской молодежи. «Среди конкретных имен <...> были имена партийных и военных лидеров (Сталин, Ворошилов, Буденный), героев гражданской войны (Чапаев и Щорс – герои популярных фильмов того периода), летчиков (Чкалов), полярников (норвежский исследователь Севера Фритьоф Нансен), ученых (Константин Циолковский, пионер ракетостроения, выдвинувший идею полетов в космос), стахановцев, шахматистов и футболистов клуба “Динамо”» [Фицпатрик 2001, с. 91]. Начальник погранзаставы капитан Дубах из повести С. Диковского «Патриоты» (1937) ведет «подробную летопись подвигов, совершенных советскими патриотами» – «Книгу героев»: «День за днем книга рассказывала бойцам, кто такие Коккинали, Демченко, Бабочкин, Лысенко, Ботвинник... Ее цитировали на политзанятиях, читали вслух каждый вечер» [Диковский 1984, с. 171]. Упоминание шахматистов в одном ряду с кумирами миллионов отражает их высочайшее положение в советской иерархии. Одна из героинь романа А. Фадеева «Молодая гвардия» (1945–51) утверждает: «<...> в спортивном мире на высшей ступени лестницы стоят шахматисты, а гиревики на самой низшей – ниже гиревиков идут уже просто амебы» [Фадеев 1982, с. 326].

Не удивительно, что довольно быстро в СССР появляется мастер, способный бороться за титул сильнейшего шахматиста планеты, – М. Ботвинник. В 1948 году он выиграл матч-турнир за звание чемпиона мира, и с тех пор шахматная корона на многие десятилетия обрела советскую прописку. Среди основных причин побед гроссмейстера А. Котов выделил и такую: «На протяжении многих лет Ботвинник старался добиться того, чтобы его мозг работал с точностью машины» [Котов 1969, с. 104]. В шахматной сфере тоталитарный миф о человеке-машине воплотился на все сто процентов. Интересно, что в шестидесятые годы, на заре постмодерна, Ботвинник окажется среди пионеров отечественной кибернетики. Экс-чемпион разрабатывает оригинальную версию

шахматной программы для компьютера. Его цель: «... пусть машина сумеет работать так, как работает много лет его собственный мозг» [Котов 1969, с. 104].

Причины расцвета советских шахмат очевидны: «верхи» видят в них прекрасное средство воспитания масс, «низы» – способ бегства от кошмара повседневности. В литературе по понятным причинам доминирует точка зрения первых. Правда, даже при самом официальном освещении темы шахмат писатели вольно или невольно привносят в текст элемент неоднозначности: сопротивление материала слишком велико.

Казалось бы, в бурной жизни Павки Корчагина («Как закалялась сталь», 1932–34) нет места для таких несерьезных занятий, как спорт. И все же его судьбу обрамляет увлечение двумя видами спорта: боксом (в начале жизни) и шахматами (в конце). Н. Островский настойчиво сопрягает соответствующие эпизоды романа. Уроки английского бокса Корчагин получает от своего главного наставника – большевика Жухрая: *«Не легко досталась Павке эта наука, но усвоил он ее прекрасно. Не раз летел он кубарем, сбитый с ног ударом кулака Жухрая, но учеником оказался прилежным и терпеливым»* [Островский 1955–1956, т. 1, с. 48]. Бойцовские навыки герой будет применять очень широко. Вся его жизнь моделируется по образцу боксерского поединка: *«Павел принял этот первый удар, как когда-то принимал удары Жухрая, учившего его боксу: тогда тоже падал, но сейчас же подымался»* [Островский 1955–1956, т. 1, с. 373]. В «Замечаниях о пьесе по роману “Как закалялась сталь”» (1936) Островский советовал авторам спектакля: *«Показать на игре в шахматы, как Павел воспринимает удары жизни. Это ожесточенное мужество. Это как в боксе – он падает, но моментально поднимается и бросается на противника снова и снова»* [Островский 1955–1956, т. 2, с. 293]. Параллель между ситуациями на ринге и на шахматной доске проведена и в романе. Корчагин попадает в безнадежное положение в партии за звание чемпиона санатория «Майнак» и все же не сдается: *«– Я всегда держусь до последней пешки, – сказал Павел, и Леденев одобрительно кивнул головой»* [Островский 1955–1956, т. 1, с. 370].

За переходом от бокса к шахматам – целый этап в жизни Корчагина, да, пожалуй, и всей страны. Кулачный бой адекватно передает деструктивно-хаотическую составляющую эпохи революции и гражданской войны. Планово-созидательному периоду истории соответствует игра, требующая усилий интеллекта. Главный герой романа И. Эренбурга

«Рвач» (1925) великолепно приспособился к «артиллерийско-пайковой атмосфере военного коммунизма», к мирной жизни он приспособиться не может: «Новое прежде всего было непонятным. Наш герой растерянно оглядывался где-нибудь на Петровке, – ему казалось, что он обойден с тыла коварным противником. Боксера усадили за шахматную доску, предложив ему сложный гамбит с отдачей ферзя, ради выигрыша в положении, и боксер готов был заплакать» [Эренбург 1964, с. 157]. Спустя десять лет к тропу, тождественному с эренбургским, обращается Островский, только его боксер чувствует себя за шахматной доской гораздо увереннее. Павка практически преодолел свои стихийно-анархистские наклонности, а значит, готов к игре, основанной на стратегической дальновидности и точнейшем тактическом расчете. Впрочем, приобщение к шахматам знаменует не только это. Тяжелейшие недуги Корчагина все активнее препятствуют его контактам с окружающими, и погружение в шахматный мир – одна из ступеней лестницы, уводящей героя из реальности.

Уровень идеологизации и политизации шахмат достигает в тридцатые годы крайних пределов. Так, журнал «Шахматы в СССР» ведет кампанию против узкой «спецовщины» в игре. «Нужно прямо сказать, что в области политического воспитания дело в наших шахматно-шашечных организациях обстоит из рук вон плохо. Руководящие организации, как центральная, так и областные, не уделяли этому вопросу достаточно внимания. В низовые кружки зачастую направлялись инструктора политически малограмотные, которые хорошо, может быть, могли объяснить ходы отдельных фигур, но которые ничего толкового не могли сказать по вопросу, напр., об общественной роли шахмат у нас и в капиталистических странах. Получалась вреднейшая “спецовщина”, отрыв шахматно-шашечной учебы от живой советской жизни» [Поднять политико-воспитательную работу ш/ш организаций 1937, с. 225].

О шахматах обычно вспоминают тогда, когда надо продемонстрировать превосходство советского человека над западным. С помощью шахмат – своеобразной лакмусовой бумажки – И. Ильф и Е. Петров опознают в «Одноэтажной Америке» (1936) представителей двух разных человеческих пород: *«В полукруглом курительном зале три знаменитых борца с расплюснутыми ушами, сняв пиджаки, играли в карты. Из-под жилеток торчали рубахи. Борцы мучительно думали. Из их ртов свисали большие сигары. За другим столиком два человека играли в шахматы, поминутно поправляя съезжающие с доски*

фигуры. Еще двое, упершись ладонями в подбородки, следили за игрой. Ну кто еще, кроме советских людей, станет в штормовую погоду разыгрывать отказанный ферзевый гамбит! Так оно и было. Симпатичные Ботвинники оказались советскими инженерами» [Ильф и Петров 1961, т. 4, с. 10].

Усилиями Маяковского (поэма «Владимир Ильич Ленин») и Горького (очерк «В.И. Ленин») шахматные мотивы вошли в канон ленинианы. Сталин, в отличие от Ленина, шахматами не увлекался, но, унаследовав всю вождистскую мифологию предшественника, тоже стал именоваться шахматистом. Ю. Боров приводит в «Сталиниаде» характерное высказывание Твардовского: «Сталин был гроссмейстер политической игры» [Боров 1991, с. 24].

Дисциплинированные советские писатели поставили производство образов вождей-шахматистов на поток. Н. Островский сводит за шахматной доской Корчагина и представителя «старой гвардии большевиков» Леденева. Исход поединка предreshен:

«Корчагин, не подозревая об опасности, спокойно начал ферзевый гамбит, на который Леднев ответил дебютом центральных пешек. <...> Уже с девятого хода Корчагин увидел, как его сдавливают мерно наступающие пешки Леденева. <...> После трехчасового сражения, несмотря на все усилия, на все напряжение, Павел принужден был сдаться. <...>

Поражение Корчагина на шахматном поле было не случайное. Он уловил лишь поверхностную стратегию шахматной игры, шахматист проиграл мастеру, знающему все тайны игры» [Островский 1955–1956, т. 1, с. 370].

Злобный лейтенант Кукушкин из «Повести о настоящем человеке» (1946) Б. Полевого побежден-покорен идеально положительным, всевидящим и всезнающим Комиссаром: *«Кукушкин же сразу сменил гнев на милость, когда Комиссар предложил ему сыграть партию в шахматы. Доска стояла у Кукушкина на койке, а Комиссар играл “вслепую”, лежа с закрытыми глазами. Он в пух и прах разбил сварливого лейтенанта и этим окончательно примирил его с собой»* [Полевой 1949, с. 106].

Шахматные фигурки, которыми играл булгаковский Воланд, были живыми. Для вождя любого ранга самая важная стадия игры начинается в момент перехода от шахмат «к врагу натурой». Поэтому каждый вождь играет в живые шахматы. Меняется только масштаб поля битвы: от планетарного до локального.

Шахматной доской представляется герою пьесы Н. Погодина «Мой друг» (1932) вверенный ему завод, люди – деревянными фигурками.

Г а й. <...> А пока я Ладыгина решил снять с поста главного инженера.

М а к с и м. Правильно. Ватная фигура.

Г а й. А потом Софью переставить с механического в иное место.

М а к с и м. Софью Андреевну? Ты уже заблудился.

Г а й. А инженера Монаенкова назначу главным инженером.

М а к с и м. С ума сошел! <...>

Г а й. Ты плохо играешь в шахматы. Для нас это необходимый спорт. Я меняю фигуры» [Погодин 1972, с. 216].

Пешки, выведенные революцией в люди, вернулись в исходное состояние.

В дни шахматной лихорадки 1925 года Ю. Олеша выдвинул почти безумный проект модернизации игры, почему-то запомнившийся нескольким собеседникам писателя. Подробнее других предложенную реформу шахмат описывает В. Катаев:

«<...> Ключик сказал мне:

– Я думаю, что шахматы игра несовершенная. В ней не хватает еще одной фигуры.

– Какой?

– Дракона.

– Где же он должен стоять? На какой клетке?

*– Он должен находиться **вне** шахматной доски. Понимаешь: вне!*

– И как же он должен ходить?

– Он должен ходить без правил. Он может съесть любую фигуру.

Игрок в любой момент может ввести его в дело и сразу же закончить партию матом.

– Позволь... – пролепетал я.

– Ты хочешь сказать, что это чушь. Согласен. Чушь. Но чушь гениальная. Кто успеет первый ввести в бой дракона и съесть короля противника, тот и выиграл. И не надо тратить столько времени и энергии на утомительную партию. Дракон – это революция в шахматах!

– Бред!

– Как угодно. Мое дело предложить.

В этом был весь ключик» [Катаев 1983–1986, т. 7, с. 194–195. – Выделено автором – А.К.].

Гениальность Олеси – в его способности заглянуть в будущее. То, что в двадцатых годах выглядело бредом, в тридцатых станет явью.

Литература

- Борев Ю. Сталиниада. – Рига, 1991.
- Борхес Х.Л. Гуаякиль // Борхес Х.Л. Сочинения: В 3-х т. – Рига, 1994. – Т. 2.
- Вайскопф М. Птица-тройка и колесница души: Работы 1978–2003 годов. – М., 2003.
- Диковский С. Патриоты // Козачинский А. Зеленый фургон; Рассказы. Диковский С. Патриоты; Рассказы. – М., 1984.
- Ильф И., Петров Е. Собрание сочинений: В 5-ти т. – М., 1961.
- Катаев В.П. Собрание сочинений: В 10-ти т. – М., 1983–1986.
- Котов А.А. Трудный путь // Юдович М.М., Котов А.А., Абрамов Л.Я. Труд, талант, победа. – М., 1969.
- Котов А.А. Шахматное наследие Алехина: В 2-х т. – М., 1982. – Т. 1.
- Кржижановский С. Драматургия шахматной доски // 64. Шахматное обозрение. – 1990. – № 3.
- Кржижановский С.Д. Сказки для вундеркиндов. Повести, рассказы. – М., 1991.
- Леонов Л.М. Деревянная королева // Леонов Л.М. Собрание сочинений: В 10-ти т. – М., 1969. – Т. 1.
- Маяковский В.В. Собрание сочинений: В 12-ти т. – М., 1978.
- Мор Т. Утопия. – М., 1978.
- Набоков В.В. Дар // Набоков В.В. Собрание сочинений: В 4-х т. – М., 1990. – Т. 3.
- Набоков В.В. Стихотворения и поэмы. – М., 1991.
- Нимцович А.И. Моя система. – М., 1984.
- Островский Н. Собрание сочинений: В 3-х т. – М., 1955–1956.
- Погодин Н.Ф. Мой друг // Погодин Н.Ф. Собрание сочинений: В 4-х т. – М., 1972. – Т. 1.
- Поднять политико-воспитательную работу ш/ш организаций // Шахматы в СССР. – 1937. – № 8. Август.
- Полевой Б. Повесть о настоящем человеке. – М., 1949.
- Фадеев А.А. Молодая гвардия // Фадеев А.А. Сочинения: В 3-х т. – М., 1982. – Т. 3.
- Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. – М., 2001.
- Шкловский В.Б. Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). – М., 1990.
- Эренбург И.Г. Рвач // Эренбург И.Г. Собрание сочинений: В 9-ти т. – М., 1964. – Т. 2.

«СЛУЖИЛИ ДВА ТОВАРИЩА...»

(опыт сравнения рекламы и тоталитарного искусства)

В.Т. Плахин

Часть I

«По профессии я – усилитель...»

В работах И.И. Лапшина, Р.О. Якобсона, Ю.М. Лотмана убедительно показано, что генерирование художественного текста начинается не с логически выраженной «темы», которая затем подлежит эстетической обработке, а с емкого символа, дающего простор для многообразных интерпретаций и уже имеющего художественную природу [Лапшин 1922, с. 93–94, 103, 104, 132–134; Якобсон 1987, с. 147–164; Лотман 2000, с. 212–213]. Однако порождение текста в рекламе и советском тоталитарном искусстве моделируется принципиально разным образом. Так, в структуре рекламного креатива четко выделяются две иерархически организованные ступени: уровень рекламно-маркетинговых стратегий и уровень собственно рекламно-креативных идей. На первом (стратегическом) этапе формируются представления о коммерческих целях и целевой аудитории планируемого сообщения [Джулер, Дрюниани 2002, с. 96–103], вычленяется «основная мысль, которую рекламная кампания должна донести до покупателей» [Кромптон 1998, с. 178]. «Стратегия – это то, как вы планируете продавать товар, а не слова и изображения, которые вы используете в рекламе. Стратегия включает определение того, что необходимо сказать, задолго до того, как вы подберете правильные слова» [Джулер, Дрюниани 2002, с. 96]. На втором этапе идет работа над планом выражения стратегически заданного содержания. Осуществляется, так сказать, поиск «правильных слов». При этом, как отмечают К. Бове и У. Аренс, «идея привносит дополнительный смысл, интерес, запоминаемость и сопереживание в то, что излагает стратегия» [Бове, Аренс 1995, с. 261]. Эти авторы следующим образом рассматривают отличие рекламной стратегии от рекламной идеи: «Это разница между “убедить домашних хозяек и владельцев пригородных домов в том, что “Рейд” является самым эффективным средством борьбы с домашними насекомыми” и “Рейд” убивает наповал”. <...> Если суть стратегии состоит в осмыслении, то для идеи главное – вдохновение» [Бове, Аренс 1995, с. 261]. Но «ревизия» творчества в рекламе состоит не столько в том, что креатор сначала формулирует то, что «не-

обходимо сказать», а потом уже занимается художественной разработкой темы. Главное в том, что сама стратегическая мысль директивно спускается рекламисту свыше, оставляя ему свободу творчества «вињеток» если не ложной, то уж точно чуждой сути.

Такая стратегическая предзаданность творческих решений роднит рекламу с тоталитарным искусством советской эпохи, призванным, по словам В.И. Ленина, «оплодотворять последнее слово революционной мысли человечества» [Ленин 1976, с. 104; Кондаков 1992, с. 100–101]. Теоретиками и методологами советской литературы и искусства (от генсеков до профессиональных критиков) откровенно проводилась мысль о том, что заказ на «настоящую хорошую литературу» – это идейный «заказ руководящего класса в лице партии» [Добренко 1997, с. 84–85]. Как и в рекламе, снисхождение стратегических предписаний с административных высот на уровень творческого воплощения представляется в контексте тоталитарной культуры настолько естественным и легитимным, что советскую критику призывают эксплицировать этот процесс, «на деталях формы, на мелочах сюжета показать, как в нашей литературе органически сливаются передовая политическая мысль и живое поэтическое чувство» [Добренко 1993, с. 34].

Подобно тому, как рекламисту запрещено творить «вразрез» с коммерческой стратегией [Бове, Арэнс 1995, с. 257; Кромптон 1998, с. 178], советскому деятелю литературы и искусства («от самого заслуженного и самого известного» до «молодого, начинающего») не позволялось отклоняться «от проведения партийной линии» [Хрущев 1963а, с. 223]. «На мой взгляд, – говорил Н.С. Хрущев, не раз примерявший на себя «фрак» дирижера «творческими стихиями» [Хрущев 1963а, с. 222], – народ отнял у писателя не только право плохо писать, но прежде всего писать неверно. Произведения могут быть написаны, так сказать, на невысоком уровне. Ну, и что ж, читатель даст свою оценку плохому произведению. Другое дело, если произведение написано неверно. То есть в произведении взяты неправильные исходные позиции. Этого никак нельзя допускать, потому что это литературный брак» [Хрущев 1963б, с. 103]. Не случайно старая проверенная большевичка М. Шагинян, осмелившаяся было в эпоху ранней «оттепели» публично заявить, что «тема книги – это внутреннее творческое дело каждого советского писателя», вызвала на себя шквал начальственной критики и в письме В.М. Молотову была вынуждена объяснять, что у нее и в мыслях не было «увести советскую литературу из-под партийного и государственного контроля» и восстала она всего-навсего против неопытных, малограмотных и политически близоруких редакторов [Документы 1993б, с. 274, 278,

279]. Таким образом, становится понятно, что в тематически-смысловом отношении и рекламный текст, и «текст» тоталитарного искусства в идеале представляют собой, выражаясь словами Е. Добренко, «дискурс и язык власти» [Добренко 1993, с. 29]. И здесь, и там «автором является сама власть» [Добренко 1997, с. 258], только в первом случае это экономическая власть узко корыстного интереса, а во втором – власть партийно-государственного абсолютизма.

Свое «авторское право» тоталитарная власть советского периода закрепляла за собой, делегируя его отнюдь не случайным людям. Была декларирована и широко распространена практика подбора чиновниками «подходящего автора» для «намеченной» книги. Издательствам предлагалось «всесторонне обдумать, кому именно поручить написать ту или иную книгу» [Документы 1993б, с. 274], осветить нужную тему. По сути, «лицензия» говорить «от имени и по поручению» выдавалась лишь такому «активному и верному помощнику партии» [Хрущев 1963в, с. 115], который «стратегической» борозды не испортит.

Кроме того, «авторское право» «регистировалось», причем наиболее выдержанные в идейном плане программные произведения превращались порой в цитатники политического дискурса власти с многочисленными ссылками на первоисточник. Так, Всеволод Кочетов в своем романе «Секретарь обкома», добросовестно пересказав устами главного героя постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» от 4 ноября 1955 года, счел необходимым указать, кто же является настоящим Автором романских строк. «Мы способны построить очень много, – читаем у В. Кочетова, – но еще не дворцов. Значит, как же быть? Значит, пусть одни живут в тех дворцах, которые мы будем строить в год по штуке – с лепкой, позолотой, штофной обивкой? А другие? Другие, то есть миллионы и миллионы, пусть смотрят на них и облизываются, пусть живут в старом гнилье, доставшемся нам еще от царя? Нет, Николай Гаврилович, Центральный Комитет нашей партии с таким умонастроением не согласен. Центральный Комитет нашей партии и наше правительство хотят, чтобы как можно быстрее было покончено с халупами, с развалинами и полуразвалинами, с бараками, чтобы каждый советский человек жил в жилье светлом, чистом, теплом, с ванной, с газом, со всем, что делает человеческую жизнь удобной и здоровой. Вы хотите сегодня дворцов, которые бы прославляли эпоху коммунизма. А мы меньше всего думаем о прославлении. Мы хотим, чтобы строили дешево, чтобы на одни и те же средства построили как можно больше» [Кочетов 1963, с. 231].

В другом эпизоде этого романа целиком и полностью солидарной с мнением партии оказывается директор передового совхоза Клавдия Лаврентьева, «легкая на ногу» женщина с зелеными глазами, «в которых, как в народе говорят, прыгают чертики» [Кочетков 1963, с. 470–471].

– Вам всем правильно Центральный Комитет внушает, – сказала Клавдия, разливая суп по тарелкам. – Конечно, тяжелая промышленность – основа основ, это каждому из нас еще со школьной скамьи известно. Но и сельское хозяйство не меньшая основа основ. Не будет хлеба у металлургов – и металлургия не пойдет. Дорогой Василий Антонович и дорогой Петр Дементьевич, если вы хотите быть настоящими политиками, никогда не ослабляйте внимания к сельскому хозяйству [Кочетков 1963, с. 476].

Когда же положительные герои «Секретаря обкома» беседуют не с «попутчиками» или заведомыми соратниками, а полемизируют с идейными противниками, «художественная» ретрансляция голоса партии звучит сдержанно–грозным напоминанием о том, с кем на самом деле незадачливые оппоненты посмели не согласиться.

– Ошибаешься, товарищ Баксанов, ошибаешься. Догматизмом от твоих установок отдаст.

– Если стоять на позициях ленинских взглядов на литературу как часть общепролетарского дела, если стоять на позициях выступлений товарища Хрущева по вопросам литературы, которыми развиваются и продолжают ленинские традиции, – если это догматизм, то только в таком случае я догматик, Артем Герасимович [Кочетков 1963, с. 330].

«У каждого мгновенья свой резон...»

Подчеркнем, что и в рекламе, и в тоталитарном искусстве выработка самих стратегических установок подчинена утилитарной логике узко прагматических задач. Если в рекламе стратегия изменяется как функция конвульсивных флуктуаций конъюнктуры рынка, то лозунги момента в социалистическом искусстве формировались исходя из сложного сочетания «общих и очередных задач партии и советской власти» [цит. по: Добренко 1997, с. 220; см. также: Добренко 1997, с. 170, 229, 250]. «Советская власть, – пишет Е. Добренко, – исключительно прагматична, если не сказать деидеологична. <...> Ее стратегией является только логика самосохранения, логика удержания власти. Все идеологические атрибуты советской власти исключительно факультативны. Она легко опиралась одновременно на совершенно раз-

ные, часто диаметрально противоположные доктрины – одновременно на «пролетарский интернационализм» и – «советский патриотизм», поддерживала «национально-освободительные движения» и боролась с «национализмом» <...> исповедовала неприкрытый экспансионизм и – «борьбу за мир», исходила из «отмирания государства» и – всячески его укрепляла... Точно так же и культура строилась в соответствии с актуальными потребностями власти (один из основных принципов соцреализма – принцип партийности – как раз и требовал от искусства такой «сверхчуткости»). Менялись задачи – менялись и темы» [Добренко 1997, с. 128]. Не только менялись, добавим, но и вступали друг с другом в противоречие, формируя эклектическую неразбериху руководящих предписаний. Не случайно А. Фадеев, разоблачая «застарелые бюрократические извращения в деле руководства советским искусством и литературой», излагает мысли, находящиеся по меркам 1953 года на грани (если не за гранью!) «фола»: «Разобщенные, отданные во власть чиновникам, часто стоящим на более низком уровне, чем деятели кино, запутанные в течение двух десятилетий многочисленными неквалифицированными и противоречивыми “указаниями” маленьких людей, стоящих над ними, многие деятели кино утратили самостоятельность и смелость, необходимую всякому художнику, приобрели робость мысли и постоянную оглядку на то, что им “прикажут” [цит. по: Романова 1993, с. 221].

Через десять с лишним лет повесть братьев Стругацких «Хищные вещи века» оказалась под «перекрестным огнем» начальственной критики «справа и слева». «Цензорша» обвиняла авторов в том, что они ратуют за «привнесение революции на штыках», а издатель кричал: «Мы за экспорт революции, и вы нас не собьете» [Стругацкий 2003, с. 134–136]. «Директор издательства, – пишет Б. Стругацкий, – требовал от авторов того, что цензура считала недопустимым. (Это противоречие, несомненно, было следствием невероятного идеологического бардака, который царил в головах начальства еще с 20-х годов)» [Стругацкий 2003, с. 136].

Действительно, как вспоминает К. Симонов о периоде сталинского руководства литературой, «на протяжении года, двух, трех все буквально по несколько раз могло перевернуться с головы на ноги, с ног на голову. <...> Всякий раз он был прав, не мог быть не прав, но чем дальше, тем труднее выстраивалась ложная логика этой правоты. Чем дальше, тем труднее было приводить у себя в голове в какую-то систему, сколько-нибудь похожую на единую систему, то, что он требовал от крити-

ки, от литературы...» [Симонов 1990, с. 204–205]. Причина тому, как становится понятно из воспоминаний самого К. Симонова, кроется не в паранойе вождя, а в высшей степени утилитарном подходе к ответу на постоянно волновавший его вопрос: «Нужна ли эта книга нам сейчас?» [Симонов 1990, с. 204–205]. Характерно, что Сталин отвечал на данный вопрос не как мудрый дальновидный стратег, а как непревзойденный мастер тактических комбинаций в политической игре. Так, убирая своей собственной рукой из финала пьесы К. Симонова «Чужая тень» «дамоклов меч» будущего возмездия, висящий над головой ученого, по неразумению сделавшего свое открытие достоянием «заграницы», Сталин обеспечивал, по сути, идеологическое прикрытие разворачивавшейся кампании борьбы с космополитизмом, стремился внушить советским людям, что руководство страны не допустит «крайностей в этом вопросе» [Симонов 1990, с. 130–131, 133–135]. В итоге на заседании комитета по присуждению Сталинских премий прозвучал «трагикомический аккорд», связанный с непосвященностью литераторов в замыслы вождя. «Я сидел и слушал, – вспоминает К. Симонов, – как мои коллеги бичевали либерализм Сталина, проявившийся в финале моей пьесы» [Симонов 1990, с. 135–136].

«Ложная логика» утилитарно-рыночной правоты озвучена в рекламе порой не менее казуистическими «аккордами». Например, в телевизионном эфире (иногда даже в рамках одного рекламного блока) соседствуют ролики геля и пены от фирмы Gillette, в которых реализованы, мягко говоря, альтернативные коммерческие стратегии. Реклама геля Gillette как более нового и «продвинутого» товара построена на последовательной критике (если не разоблачении) недостатков пены как товарного предшественника. В этой рекламе говорится о том, что «тысячи научных тестов доказали» неспособность пены обеспечить столь же гладкое и комфортное бритье, как гель, который легко и равномерно впитывается кожей и гарантирует идеальное скольжение бритвы. При этом зрителю в деталях демонстрируют усугубленную компьютерной графикой мало-симпатичную картину застрявших в щетине комков пены. Но поскольку Gillette продолжает активно производить и продавать пену для бритья, ее рекламная дискредитация перемежается рекламными одами в ее адрес. И посему на экране регулярно появляется юный футболист, который одновременно и упражняется с мячом, и пересказывает мудрые сентенции тренера, и как ни в чем ни бывало пользуется пеной от Gillette, рекламируя «комфортное бритье в одно касание».

«Как писать частицу “не” в нашей солнечной стране»

Еще одной чертой, роднящей рекламный дискурс с дискурсом тоталитарного искусства, является их общая забота о создании предельно герметичного текста, заставляющего, говоря словами Г. Маркузе, «принять только предложенное и именно в предложенной форме» [Маркузе 2002, с. 355]. Извечная мечта рекламиста, «чтобы телезрители вашу рекламу поняли однозначно, так как вам нужно» [Тайны 1992, с. 43], по существу не отличается от стремления тоталитарной культуры транслировать свои смыслы, удерживая их в «священных границах» «правильного чтения» [Добренко 1997, с. 95; Добренко 1993, с. 40]. Герменевтика советского искусства не терпит недоговоренностей, лакун, «пустот», способных стать источником энергии сотворчества и приглашающих «читателя самостоятельно оценить и познать открывающееся перед ним богатство жизненной ситуации» [Добренко 1997, с. 95, 99]. В связи с этим советский цензор (от рядового «искусствоведа в штатском» до главы государства) склонен в любой метафоре, оставляющей простор для воображения, видеть «ловушки смысла» [Добренко 1993, с. 40], исходя из «презумпции виновности» как писателя, так и читателя.

Симптоматично, что название книги И.Эренбурга «Оттепель», рождающее зыбко-трепетные ощущения грядущей весны, закономерно подверглось критике «справа» и «слева». В «Записке Отдела культуры ЦК КПСС от 27 июля 1956 г.» говорилось: «Так, немало велось споров вокруг “Оттепели” Эренбурга. Изображая последние годы как оттепель, писатель, видимо, хотел сказать, что предшествующие годы представляли оледенение и заморозки. Картина получилась односторонняя» [Документы 1994, с. 257]. Н.С. Хрущев же, напротив, в 1963 году отмечал: «С понятием оттепели связано представление о времени неустойчивости, непостоянства, незавершенности, температурных колебаний в природе, когда трудно предвидеть, как и в каком направлении будет складываться погода. Посредством такого литературного образа нельзя составить правильное мнение о существовании принципиальных изменений, которые произошли после смерти Сталина в общественной, политической и духовной жизни советского общества» [Хрущев 1963а, с. 224].

Возможность нежелательных ассоциаций предугадывалась цензурой даже в произведениях, казалось бы, далеких от политики и идеологии. Вспоминая о сложностях выхода пластинки с песнями из мультфильма «Бременские музыканты», автор стихов Ю. Энтин рассказывает: «Фильм уже вышел, а она была под запретом! Ну и апофеоз всего

этого – слова из той же сказки “нам дворцов заманчивые своды не заменят никогда свободы!”. В этот момент как раз построили Кремлевский дворец съездов. Вот и сочли, что это намек» [Грабенко 2006, с. 21].

Нельзя не признать, что борьба с «ловушками смысла» велась в советское время мастерски и беспощадно. Характерна фраза Ю. Олеши, исполненная мистического ужаса перед «сверхъестественной пронизательностью» и «безграничной властью» литературного «палача»: «Приносишь рукопись редактору, и тот сразу, безошибочно точным ударом выкальвывает ей глаз» [Сарнов 1994, с. 46]. Идеологическая корректность смысла требовала от редактора (цензора) «виртуозной, прямо-таки ювелирной» работы, которая «сводилась порой к изменению *одной буквы*» [Сарнов 1994, с. 47]. Вот два наглядных примера. В пьесе В. Зорина «Варшавская мелодия» главный герой Виктор «через десять лет после того, как он расстался с Геленой, приезжает с группой коллег <...> в командировку в Варшаву. Он и Гелена <...> обнаруживают, что их чувства живы. <...> Но когда Гелена просит Виктора уехать с нею на одну ночь в соседний город, тот растерян:

– Нельзя. Я же не один. <...>

Естественные резоны советского человека, ни при каких обстоятельствах не забывающего, что он “под колпаком”.

<...> Редактором <...> была добавлена всего одна буква. Стало: «Я уже не один». Отказ Виктора <...> объяснялся, таким образом, уже <...> совсем другим резонем, хорошо знакомым по классической реплике Маши Троекуровой: “Поздно, я жена князя Верейского!” [Сарнов 1994, с. 47].

Другая же история – это история изъятия одной-единственной буквы. «Книга одного почтенного литературоведа начиналась такой, не совсем обычной для сочинений этого жанра фразой: “А я все думаю о Достоевском...”. <...> На всю фразу редактор (цензор) не посягнул. <...> Изъят был союз “А”. <...> Фраза теперь выглядела более или менее безобидно: “Я все думаю о Достоевском”. Ну, что ж... Пожалуйста <...> думай себе на здоровье. А то что же это получалось: весь советский народ думает о том, чтобы выполнить очередные задачи, поставленные <...> партией и правительством, и только один он, видите ли, думает о Достоевском! <...> Зачем противопоставлять себя народу?» [Сарнов 1994, с. 48].

При подготовке же к печати текстов зарубежных авторов (разумеется, «ценных в своей основе материалов» [Документы 1993а, с. 244]) цензура не гнушалась спекулировать на «трудностях перевода». В спе-

циальной «Записке отделов ЦК КПСС о возможности издания романа Э. Хемингуэя...» (имеется в виду роман «По ком звонит колокол») говорится: «При редактировании перевода можно было бы <...> не нарушая смысла, заменить некоторые политически сомнительные и двусмысленные формулировки. Так, например, содержащиеся в размышлениях героя слова о “русской интервенции” можно было бы заменить упоминанием об “участии русских”, слова “пристанище русских” на “место пребывания” и т.д.» [Документы 1963а, с. 250].

«А за ней воробышек прыг-прыг-прыг-прыг...»

В рекламе «ловушки смысла» отслеживаются и ликвидируются не менее тщательно. В свое время компания «Алмак» планировала и отчасти реализовала выпуск серии макаронных изделий с портретами исторических личностей (от Петра I до Юрия Гагарина) на упаковках. Из всего ряда предложенных рекламистами персонажей была «забракowana» кандидатура Екатерины Великой по причине ее бросающейся в глаза полноты. Ведь этот образ мог вызвать у потребителя сомнения в правдивости лозунгов типа «Я ем макароны, чтобы похудеть» («Granmulino») и утверждений о том, что они «дают полноту сил, а не фигуры» («Макфа»).

Порой повороты «цензорской» мысли рекламодателя в гораздо большей степени непредсказуемы. Например, в середине 90-х годов представителями заказчика был подвергнут критике рекламный сюжет “Байт” – обитаемая планета компьютерной вселенной». В этой полиграфической рекламе изображались два астронавта в непосредственной близости от места их высадки на неизведанную планету, сам облик которой наводил на мысль о «цивилизации как смерти культуры и природы». Идея «технотронного ада» подчеркивалась тем, что открывавшийся взору пейзаж представлял собой странный гибрид кратерного ландшафта и клавиатуры персонального компьютера. Но в воздухе порхала бабочка, и один из астронавтов уже откинул «забрало» своего гермошлема, поняв, что здесь можно жить нормальной человеческой жизнью. Другой же с некоторым недоверием и даже испугом взирал на своего более старшего товарища. Таким образом, бабочка представляла и для умудренного опытом звездолетчика, и для читателей символом прекрасной и хрупкой жизни во всем многообразии ее естественных форм. Реклама должна была заверить потенциального клиента в том, что он входит не в бездушное пространство электронных машин и офисной скуки, а в согретый солнцем, увлекательный и дружелюбный

мир. Однако именно образ бабочки и вызвал нарекания. Коммерческий директор фирмы «Байт» вспомнил о недавнем на тот момент громком скандале вокруг акционерного общества «МММ», в нескольких клипах которого зритель регулярно видел бабочек, порхавших «под аккомпанемент» стихов Арсения Тарковского. В связи с этим возникли опасения, что и в новом смысловом окружении бабочка будет восприниматься как тревожный знак обмана, недолговечности и напрасных надежд на легкую красивую жизнь. Возражения о том, что контекст в данном случае задает этому знаку совсем другие значения и смыслы, разбивались о неоспоримое: «Раз мне это в голову пришло, то и еще кому-нибудь придет». Выражаясь в духе постмодернистской эстетики, разговор грозил выродиться в нескончаемую дискуссию о соотношении смыслообразовательных потенциалов контекста и интертекста. В ответ на фразу о том, что в принципе любой знак может быть дискредитирован при произвольном перемещении в более широкую семантическую систему отсчета, прозвучало программное: «Задача рекламиста в том и состоит, чтобы заранее однозначно отсекал все рискованные ассоциации адресата и чтобы, как по “трубе” или особому “рукаву”, направлять его мысли в нужное русло». Речь сейчас, понятное дело, идет не о том, хороша или плоха данная конкретная реклама, и не о том, кто из оппонентов был прав, а о той иллюзии тотального контроля над смыслом, которой столь самонадеянно страдает рекламный дискурс.

Симптоматично, что идеологическая цензура и цензура рекламная однажды сошлись парадоксально-закономерным образом на фигуре «отца народов». Словно готовясь примерить мантию верховного специалиста по языкознанию, И.В. Сталин в 1946 году проявил себя как матерый топ-менеджер в сфере «бренд-нейминга». Известно, что автомобиль ГАЗ М-20 первоначально хотели назвать «Родиной». Сталин, впервые увидев его, осведомился у конструкторов: «А сколько будет стоить “Родина”?». Пришлось переименовывать машину в «Победу». В этой ситуации важно не только то, что победа всегда дорого стоит [Цибулевская 2006, с. 2]. Еще важнее то, что не нашлось желающих Родину продать.

(Окончание следует)

Литература

- Бове К., Аренс У. Современная реклама. – Тольятти, 1995.
Грабенко Л. Дедушка отечественной эстрады // Спутник телезрителя. – 2006. – 16 августа. – №33 (550).

- Джулер А. Дж., Дрюниани Б. Л. Креативные стратегии в рекламе. – СПб., 2002.
- Добренко Е. «Запущенный сад величин» (Менталитет и категории соцреалистической критики: поздний сталинизм) // Вопросы литературы. – 1993. – Вып. I.
- Добренко Е. Формовка советского читателя. – СПб., 1997.
- Документы свидетельствуют... Из фондов Центра хранения современной документации (ЦХСД) / Публикация Т. Домрачевой, Т. Дубинской-Джалиловой, Л. Пушкаревой, М. Дьячковой, Е. Ореховой // Вопросы литературы. – 1993а. – Вып. II.
- Документы свидетельствуют... Из фондов Центра хранения современной документации (ЦХСД) / Публикация А. Чернева, Л. Пушкаревой, З. Водопьяновой, Т. Домрачевой, Г.-Ж. Муллека // Вопросы литературы. – 1993б. – Вып. V.
- Документы свидетельствуют... Из фондов Центра хранения современной документации (ЦХСД) / Публикация Л. Пушкаревой, З. Водопьяновой, Т. Домрачевой, Г.-Ж. Муллека // Вопросы литературы. – 1994. – Вып. I.
- Кондаков И. Покушение на литературу (О борьбе литературной критики с литературой в русской культуре) // Вопросы литературы. – 1992. – Вып. II.
- Кочетов В. А. Секретарь обкома. – М., 1963.
- Кромптон А. Мастерская рекламного текста. – М., 1998.
- Лапшин И. И. Художественное творчество. – Петроград, 1922.
- Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература // Ленин В. И. ПСС. – М., 1976. – Т. 12.
- Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю. М. Семiosфера. – СПб., 2000.
- Маркузе Г. Одномерный человек // Маркузе Г. Эрос и цивилизация. – М., 2002.
- Романова Р. Союз писателей СССР перед своим Вторым съездом // Вопросы литературы. – 1993. – Вып. III.
- Сарнов Б. Развивая традиции Прокруста (Михаил Зощенко и его редакторы) // Вопросы литературы. – 1994. – Вып. II.
- Симонов К. М. Глазами человека моего поколения: Размышления о И. В. Сталине. – М., 1990.
- Стругацкий Б. Н. Комментарии к пройденному. – СПб., 2003.
- Тайны рекламного двора. Советы старого рекламиста: Дэвид Огилви и другие о рекламе. – М., 1992.
- Хрущев Н. С. Высокая идейность и художественное мастерство – великая сила советской литературы и искусства. Речь на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства 8 марта 1963 года // Хрущев Н. С. Высокое призвание литературы и искусства. – М., 1963а.
- Хрущев Н. С. Служение народу – высокое призвание советских писателей. Речь на III съезде писателей 22 мая 1959 года // Хрущев Н. С. Высокое призвание литературы и искусства. – М., 1963б.
- Хрущев Н. С. Талантливый и правдивый летописец нашей великой эпохи. Из речи на митинге в станице Вешенской Ростовской области 30 августа 1959 года // Хрущев Н. С. Высокое призвание литературы и искусства. – М., 1963в.
- Цибулевская Л. «Победа» отмечает юбилей // Родная газета. – 2006. – 30 июня. – №24 (160).
- Якобсон Р. О. Статуя в поэтической мифологии Пушкина // Якобсон Р. О. Работы по поэтике. – М., 1987.

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ИГРЫ В СЛОВА

А.Д. Васильев

Явление языковой игры принадлежит к числу тех, наличие которых, кажется, никем не оспаривается, однако понимаются зачастую по-разному – и получают различные толкования и определения (начиная с варьирования уже самого термина). Это справедливо объясняют сложностью обозначаемого феномена [Сковородников 2003, с. 796–797].

Возможно несколько обогатить представление об игре словами с учетом ее разноаспектности и многофункциональности, а также очевидной соотнесенности с некоторыми другими формами и способами использования ресурсов языка.

Следует прежде всего иметь в виду, что «всякая игра что-то значит <...> “Ради чего” – в этих словах, собственно, самым сжатым образом заключается сущность игры» [Хёйзинга 1997, с. 21, 63]. Также весьма немаловажно, что языковая игра далеко не всегда (а возможно, и по большей части) может быть направлена на достижение именно комического эффекта. Согласно одной из многочисленных дефиниций, языковая игра – «сознательное манипулирование языком, построенное на необычности использования языковых средств» [Санников 1999, с. 37]. Впрочем, трактовать «необычность использования языковых средств» можно довольно широко; да и манипулирование оказывается – по крайней мере, во многих случаях, – вполне сознательным, иначе его надо было бы называть как-то иначе.

Известны различные определения манипуляции. Ср. следующие лексикографические дефиниции: *манипуляция* – 1) ‘движение рук, связанное с выполнением определенной задачи, напр. при управлении каким-л. устройством’; 2) ‘демонстрирование фокусов, основанное преимущественно на ловкости рук, умение отвлечь внимание зрителей от того, что должно быть от них скрыто’ (разрядка здесь и далее наша. – *А.В.*) 3)* ‘махинация, мошенническая проделка’ [СИС 1979, с. 300]. Вероятно, на основе двух последних значений (второе из которых является к тому же метафорическим, что, наверно, облегчило его переход в иные сферы использования) развилось несколько иное – как специального термина социальных наук: «*манипуляция* – (социологич. и социально-психологич.) ‘система способов идеологич. и духовно-психологич. воздействия с помощью средств массовой коммуникации на массы с целью их подчинения бурж. ценностям и образу жизни, насаждения потребит. психологии,

антикоммунистич. идеологии' [СЭС 1983, с. 755]. Этот термин, очевидно, призван был служить отрицательно-оценочным обозначением явления, присущего враждебным социальным процессам и тем СМИ, которые их обеспечивают. Ср.: «...в условиях буржуазного общества главной функцией массовой коммуникации является социальная манипуляция общественным сознанием, адаптация населения к стандартам и канонам буржуазного образа жизни...» [Ножин 1974, с. 8].

Впоследствии появились и более нейтральные определения: «Манипуляция – это вид психологического воздействия, при котором мастерство манипулятора используется для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент» [Доценко 1996, с. 60].

Отметив, что слово *манипуляция* имеет отрицательную окраску («им мы обозначаем то воздействие, которым недовольны, которое побудило нас сделать такие поступки, что мы остались в проигрыше, а то и в дураках»), С.Г. Кара-Мурза описывает его этимологию и семантические эволюции, приведшие к такому результату: современное переносное значение слова – ловкое обращение с людьми как объектами, вещами. Оксфордский словарь английского языка трактует манипуляцию как «акт влияния на людей или управления ими с ловкостью, особенно с пренебрежительным подтекстом, как скрытое управление или обработка...»; изданный в 1969 г. в Нью-Йорке «Современный словарь социологии» определяет манипуляцию как «вид применения власти, при котором обладающий ею влияет на поведение других, не раскрывая характера поведения, которое он от них ожидает» [Кара-Мурза 2002, с. 15]. Одним из важных этапов в развитии метафорического употребления слова было, по мнению психологов, искусство артистов, фокусников-манипуляторов, которые способны добиваться эффекта своего выступления, используя психологические стереотипы зрителей, отвлекая, перемещая и концентрируя таким образом иллюзии восприятия. К главным, родовым признакам манипуляции относят следующие: 1) это вид духовного, психологического воздействия, мишенью которого являются психологические структуры личности; 2) это скрытое воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом манипуляции; 3) это воздействие требует от манипулятора значительного мастерства и знаний; 4) это отношение к людям, сознанием которых манипулируют, не как к личностям, а как к объектам, особого рода вещам [Кара-Мурза 2002, с. 16–17].

Манипуляции – неизбежный модус поведения и необходимый атрибут и инструмент любой власти так же, как и средства массовой информации, без которых осуществление манипулятивных операций заведомо невозможно (в лучшем случае малоэффективно).

«Политические лидеры, средства массовой информации, воздействуя на общество и конкретную личность, используют разнообразные приемы, в том числе и речевое давление, языковое манипулирование» [Семенов 2001, с. 279]. Понятие «языковое (речевое) манипулирование» представляется, конечно, более узким, нежели «манипулирование вообще». Приведем некоторые определения.

Языковое манипулирование – «вид языкового воздействия, используемый для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент. В основе языкового манипулирования лежат такие психологические и психолингвистические механизмы, которые вынуждают адресата некритично воспринимать речевое сообщение, способствуют возникновению в его сознании определенных иллюзий и заблуждений, провоцируют его на совершение выгодных для манипулятора поступков» [Быкова 1999, с. 99]. – «Под языковым манипулированием нами понимается манипулирование, осуществляемое путем сознательного и целенаправленного использования тех или иных особенностей устройства и употребления языка. Таким образом, языковое манипулирование надо рассматривать как особую разновидность речевого воздействия» [Остроушко 2002, с. 90]. – «Под языковым манипулированием мы понимаем скрытое воздействие на реципиента (группу индивидов), совершаемое в интересах воздействующей стороны, с целью достижения определенного эффекта. Путем манипуляции в сознание внедряются идеи, образы, ассоциации, стереотипы, которые могут полностью, причем незаметно для человека, изменить его отношение к миру» [Любимова 2005, с. 1].

Хотя иногда и говорят, исходя из сосюрговской дихотомии *язык / речь*, что было бы точнее «квалифицировать данное явление как *речевую* манипуляцию, так как в данном случае речь идет об *использовании* языковых средств и подчеркивается прагматический характер явления» [Бугорская 2004, с. 5], однако именно на факте существования языка как знаковой системы базируется возможность его использования.

Проблемы манипулятивных технологий, методов речевого воздействия на индивидуальное и общественное сознание рассматриваются специалистами в разных аспектах, среди которых, на наш взгляд, глав-

ным является анализ особенностей употребления лексико-фразеологических элементов в соответствующих дискурсах средств массовой информации.

Обычно учитывается, что «главная проблема идеологического творчества – это проблема интерпретации (истории, национальной культуры, религии и философии). Главная задача – обеспечение мобилизации с целью манипуляции. Проблемы интерпретации, мобилизации и манипуляции – это прежде всего проблемы языка» [Ветров 2000, с. 201].

Приведем некоторые примеры. Хорошо известно, что в лексиконе, пожалуй, каждого народа совершенно особое место принадлежит его самоназванию. Оно, выступая в качестве первого компонента оппозиции «свой»/«чужой», является одним из главных составляющих национального менталитета. Целенаправленные манипуляции автоэтнонимом способны существенно трансформировать картину мира в сознании носителей языка. Примеров этому достаточно и в истории России, включая новейший период; таковы коннотативные эволюции этнонима государствообразующей нации: *русские*, по крайней мере с начала XX века и по настоящий момент, оказывают мишенью пропагандистских упражнений внешне, казалось бы, самых разных и даже взаимно противоположных политических сил и идеологических доктрин. Контекстуальное окружение этого этнонима в текстах российских СМИ постоянно и безапелляционно рисует русских и всё русское в самых негативных тонах (ср. сугубо отрицательные коннотации, индуцируемые в слове *русский* за счет назойливого повторения сочетаний вроде «русская мафия» – кстати, используемого преимущественно тогда, когда речь идет вовсе не о русских, но о бывших гражданах СССР или России, – и «русский фашизм», которого попросту не существует). Имеет место явно нарочитое неразличение *русского* и *российского*; последнее всё чаще заменяет собой и *советское*, ставшее почти пейоративным и – в ряде коммуникативных ситуаций – обретающее статус табуированного. Наиболее вероятными причинами таких манипуляций следует считать влияние иностранных языков (например, английского, где *Russian*, по сути, синкретично: это и «русский», и «российский»); воздействие чужой и чуждой для множества граждан РФ культуры (в частности, в Израиле именуют «русскими» выходцев из СССР, а также России и ряда других ныне суверенных государств); возможно, реализуются и рекомендации новейших политтехнологов, различного рода специалистов по проведению национальной (то есть по отношению к нациям, этносам) политики (подробнее см.: [Васильев 2003,

с. 180–211]). Стараясь «растворить *русское* в *российском*» и преуспевая в этом [Трубачёв 2005, с. 11], подчеркнуто не предпринимают подобных попыток применительно к другим этническим группам России.

Подобные манипуляции академик О.Н. Трубачёв называл «играми в слова, замешенными на дурной политике»: «невесёлые размышления приходят, когда видишь не одну только порчу языкового вкуса, но и дезориентацию национального самосознания – когда уже сам русский себя готов назвать россиянином. Ведь россиянин – это житель России, в принципе, любой национальности» [Трубачёв 2004, с. 72].

По некоторым данным, «в 1994 году на сахаровских чтениях Е. Боннэр учила президента Ельцина никогда не пользоваться этническим именем русский, а заменить его прозвищем россиянин» [Миронова 1997, с. 6]. (Ср. иронический комментарий современного писателя: «О русской идее напоминало только блатное обращенье “россияне”, всегда казавшееся Татарскому чем-то вроде термина “арестанты”, которыми воры в законе открывают свои письменные послания на зону, так называемые “малявы” [Пелевин 1999, с. 180]).

Налицо очередная попытка элиминировать этноним *русские*; правда, идеологическое обоснование теперь иное, хотя и столь же мифическое, как прежде, – набившие оскомину «общечеловеческие ценности». Это далеко не ново, ср.: «...как же мы теперь самоуверенны <...> как свысока решаем вопросы, да еще какие вопросы-то: почвы нет, народа нет, национальность – это только система податей, душа – *tabula rasa*, вощичек, из которого можно сейчас же вылепить настоящего человека, о б щ е ч е л о в е к а всемирного, гомункула – стоит только приложить плоды европейской цивилизации да прочесть две-три книжки» [Достоевский 1956, с. 79]. Можно заметить, что сегодня здесь очевидно влияние сконструированной и культивируемой в США, а оттуда распространяемой по всему миру *political correctness*; это, конечно, закономерно в свете сегодняшних реалий глобализации. Успехи такого подхода к регулированию межнациональных отношений в России довольно ощутимы. Многоликая модернизированная смердяковщина, постоянная на бывшем «интернационализме» и обычно обозначающая себя как «цивилизованность», чрезвычайно активна. Отказ в признании русских нацией заметен, хотя и косвенно, в лингвистических исследованиях, посвященных «национально-русскому двуязычию», где изучаются владение и пользование языком одного из народов РФ – и русским, то есть, подразумевается, **не** национальным. И удаление из российского паспорта указания национальности его владельца, поданное как шаг в сторону призрачного «мирового сообщества» (и почти уже реального

«нового мирового порядка») по-своему тоже вполне логично. В русле этой же тенденции («игр в слова») следует рассматривать и отсутствие в тексте закона «О государственном языке Российской Федерации» определения самого понятия «русский язык» и каких-либо упоминаний о русском народе. Перефразируя афоризм, приписываемый обычно одному советскому деятелю, «нет номинации – нет проблемы».

Надо сказать, что и само слово *народ* в период реформ также оказалось мишенью одной из разновидностей словесной игры, причем весьма значимой в пропагандистском отношении. Точнее говоря, символичным стало его почти абсолютное исчезновение из дискурса СМИ, включающих в себя приоритетные тексты политического официоза и мировоззренчески ориентирующихся на последние. Можно считать, что в семиотическом аспекте существительное *народ* обрело таким образом статус, весьма близкий к статусу так называемого «нулевого знака». Это «отсутствие объекта в контексте, неотторжимой характеристикой которого он стал на протяжении определенного этапа его функционирования, в рамках которого он воспринимался в качестве его обязательного компонента <...>. Семантика нулевого знака может не уступать по своей роли и информативной насыщенности семантике материально выраженного знака в традиционном понимании этого слова» [Шунейко 2005, с. 87]. Однако, как известно, свято место пусто не бывает: очевидно, что во многих коммуникативных ситуациях какая-либо номинация объекта попросту необходима (ср. эвфемизм в привычном его понимании); речедеталь же в таких случаях, желая еще подчеркнуть и свое неприятие некоей системы ценностей, и приверженность иным аксиологическим координатам, вынужден воспользоваться для обозначения реалии более или менее подходящим синонимом. Возможно, что при этом в речевой оборот вводится нечто вроде псевдоэвфемизма – по крайней мере, с точки зрения тех носителей языка, в чьем сознании имеются прочные представления об иных коннотациях соответствующих лексических единиц (ведь и отсутствие коннотации – тоже, хотя бы для некоторых коммуникантов, некое подобие коннотации; по аналогии с «нулевым знаком» – «нулевая коннотация», также оценочно и эмоционально значимая).

Для слова *народ* таким «заместителем»-псевдоэвфемизмом оказалось слово *население*. Ранее эту современную тенденцию точно квалифицировал А.П. Сковородников: «Главным здесь является возникновение в общественно-речевой практике ментальной оппозиции слов (понятий) *народ* (в смысле “нация”) и *население* (в смысле “безнацио-

нальная масса”), в которой первый член (*народ*) обладает положительной коннотацией (эмоционально-оценочным значением), а второй член (*население*) – отрицательной. Это новые смысловые отношения существительных *народ* и *население* носят антонимический характер в отличие от традиционных, близких к синонимическим» [Сковородников 1997]. Сегодня же мы имеем дело, скорее, уже с результатами указанного процесса, которые, вероятно, могут быть дополнительно объяснены с привлечением сведений историко-лексикологического характера.

Изначально, в древнерусскую эпоху, «общий смысл слова *народъ* и заключался в указании на некую однородную множественность, уже не обязательно общего происхождения, но всегда определенно объединенную какой-либо общей силой, признаками, свойственными только ей <...>. Представление это непосредственно вытекало из древнейшего образа «*народа*», и образ этот, несмотря на позднейшее развитие слова, устоял в веках, мало-помалу отливаясь в понятие «*народ*» [Колесов 1986, с. 138]. Историческая лексикография фиксирует разветвление семантики слова *народъ*: 1) ‘род, племя, потомки’ (1499 г.); 2) ‘множество, толпа, сонм’ (с 1057 г.); 3) мн. и собир. ‘люди, народ’ (с 1057 г.); 4) ‘группа лиц, объединенных общими интересами, политическими и религиозными воззрениями’ (XIII–XIV вв. ~ XI в.); 5) мн. ‘толпа, чернь’ (1499 г.); 6) ‘население (страны, города); народная масса’ (XI в.); 7) ‘люди, принадлежащие к одной этнической общности; народность, народ’ (XVII в.) [СлРЯ XI–XVII вв., с. 215].

С течением времени вследствие многих социальных, этнических, политических процессов продолжается обогащение семантики слова; возможно, осуществляется трансформация первичного, «стартового» синкретизма в полисемию. (См., например: *народъ* – ‘люди, народившийся в известном пространстве; люди вообще; язык, племя; жители страны, говорящие одним языком; обыватели государства, страны, состоящей под одним управленьем; чернь, простолюдые, низшие, податные сословия; множество людей, толпа’ [Даль 1955, с. 474]).

Пожалуй, есть некоторые основания, с учетом этой дефиниции, предположить и некое подобие омонимизации: многозначность слова *народ* ощущалась в XIX веке чуть ли не как диффузность его семантики. Это отразилось, в частности, в таких суждениях Н.К. Михайловского и А.И. Богдановича: «Под словом *народ* мы сплошь и рядом разумеем то этнографическую группу, то государственно-национальную, то исключительно “мужика”, то “чернь”, “простонародье”, то представите-

лей труда <...>, то толпу...» – «В течение тридцати последних лет <...> создалась даже особая “народническая” литература, до сих пор не выяснившая, что же собственно понимать надлежит под ее таинственным “народом” <...> Слово, не сходящее со страниц книг, статей, брошюр, политических воззваний, каждый раз вбирало в себя то содержание, которое определил для него пишущий» [Лексика 1981, с. 234].

Результаты этих процессов, вероятно, получивших дополнительные специфические импульсы в ходе революционных катаклизмов и последовавших социально-политических преобразований, нашли воплощение в советской лексикографии; ср.: *народ* – 1) ‘население, объединенное принадлежностью к одному государству; жители страны’; 2) ‘то же, что нация, национальность’; 3) ‘в эксплуататорском государстве – основная масса населения (преимущественно крестьяне) в противоположность правящему классу’ [Словарь Ушакова 1936, с. 207].

См. примеры типичной сочетаемости слова *народ* советского времени: *народ* – 1) ‘население государства; нация, национальность’: «великий, могучий, героический, непобедимый, трудолюбивый, талантливый, русский, советский, американский, наш, свой, весь <...>; народ-герой, народ-победитель, народ-созидатель, народ-творец <...>. Для народа (жить, работать, трудиться). За [какой-либо] народ умереть, отдать жизнь <...> перед народом отвечать за что-либо. [Какой-либо] народ поднялся на что-либо (на борьбу, на защиту чего-либо)...» и т.п. [Словарь сочетаемости 1983, с. 303].

Можно считать, что в советский период истории русского языка у существительного *народ* сложилась весьма высокая эмоционально-оценочная тональность, естественно поддерживавшаяся и укреплявшаяся официально-пропагандистскими усилиями.

История существительного *население*, по известным нам источникам, является гораздо менее «яркой», нежели у слова *народъ*. Для древнерусской эпохи отмечают лишь одно значение слова *население* – ‘заселение’ (XI в.) [СлРЯ XI–XVII вв. 1983, с. 241], манифестирующее относительную обжитость какой-либо территории, вне связи с гомогенностью по родовому (этническому), культурному, языковому и т.п. признакам. Собственно, и в гораздо более позднее время эта семантическая основа сохранилась без сколько-нибудь радикальных трансформаций. Согласно Словарю Ушакова, *население* – 1) ‘жители, люди, проживающие в каком-либо месте’; 2) ‘совокупность людей, живущих на определенной территории; народонаселение’; в МАС₂ *население* толкуется как 1) ‘действие по значению глагола *населить* – *населять* и состояние

по значению глагола *населиться – населяться* – и 2) ‘совокупность жителей (области, страны и т.п.); народонаселение’.

Таким образом, оказывается, что, в отличие от существительного *народ*, существительное *население* вряд ли способно вызвать столь же прямые ассоциации с представлениями о некоем этнокультурном единстве, связанном общими традиционными ментальными (и лингвоментальными) ценностями и т.п. *Население* – это, скорее, термин статистики и сопряженной с ней демографии (ср. *на душу населения, численность населения, перепись населения* и проч.); в самом деле, довольно трудно предположить наличие где-либо и когда-либо **героического населения, *историю населения* и т.п. несообразностей; тем более, наверное, было бы немыслимым в системе прежних идеологических координат **советское население* – существовал *советский народ* (а ранее – и *русский народ*).

Между тем, именно слово *население* сегодня весьма активно используется в публичной речи, в том числе – и в выступлениях официальных высокопоставленных лиц, транслируемых телевидением, причем это слово, судя по частотности употребления, оказывается явно предпочтительным по сравнению со словом *народ*.

Вероятно, определенную роль в утрате словом *народ* еще недавнего несомненно пафосного ореола сыграло тиражирование через СМИ производного *народный*, подаваемого, например, в составе таких сочетаний: «*русская народная* передача “Городок”»; «*русская народная* программа “Плэйбой”»; «*народная* марка года (о жевательной резинке)»; «самое *народное* пиво»; «*народный* автобусный маршрут (бесплатный – для пенсионеров)»; «*народный* премьер (Черномырдин)»; «*народный* автомобиль (его цена – 21,5 тысячи долларов)»; «конкурс “Лучший *народный* стриптиз года”»; «Борис Моисеев в *народной* драме “Чужой”»; «новогодняя быдлюшная [песня], почти *народная*» и т.п.

Можно с достаточными основаниями предполагать, что в столь активной замене народа населением (да еще обитающим не в государстве или стране, а на неких «пространствах» – ср.: «экономическое пространство», «культурное пространство», «образовательное пространство» и т.д.; в общем, *im Raum*) проявляется воздействие такого мощного фактора, как глобализация и связанная с нею нивелировка пока еще во многом различных этносов. Видимо, когда народ перестает считать себя *народом* и приобретает самооценку, низведенную до *населения* (что можно рассматривать и как переход от сакрального к профанному, и как утрату сакрального, и как сакрализацию профанного), стирается один из слоев, защищающих не только естественную культурную идентич-

ность и экономическую автономию, но и стремление к поддержанию государственного суверенитета. Вполне логичным продолжением рассмотренной тенденции следует считать в текстах СМИ единичные пока, но весьма симптоматичные обозначения этноса (например, белорусов) как *популяции* (может быть, не без влияния англ. *a population*).

Рассмотренные в рамках данной статьи примеры достаточно наглядно иллюстрируют целенаправленность и манипулятивный характер игры слов в некоторых ее модификациях, а также очевидную значимость подобных вербальных операций, имеющих для конкретного социума весьма долговременные и ощутимые последствия. Надо помнить всё же, что «слово нельзя отдать одному говорящему. У автора (говорящего) свои неотъемлемые права на слово, но свои права есть и у слушателя...» [Бахтин 1986, с. 317].

Литература

- Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986.
- Бугорская Н.В. Языковая и речевая манипуляция: к вопросу о разграничении понятий // Языковое бытие и сознание этноса. – М. – Барнаул, 2004. – Вып. 8.
- Быкова О.Н. Языковое манипулирование // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. – Красноярск – Ачинск, 1999. – Вып. 1 (8).
- Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире. – М., 2003.
- Ветров С.А. Идеология и ее язык // Язык. Человек. Картина мира. – Омск, 2000. – Ч. 1.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1955. – Т. 2.
- Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10-ти томах. – М., 1956. – Т. 4.
- Доценко Е.Л. Психология манипуляции. – М., 1996.
- Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М., 2002.
- Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. – Л., 1986.
- Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века. – М., 1981.
- Любимова А.А. Рождественские чтения 2005 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.Prokimen.ru>.
- Миронова Т. Всеоружие // Советская Россия. – № 112. – 25.09.97.
- Ножин Е.А. Проблема определения массовой коммуникации // Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. – М., 1974.
- Остроушко Н.А. Речевое воздействие как лингвистическая проблема (к понятию языкового манипулирования) // Мир русского слова. – 2002. – № 5.
- Пелевин В.О. Generation П. – М., 1999.
- Санников В.В. Русский язык в зеркале языковой игры. – М., 1999.
- Семенюк О.А. Язык эпохи и его отражение в сатирико-юмористическом тексте. – Кировоград, 2001.
- Сковородников А.П. Народ и население: очерк современного публицистического словоупотребления // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. – Красноярск – Ачинск, 1997. – Вып. 2.

- Сковородников А.П. Языковая игра // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. – М., 2003.
- Словарь иностранных слов. – М., 1979.
- Словарь сочетаемости слов русского языка. – М., 1983.
- Советский энциклопедический словарь. – М., 1983.
- Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 1936. – Т. II.
- Трубачёв О.Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. – М., 2005.
- Трубачёв О.Н. Заветное слово. Взгляд лексикографа на проблемы языкового союза славян. – М., 2004.
- Хэйзинга Й. Homo ludens; Статьи по истории культуры. – М., 1997.
- Шунейко А.А. Лакуна и нулевой знак (семиотический аспект) // Лакуны в языке и речи. – Благовещенск, 2005. – Вып. 2.

**К ПРОБЛЕМЕ СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО
ОПИСАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ ЯЗЫКА НАУКИ
(на материале терминологии
английской системы образования)**

Ю.А. Комарова

В лингвометодических исследованиях язык науки традиционно относят к категории языков для специальных целей [Language for Specific Purposes]. Данная категория языков понимается как особая система языковых средств, объединенных тематически, иерархически структурированных и соответствующих узкоспециальной сфере человеческой деятельности. Таким образом, социальная дифференциация языка связана со спецификой его использования различными профессиональными группами людей.

Язык науки осуществляет вербализацию профессионального научного знания. Следовательно, он обладает соответствующими лексико-семантическими и грамматическими средствами, способными адекватно передавать существо всех основных категорий и понятий науки и других областей данной профессиональной деятельности [Граудина, Ширяев 2002, с. 178].

Общепризнанным является тот факт, что одной из основных черт языка науки является наличие в нем терминов, выражающих понятия специальной области научного знания или деятельности. Следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что научная речь в большинстве своих жанровых разновидностей характеризуется консервативностью в отборе языковых средств выражения. Это обстоятельство отмечается многими исследователями научного стиля речи.

В современном языке и подязыках науки большое и значимое место занимает терминология. Изучение проблемы терминологии с позиции лингвистики и языкознания призвано «...осмыслить место термина в системе языка, его специфику, его общеязыковые свойства и признаки, его влияние на развитие науки <...>; необходимо понять, как строятся и функционируют большие и малые терминосистемы, как связана научная терминология с научными идеями и каково взаимовлияние той и других» [Солганик 2002, с. 264]. Выяснение названных позиций видится принципиальным для развития методической науки, в частности для разработки и создания оптимальных методик и технологий обучения научной речи на иностранном языке.

Терминология в целом относится к числу интегрирующих факторов, которые позволяют создавать единое информационное (научно-техническое, образовательное, экономическое и т.д.) пространство, поскольку именно терминология обеспечивает информационное взаимопонимание на национальном и межнациональном уровнях, совместимость законодательных, правовых и нормативных документов и т.п. Однако нельзя не учитывать и того факта, что для передачи профессиональной информации совершенно необходимы и нейтральные в стилистическом отношении пласты лексики, имеющие свою функциональную специфику в рамках языка науки [Граудина, Ширяев 2002, с. 170].

Известно, что наиболее информативной единицей научного текста является термин. Однако анализ лингвистической литературы по данной проблеме позволил сделать вывод о том, что на сегодняшний день для данного понятия нет общепринятого определения, способного отразить его сущность и типологические разновидности, а само понятие представляет собой «...наиболее слабое звено в теории терминоведения, так как является не только многоаспектным, но и внутренне противоречивым объектом исследования» [Алексеева 1998, с. 10].

В настоящее время выделяется три основных подхода к определению термина: а) попытка дать термину логическое определение; б) описательно раскрыть содержание термина, приписывая ему характерные признаки и в) выделить термин, противопоставив его какой-либо смежной единице [Комарова 1991, с. 14].

Не обсуждая и не анализируя каждый из имеющихся подходов, предлагаем принять в рамках настоящего исследования следующее определение: **термин – это слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности, обладающее особой дефиницией и ограниченное определенным местом в специальной терминосистеме.**

Традиционно к основным специфическим особенностям термина относят: 1) тенденцию к однозначности в пределах своего терминологического поля; 2) точность; 3) краткость; 4) отсутствие синонимов; 5) системность; 6) стилистическую нейтральность и т.д. Все эти свойства термин реализует только внутри терминологического поля, за пределами которого теряются его дефинитивные и системные характеристики [Граудина, Ширяев 2002, с. 169].

В требовании *однозначности* (одному знаку соответствует одно понятие) заключается положение о том, что термин должен иметь ограниченное, четко фиксированное содержание в пределах определенной терминосистемы в конкретный период развития данной области знания. Однако языку свойственно создание новых терминов и «переопределение» существующих. Переосмысление терминов в разных научных работах приводит к тому, что термины обрастают коннотациями, становятся многозначными. Видимо, данное явление отвечает основной природе научного термина – быть однозначным в данном сочинении и многозначным во всей массе научных публикаций, так как вместе с познанием нового развивается и значение термина [Рождественский 1990, с. 348].

Термин – это всегда результат и орудие профессионального мышления. Поэтому специалисты, представители одной и той же профессии, всегда заинтересованы в том, чтобы значение термина было четким и единственным. Это избавляет участников общения от разномыслия в понимании и применении одних и тех же терминов, уменьшает потери в восприятии и усвоении информации. Контекстная подвижность значения термина совершенно недопустима. Следует подчеркнуть, что требование однозначности к термину предполагает постоянство его значения в рамках определенной терминосистемы [Солганик 2002, с. 264].

Следующее требование – *точность* термина. Под точностью обычно понимается четкость, ограниченность значения. Эта четкость обусловлена тем, что специальное понятие, как правило, имеет точные границы, обычно устанавливаемые с помощью определения – дефиниции термина [Гринев 1995, с. 30].

С точки зрения отражения содержания понятия точность термина означает, что в его дефиниции есть необходимые и достаточные признаки обозначаемого понятия. Термин должен также (прямо или косвенно) отражать признаки, по которым можно отличить одно понятие от другого [Граудина, Ширяев 2002, с. 198].

Термины обладают разной степенью точности. Наиболее точными (или верно ориентирующими) представляются мотивированные термины, в структуре которых особенно ярко переданы содержание понятия или его отличительные признаки, например: *Project English*, *Total Physical Response*, *Silent Teaching*, и т.д. Значение немотивированных терминов не выводится из значения входящих в них терминологических элементов, например: *effective filter hypotheses*, *comprehensible input hypotheses*, *monitor hypotheses*, и т.д. Сюда же относятся и фамильные термины, которые зачастую не вызывают никаких ассоциаций, например: *Broadary effect*, *Mantgomery syndrome*, что затрудняет их освоение.

Краткость является одним из важных признаков термина. Здесь можно отметить противоречие между стремлением к точности терминосистемы и к краткости терминов. Для современного английского языка особенно характерно образование многокомпонентных терминов, в которых передается большее число признаков обозначаемых понятий. Намечается тенденция к усложнению структуры терминов-словосочетаний, появляются длинные, громоздкие названия, приближающиеся к терминам-описаниям. Потребность в усложненных конструкциях объясняется тем, что средствами развернутого словосочетания передается большее число признаков специального понятия и тем самым увеличивается степень семантической мотивированности термина, что для него очень существенно. Кроме того, в развернутых терминах возможно сочетание детализированного понятия с таким терминологическим обозначением деталей, которое делало бы это обозначение понятным вне контекста, то есть было бы однозначным [Авербух 2004, с. 68]. Например: *reading*; *reading and comprehension*; *reading for detailed comprehension*.

Функционирование терминов в речи требует исключения синонимических лексических эквивалентов. *Отсутствие синонимов* – важное требование, предъявляемое к термину. Синонимы в терминологии имеют другую природу и выполняют иные функции, чем в общелитературном языке. Синонимия в терминологии имеет свою специфику: в силу того, что термины-синонимы соотносятся с одним и тем же понятием, они представляют собой слова-дублиеты [Химик, Волкова 2003, с. 76]. К таким дублиетам можно отнести, например, следующие термины и терминологические сочетания: *skimming* – *skim reading* – *reading for gist*; *skim listening* – *listening for gist*; *selective listening* – *listening for partial comprehension* и т.д.

Между дублетами нет тех отношений, которые организуют синонимический ряд, нет эмоционально-экспрессивных, стилистических или оттеночных оппозиций. Они тождественны между собой, каждый из них относится прямо к обозначаемому. И если в общелитературном языке существование синонимов оправдано тем, что употребление тех или иных из них влияет на содержание речи, или изменяет стилистическую окраску, или придает ей индивидуальный оттенок, то дублеты ни в общеупотребительном языке, ни в языке науки этими свойствами не обладают и представляют собой явление нежелательное и даже вредное. Синонимия особенно характерна для начальных этапов формирования терминологий, когда еще не произошел естественный (и сознательный) отбор лучшего термина и имеется несколько вариантов для одного и того же понятия [Граудина, Ширяев 2002, с. 200].

Важное требование к термину состоит в том, что любой термин должен быть *системным*. Системность термина предполагает его принадлежность к терминологии определенной области знания или сферы деятельности. Системность терминологий базируется на классификации понятий, исходя из которой выделяются необходимые и достаточные признаки, включаемые в термин, после чего подбираются слова и их части (терминоэлементы) для образования термина. С системностью термина тесно связана его мотивированность, то есть семантическая прозрачность, позволяющая составить представление о называемом термином понятии. Системность дает возможность отражения в структуре термина его определенного места в данной терминосистеме, связи называемого понятия с другими, его отнесенности к определенной логической категории понятий. Обладая системностью, «термин определяется особым характером отношений внутри классификационных рядов, как по горизонтали, так и по вертикали» [Комарова 1991, с. 19].

Помимо прочего, в понятие «системность термина» включается свойство термина формировать систему понятий: *process oriented approach – product oriented approach; learner centered approach – teacher centered approach; text based discussion – topic based discussion*.

Систематичность требует и однотипности терминоэлементов у однотипных терминов. Например, один и тот же префикс *off-* используется в терминах, обладающих семей «находящийся снаружи, направленный наружу»: *off-campus study, off-job training, off-line teaching* и т.д.

Таким образом, признаки, которые кладутся в основу построения терминов, отражающих видовые понятия, то есть понятия, стоящие на одной классификационной ступени, должны быть одинаковы. Здесь же

заметим, что о действительных логических отношениях между понятиями невозможно судить на основе буквального смысла терминов, это можно сделать только на основе их определений [Пешехонова 2003, с. 22].

Одним из принципиальных требований к термину является *стилистическая нейтральность*. Термин лишен или почти лишен «созначений», то есть эмоциональных и стилистических наслоений. Значение термина по сравнению со значениями общеупотребительных слов строго понятийно, то есть информирует о понятии, выражает понятие, участвует в формировании понятия. Понятийность лексического значения термина лишает его некоторых синтагматических и словообразовательных свойств, присущих общеупотребительным словам. Термины не могут, например, свободно вступать в синтагматические связи, создающие переносно-образные, в частности метафорические смыслы, хотя такие связи и не исключаются. Как правило, не принимают термины и суффиксов субъективной оценки, вообще не участвуют в образовании производных слов со значением экспрессии и модальности [Солганик 2002, с. 265].

В работах последних лет выделяют дополнительные прагматические требования, обусловленные спецификой функционирования термина, среди которых можно назвать следующие: внедренность, современность, продуктивность, интернациональность, благозвучность термина, мотивированность и т.д. Признавая значимость данных дополнительных характеристик, оставим их рассмотрение за рамками настоящей статьи и обратимся к исследованию содержательного наполнения терминологического поля языка науки.

Прежде всего важно отметить, что в современной лингвистической науке принято разграничивать такие понятия, как термин и *номенклатурный знак (номен)*. «Словарь лингвистических терминов» под редакцией О.С. Ахмановой предлагает следующее определение номенклатуры: «... это совокупность специальных терминов-названий, употребляющихся в данной научной области, названия типичных объектов данной науки (в отличие от терминологии, включающей обозначения понятий и категорий)» [Ахманова 1969, с. 270]. К номенклатуре, «...строго подходя, можно отнести только имена собственные и перечни технических марок и этикеток» [Капанадзе 1965, с. 82], например: *Oxford (University)*, *Cambridge (University)*, *Oxbridge*, *Xerox (photocopying machine)* и т.д.

Одним из продуктивных подходов к оценке данных языковых образований является функциональный, а точнее, критерий различия

между функциями отражения понятия и этикированного отдельного предмета. Именуя конкретный объект, номен одновременно представляет собой его сжатое определение и, следовательно, не нуждается в дефиниции [Гринев 1993, с. 47].

Примечательно отметить, что, в отличие от термина, номенклатурная единица обозначает не любое, а специфическое понятие. Специфика названного понятия заключается в том, что оно непременно является членом ряда однородных понятий, различающихся второстепенными признаками. Таким образом, номены именуют единичные понятия, а термины – общие, и сама категория номенклатуры представляет собой промежуточно-связующее звено в ряду номинативных единиц между термином и именем собственным [Лейчик 1974, с. 24].

Вопрос различения терминов и номенклатурных знаков тесно связан с проблемой имен собственных, выполняющих терминологические функции в научном тексте. Примечательно отметить, что современные исследователи констатируют активное пополнение терминологий за счет имен собственных. При образовании термина имя собственное используется либо отдельно, либо в сочетаниях с нарицательными существительными. При этом имена собственные выполняют определительную функцию, задействуя литературные имена, имена деятелей науки или географические названия [Татаринов 1996, с. 257]. Например: *John B. Dewey, Jan Amos Kamensky, Jean Jacques Rousseau, Colle Preceptors; Neale Analysis of Reading Abilities, Swansea Evaluation Profile, Rhodes scholarship* и т.д.

Особенностью именных терминов является тот факт, что значение компонента, выраженного именем собственным, ослаблено, поскольку имя собственное обозначало конкретное единичное лицо или место лишь в момент создания термина, но с течением времени подверглось переосмыслению, а в ряде случаев вообще вышло из употребления и в настоящее время воспринимается не как название лица или места, а как некий качественный признак [Мотченко 2001, с. 48].

От сопоставления специальной лексики с типами выражаемых ею понятий перейдем к анализу ее состава с точки зрения взаимодействия терминологических подсистем друг с другом.

Исследователи средств выражения в языке науки констатируют важность и необходимость классификации названных средств и выделения их типов на определенных основаниях. И это вполне естественно, поскольку речь идет о значительном массиве номинаций специальных понятий, неоднородных по семантическим критериям, а, следовательно-

но, и по своему назначению, по выполняемой ими роли носителей специальных смыслов [Граудина, Ширяев 2002, с. 177].

Причина значительной вариативности словарного состава научной литературы состоит в том, что по своим семантическим и этимологическим характеристикам лексика научной прозы восходит к различным источникам. Вследствие этого многие исследователи едины в своем мнении о том, что общий массив терминологии включает в себя общенаучные, межнаучные и узкоспециальные термины, а также слова общеупотребительного языка, функционирующие в общепринятых значениях в научной речи. С точки зрения формы термины можно рассматривать на уровне слова и на уровне словосочетания. Терминологические словосочетания в свою очередь распадаются на два типа: бинарные и многокомпонентные. Термины представлены различными частями речи: существительными, прилагательными, глаголами и наречиями, являющимися по форме простыми, производными и сложными (образованными путем словосложения).

Кратко охарактеризуем каждую из названных терминологических групп.

Общенаучные термины выражают категориальные понятия, продуктивно и частотно применяемые во всех областях научного знания, например: system, element, structure, function, paradigm, concept, method и т.д. Входя в состав универсальных средств выражения, эти термины не утрачивают, а, напротив, предполагают конкретизацию их использования в отдельных областях знания: identification system, new generation text-book concept, peer teaching method и т.д. Объем общенаучной лексики «... сравнительно невелик и не превышает 3000 слов» [Рождественский 1990, с. 350].

Общенаучные термины объединяют в своем составе номинации логико-философских категорий, обладающих гносеологической универсальностью, а также категорий и понятий нового типа, возникших в результате математизации и кибернетизации, электронизации, информатизации науки, в результате интеграционных процессов и новейших методов исследования. Общенаучные средства выражения в конечном итоге служат основой для поиска средств теоретизации науки, универсализации научных средств и тем самым универсализации специального языка в целом [Граудина, Ширяев 2002, с. 178].

Будучи основой изложения логического хода мысли в научном тексте, общенаучная лексика наиболее многочисленна. При состав-

лении тезаурусов терминов разных наук слова общенаучной лексики становятся дескрипторами (то есть описывающими словами). Значение дескрипторов объясняет значение терминов, но само не объясняется их значениями. Это показывает, что общенаучная лексика представляет собой переходное звено от общеупотребительного языка к языку науки. Специализация значений, возникающая у слов общелитературного языка на основе особой образности (образа научного предмета), предполагает далее создание терминов [Рождественский 1990, с. 350].

Межнаучная терминология обнаруживается при вычлениении интегрирующих элементов внутри цикла наук (например, педагогических, лингвистических и т.д.) и имеет универсальные категории для объединения понятий. Обособление межнаучной терминологии произошло по той причине, что современное состояние развития науки, с приоритетными интеграционными процессами, изменило сам подход к классификации наук: на смену дисциплинарному пришел проблемный принцип, который породил междисциплинарные комплексы. Этот факт не мог не отразиться на понятийном аппарате науки в целом, ее отдельных комплексов и конкретных дисциплин, что естественным образом вызвало адекватные процессы интегрального, синтетического характера в терминологическом фонде современного специального языка. В самом общем виде это выразилось в увеличении пласта **межнаучной терминологии** [Граудина, Ширяев 2002, с. 179].

Границы межнаучных терминов определены комплексами наук и представляют собой определенным образом организованные объединения наименований обобщенных базовых понятий, общих для всего комплекса наук. Эти понятия становятся, как правило, структурной базой для составления более конкретных, видовых понятий (терминов), главным образом в тех случаях, когда номинация осуществляется средствами синтаксической и частично морфологической деривации [Троянская 1981, с. 21]: *competent – competence – competence approach* и т.д.

Узкоспециальная терминология представляет собой слой специальных терминов, выражающих специфические для каждой отрасли знания реалии, понятия, категории. Организующим началом для узкоспециальных терминов является наличие в каждой из терминосистем и в терминологии типовых понятий, по которым распределяется основной корпус терминов.

Особо следует подчеркнуть то обстоятельство, что в научной прозе допускается авторское употребление терминов. Как правило, введение авторского термина сопровождается синонимичным описательным вы-

ражением или авторской дефиницией, соответствующей позиции автора, его концепции. Авторскому определению обычно подлежат термины, составляющие суть точки зрения автора и суть изучаемого явления, то есть основные, базовые термины [Граудина, Ширяев 2002, с. 183].

В текстах всегда обнаруживаются внешние приметы авторского терминопотребления, которые содержат указания на определенность содержания термина и на локальность его употребления. В письменном научном тексте авторский термин зачастую заключается в кавычки:

«World round us is getting more and fuller with various kinds of images. Mass media, TV, Internet down on our contemporaries heap of pictures, illustrations, shorts... Possibly, we are late to think of our preservation, founded on the natural fear of the unknown, as long as we are already in need of this “*visual gluttony*”. Now it is supposed to be a special position of the teacher regarding to this requirement: no more to supervise and punish, it actually means to play the role of cultural filter». [E. V. Malyshkin. Culture of Imagelessness // Dialogues on Education: Russian and Swedish Experience. – SPb: Lan, 1999. – P. 96–110].

В дальнейшем авторский термин может быть закреплен в терминологии частым употреблением и, получив дефиницию, становится прямым наименованием научного понятия [Фаенова 1991, с. 339].

Отдельно следует оговорить такой пласт научной лексики, как *слова общеупотребительного языка*, функционирующие в общепринятых значениях в научных устных и письменных текстах. Зачастую это так называемые терминированные слова общеупотребительного литературного языка.

Данная категория лексики характеризуется рядом своих отличительных черт, принципиальной из которых является модально-оценочный характер лексических единиц. Такую лексику в научном стиле чаще всего характеризуют как интеллектуально-оценочную. В ее составе присутствуют слова всех частей речи, однако доминанту названной категории составляют имена прилагательные: *actual, crucial, unique, prominent, successful, fundamental, multisided* и т.д. Нередко данные прилагательные образуют словосочетания со словами нейтрального значения таким как: *level, importance, result, solution, observation, achievement, problem, aspect, data* и т.д.

Достаточно часто значение оценки передается именами существительными: *exactness, clarity, value, stability*; глаголами: *ignore, deepen, reach*; а также наречиями: *negatively, positively, effectively, insufficiently, intensively* и т.д.

Оценочность в научном тексте может проявляться через преобладание количественной экспрессивности: *very far from conservative, much less limited, almost all of which, very effective, much the same, most essential, very diverse sorts, long before the war* и т.д.

В силу того, что терминологическая лексика возникла и развивалась на базе общелитературного языка, основу современного научного языка составляют стилистически нейтральные единицы. Данный факт позволяет говорить о непрерывном взаимодействии этих лексических подсистем и взаимопроникновении специальной и общей лексики [Сенкевич 1984, с. 37].

В заключение отметим, что язык науки характеризуется не только наличием особых, свойственных ему средств выражения, но и особенностями образования и функционирования названных лексических средств в речи, а также особыми закономерностями их организации. Ведущим признаком языка науки признается сегодня терминологичность словарного состава, а сам язык науки характеризуется тенденцией к нормированию языковых единиц.

Литература

- Авербух К.Я. Общая теория термина. – Иваново, 2004.
 Алексеева Л.М. Проблемы термина и терминообразования. – Пермь, 1998.
 Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1969.
 Граудина Л.К., Ширяев Е.Н. Культура русской речи. – М., 2002.
 Гринев С.В. Введение в терминографию. – М., 1995.
 Капанадзе Л.А. О понятиях «термин» и «терминология» // Развитие лексики современного русского языка. – М., 1965.
 Комарова З.И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. – Свердловск, 1991.
 Лейчик В.М. Номенклатура – промежуточное звено между терминами и именами собственными // Вопросы терминологии и лингвистической стилистики. – Воронеж, 1974.
 Митрофанова О.Д. Научный стиль речи: Проблемы обучения. – М., 1985.
 Мотченко И.В. Основные тенденции в формировании английской медицинской терминологии: дисс. ... канд. филол. наук – М., 2001.
 Пешехонова Е.С. Семантико-синтаксические отношения между компонентами терминологических сочетаний (на материале терминологии английской системы образования): дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2003.
 Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию. – М., 1990.
 Сенкевич М.П. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений. – М., 1984.
 Солганик Г.Я. Стилистика современного русского языка и культура речи. – М., 2002.
 Татаринов В.А. Теория терминоведения: В 3 т. Т. 1. Теория термина: История и современное состояние. – М., 1996.

ИМПЕРСОНАЛ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ КЛАССИКОВ: РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО ИДИОЛЕКТАМ

Е.В. Зарецкий

Целью нашего исследования является проверка мотивации употребления имперсонала: выбираются ли соответствующие конструкции осознанно, то есть могут ли они значительно варьироваться по частотности и составу в разных произведениях одного автора в зависимости от тематики, не составляя постоянной и определённой величины; или делается это неосознанно, без учёта тематики, что может свидетельствовать об отразившемся в имперсонале мировоззрении / мировосприятии того или иного автора. Как будет показано ниже, истина тяготеет к первому пункту: в отдельных случаях действительно можно установить склонность автора к определённому глаголу без всякой зависимости от темы произведения (например, *Мне / ему / ей пахло* у А.П. Чехова), но в остальном частотность имперсонала зависит только от сюжета и выбранного автором стиля повествования (возвышенного, разговорного).

Все подсчёты производятся не по частоте определённого типа конструкций (например, «дополнение в винительном падеже + безличная форма глагола»: *Его ранило, Его убило* и т.п.), а по конкретным формам глаголов: *верилось, взгрустнулось, слышалась, полюбились* и т.д. Глаголы типа *слышаться* и *полюбиться* включены в список, поскольку реальный носитель признака при них стоит не в именительном падеже, то есть стандартном падеже подлежащего, а в дательном, ср.: *Он услышал – Ему слышалось, Он полюбил – Ему полюбилась*. Речь идёт, вероятно, о пережитках активного или эргативного строя индоевропейского языка, а именно о так называемой «аффективной конструкции», употреблявшейся для описания различных ментальных процессов, психических и физических состояний, сенсорного восприятия, эмоций и чувств [Степанов 1989, с. 32; Климов 1977, с. 96]. При переходе к номинативному строю «аффективная конструкция» неизменно исчезает, поскольку носитель признака начинает оформляться именительным падежом по аналогии с подавляющим большинством других типов конструкций.

Другие квантитативные исследования такого рода нам неизвестны. Существует, однако, целый ряд работ, где постулируется повышение частотности имперсонала в русской художественной литературе и / или повседневной речи. В частности, готовится к изданию статья Аллы Градинаровой «О расширении сферы синтаксической безлично-

сти в современном русском языке», опубликованная пока в ауссат-журнале *Балканская русистика* [Градинарова 2007]. В статье утверждается, что в русском языке за последние годы распространились конструкции типа *Ему грустно* и *Рядом хрипело и сипело*. Любопытна также глава «Об “иррациональности” русских» в книге В.И. Шалака «Современный контент-анализ. Приложения в области политологии, рекламы, социологии, экономики, психологии, культурологии» [Шалак 2006, с. 61–68]. Автор приходит к выводу, что поэты XX века были более склонны употреблять имперсонал в периоды социальной нестабильности (мировые войны, смерть Сталина, перестройка). Н.Д. Арутюнова, как и многие другие авторы, постулирует общий рост удельного веса безличных конструкций в русском языке [Арутюнова 1999, с. 794]. Мы не ставим себе целью подтвердить или опровергнуть результаты этих исследований, поскольку разграничивали выборки не по периодам (векам, десятилетиям), а по произведениям отдельных авторов.

Все подсчёты проведены по электронной антологии «Digitale Bibliothek Sonderband: Russische Literatur von Nestor bis Majakowski» («Русская литература от Нестора до Маяковского» из серии «Электронная библиотека»), для чего использовалась встроенная программа поиска самой антологии. В первой таблице собраны данные по авторам, общий объём произведений которых составил 3000 страниц, во второй – 1000 страниц, в третьей – 500 страниц. Одна страница электронной антологии равна примерно 1270 знакам с пробелами. В первой таблице приведен список всех безличных конструкций, которые хоть один раз встречаются в сборнике; каждой из них присвоен порядковый номер. В последующих двух таблицах приведен только этот номер. Омонимичные глагольные формы по возможности отсеивались (ср.: *Его убило ядром – Ядро убило его*). Список безличных конструкций и модальных предикативов взят из *Нового словаря русского языка* Т.Ф. Ефремовой (М.: Русский язык, 2000). К имперсональным выражениям относились и в том случае, если «реальный субъект» в поверхностной структуре не был выражен вообще ([*Мне*] *думается, что...*, [*Тебе*] *надо было уйти*). Перед каждой таблицей приведен список авторов и произведений, на основе которых составлена данная выборка. Перед фамилией каждого автора стоит номер, под которым данные по этому автору приведены в таблице. Общий объём произведений некоторых авторов позволил сделать несколько выборок: основную и две-три контрольные; в таких случаях одни и те же произведения в разных выборках не дублирова-

лись. Под каждым столбцом приведена общая сумма безличных конструкций в работах данного автора.

Выборки по 3000 стр.: 1. Герцен А.И. – 3006 страниц (*Былое и думы, С того берега, Доктор Крупов, Сорока-воровка*), 2. Гончаров И.А. – 3005 (*Обломов, Обрыв, Обыкновенная история, Фрегат «Паллада»* (частично)), 3. Достоевский Ф.М. – 3003 (*Записки из подполья, Бедные люди, Братья Карамазовы, Идиот* (частично), *Униженные и оскорблённые*), 4. Толстой Л.Н. – 2996 (*Власть тьмы, Живой труп* (частично), *Война и мир*), 5. Толстой Л.Н. – 3010 (*Анна Каренина, Воскресение, Детство, Плоды просвещения, Севастополь в августе 1855 года, Утро помещика*), 6. Тургенев И.С. – 3000 (*Записки охотника, Ася, Дневник лишнего человека, Первая любовь, Фауст, Дворянское гнездо, Дым, Накануне, Новь, Отцы и дети, Рудин, Новые стихотворения в прозе*).

Таблица 1

**Распределение имперсонала по идиолектам русских классиков:
выборки по 3000 стр.**

		1	2	3	4	5	6
1	Верилось	0	2	0	2	0	2
2	Верится	2	3	4	0	0	1
3	Взгрустнулось	0	0	0	0	0	1
4	Вздумалось	0	6	8	0	1	12
5	Влетело	0	0	0	0	1	0
1	Верилось	0	2	0	2	0	2
2	Верится	2	3	4	0	0	1
3	Взгрустнулось	0	0	0	0	0	1
4	Вздумалось	0	6	8	0	1	12
5	Влетело	0	0	0	0	1	0
6	Вырвало	0	1	0	1	0	0
7	Говорилось	2	2	6	15	17	2
8	Грезилась	0	3	0	0	0	0
9	Грезилось	0	1	1	0	0	0
10	Грезился	0	0	0	0	0	0
11	Гремело	0	1	0	1	0	0
12	Довелось	0	1	0	0	1	5
13	Поведется	0	0	0	0	1	0
14	Доведется	0	0	0	0	0	0
15	Думается	2	0	2	2	0	1
16	Думалось	3	7	0	5	0	17
17	Дышалось	0	0	0	0	0	0
18	Дышится	0	2	0	0	0	0

Продолжение таблицы 1

		1	2	3	4	5	6
19	Елось	1	0	0	0	0	0
20	Желается	0	0	3	0	0	0
21	Живется	1	5	1	0	0	1
22	Жилось	5	1	0	1	0	5
23	Заблагорассудилось	0	0	0	0	0	0
24	Заблагорассудится	0	2	0	0	0	1
25	Влетит	0	0	0	0	0	0
26	Заело	0	0	0	0	0	0
27	Говорится	8	5	4	11	4	50
28	Занесло	2	1	1	1	1	0
29	Запорошило	0	0	0	0	0	0
30	Запрещается	0	0	0	0	0	0
31	Запрещалось	1	0	0	0	0	0
32	Засвежело	0	0	0	0	0	0
33	Загошнило	0	0	0	0	0	0
34	Затянуло	1	1	0	0	0	0
35	Захотелось	9	6	28	9	25	22
36	Зашибло	0	0	0	0	0	0
37	Защипало	0	0	0	0	0	0
38	Знобило	0	0	0	1	0	0
39	Зудит	0	1	0	0	0	0
40	Икается	0	0	0	0	0	0
41	Желалось	0	0	2	0	0	0
42	Кажется	195	313	354	124	176	296
43	Казалось	115	97	102	317	258	205
44	Качало	1	0	0	0	1	0
45	Посвежело	0	0	0	0	0	0
46	Клонуло	0	1	0	0	0	0
47	Кричалось	0	0	0	1	0	0
48	Лихорадит	0	0	0	0	0	0
49	Ломило	1	0	0	0	0	0
50	Мне можно	0	2	2	0	2	0
51	Мне нельзя	1	4	5	0	4	4
52	Можно мне	0	4	4	4	2	0
53	Мутило	0	0	0	0	0	0
54	Надлежало	0	0	2	0	1	0
55	Надлежит	2	0	1	0	0	0
56	Надо	49	635	640	513	640	340
57	Надобно	401	9	43	12	3	70

Продолжение таблицы 1

		1	2	3	4	5	6
58	Надуло	0	1	1	0	0	0
59	Недоставало	34	23	10	7	16	11
60	Недостаёт	18	22	10	3	9	4
61	Нездоровилось	3	1	0	0	3	2
62	Неймется	0	1	0	0	0	0
63	Необходимо	33	9	24	54	50	7
64	Нужно	138	250	136	275	374	197
65	Осенило	0	0	0	0	0	0
66	Пахло	5	3	6	16	11	11
67	Пахнуло	2	9	0	7	5	0
68	Пелось	0	0	0	0	0	0
69	Першит	2	0	0	0	0	0
70	Повезло	2	0	1	0	0	4
71	Повело	0	0	0	0	0	1
72	Повелось	0	0	0	0	0	0
73	Повеяло	2	3	2	0	0	6
74	Подмывало	0	2	1	0	0	3
75	Подобает	1	0	0	1	0	0
76	Подумалось	0	2	12	0	1	8
77	Показалось	18	15	73	56	80	70
78	Полагается	0	0	5	0	6	2
79	Полагалось	0	0	1	0	1	0
80	Полегчало	1	0	0	0	0	0
81	Полегчает	0	0	0	0	0	0
82	Полюбилась	0	0	0	1	0	0
83	Полюбились	0	0	0	0	0	1
84	Полюбился	0	0	0	0	1	2
85	Попахивало	0	0	0	0	0	2
86	Послышались	1	6	9	61	31	14
87	Послышалось	1	9	9	12	7	14
88	Потеплело	0	0	0	0	0	0
89	Пригрезилось	0	0	0	0	0	0
90	Примораживало	0	0	0	0	0	0
91	Прискучило	0	2	0	1	0	0
92	Подобало	0	0	0	0	0	0
93	Пришлось	51	12	31	8	14	73
94	Продуло	0	1	0	0	0	0
95	Работалось	1	0	0	0	0	0
96	Разбило	0	0	0	1	1	0

Продолжение таблицы 1

		1	2	3	4	5	6
97	Разрешается	5	3	0	2	1	1
98	Разрешалось	1	0	1	0	0	0
99	Ранило	0	0	1	1	0	0
100	Расхотелось	1	0	0	0	0	0
101	Рвало	0	0	0	0	0	0
102	Рекомендуется	0	0	0	0	0	0
103	Рябило	1	1	0	0	0	1
104	Рябит	0	2	1	0	0	0
105	Свело	0	1	0	0	0	0
106	Сдается	2	0	1	0	0	10
107	Сиделось	0	1	0	0	0	0
108	Следовало	45	12	26	7	8	69
109	Следует	83	38	29	26	19	99
110	Случалось мне	2	0	1	0	0	0
111	Случилось мне	0	0	1	0	0	2
112	Слышалась	1	4	0	7	4	3
113	Слышалось	1	10	7	15	5	14
114	Слышался	5	10	3	22	25	11
115	Смеркается	0	0	3	1	0	0
116	Смеркалось	0	1	4	2	1	0
117	Спалось	2	1	0	0	0	4
118	Спится	1	8	1	1	0	7
119	Сталось	1	8	4	1	0	8
120	Станется	1	4	10	0	0	3
121	Стемнело	0	0	2	0	1	7
122	Стошнило	0	0	0	0	0	0
123	Темнело	0	0	0	0	0	0
124	Терпелось	1	0	0	0	0	0
125	Терпится	0	1	0	0	0	1
126	Теснило	0	1	0	0	1	0
127	Тошнило	0	1	1	1	0	0
128	Тошнит	0	1	1	0	0	0
129	Захочется	1	7	7	2	0	5
130	Тянуло	1	5	3	1	2	6
131	Убило	0	0	1	0	1	3
132	Угрозило	0	0	2	0	0	0
133	Удастся	7	16	9	1	2	4
134	Удалось	28	19	23	16	14	37
135	Успеется	0	0	0	0	0	0

Окончание таблицы 1

		1	2	3	4	5	6
136	Холодит	0	0	1	0	0	0
137	Хотелось	139	120	125	96	149	87
138	Хочется	44	100	55	36	48	57
139	Чуется	1	0	0	0	0	0
140	Чуялось	1	0	0	0	0	1
Всего		1490	1862	1867	1761	2029	1907

Таблица содержит далеко не все глагольные формы, входящие в состав русских безличных конструкций. Ещё целый ряд относительно редких форм не встретился ни разу ни в одном из корпусов: *захандрилось, занепогодило, непогодит, заклокотало, завьюжило, вьюжит, вьюжило, задождело, заснежило, снежило, наснежило, умиралось, умирается, фортунило, холодило, дождило, грустится, грустилось, можетя, моглось, разлюбился, разлюбилось, разлюбилась, плясало, ауссатется, познабливало, лежалось, лежится, залихорадило, лихорадило, отдыхается, пригрезится, постреливало, пожилось, отдыхалось, пляшетя, ауссатется, заиндивело, забуравило, задремалось, захрипело, вытошнило, приморозило, пучило, ездится, естся, заненастило, засквозило, стреляло, зяблось, зябнется, запершило, заломило, першило, вывернуло, гулялось, прогремело, зудело, заложило, дремалось, икалось, кидало, приспело, трясло* и многие другие. Следует подчеркнуть, что проверить абсолютно все глагольные формы, встречающиеся в абсолютно всех русских безличных конструкциях, не представляется возможным; потому были отобраны наиболее частотные.

Выборки по 1000 стр.: 1. Андреев Л.Н. – 1003 (*Анатэма, К звёздам* (частично), повести и рассказы), 2. Арцыбашев М.П. – 999 (*Записки писателя* (частично), *Санин, У последней черты* (частично)), 3. Гарин-Михайловский Н.Г. – 1000 (*Детство Тёмы* (частично), *Студенты, Инженеры*), 4. Гоголь Н.В. – 1002 (*Мёртвые души* (частично), *Миргород, Вечера на хуторе близ Диканьки*), 5. Гончаров И.А. – 998 (*Очерки путешествия* (частично)), 6. Грин А.С. – 1000 (*Позорный столб, Бегущая по волнам, Дорога в никуда, Золотая цепь*), 7. Достоевский Ф.М. – 1001 (*Записки из мёртвого дома* (частично), *Преступление и наказание*), 8. Карамзин Н.М. – 1003 (*Наталья, боярская дочь, Остров Борнгольм, Письма русского путешественника*), 9. Островский А.Н. – 999 (*Бедность не порок, Без вины виноватые, Бесприданница, Бешеные деньги, Волки и овцы, Гроза, Доходное место, На всякого мудреца довольно простоты* (частично)), 10. Писемский А.Ф. – 1001 (*Русские леуны, Тысяча душ, Тюфяк* (частично)), 11. Пушкин А.С. – 1000 (*Повести покойного Ивана Петровича Белкина* (частично), *Борис Годунов, Сцена из Фауста, Скупой Рыцарь, Моцарт и Сальери*,

Каменный гость, Пир во время чумы, Арап Петра Великого, Дубровский, Евгений Онегин, Капитанская дочка), 12. Салтыков-Щедрин М.Е. – 1002 (*Господа Головлевы*, сказки, *История одного города* (частично)), 13. Сологуб Ф.К. – 996 (критическая проза, *Мелкий бес* (частично), *Тяжёлые сны*, стихотворения), 14. Чернышевский Н.Г. – 993 (*Что делать?*, критические статьи), 15. Чехов А.П. – 1001 (рассказы и повести).

Таблица 2

**Распределение имперсонала по диалектам русских классиков:
выборки по 1000 стр.**

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1	1	1	1	0	4	0	0	0	0	0	0	1	0	1	2
2	0	0	0	1	3	0	0	0	3	0	0	0	1	0	0
3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0
4	0	1	0	5	1	0	2	1	3	4	2	6	1	4	0
5	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
6	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0
7	0	1	0	1	1	5	0	0	0	2	0	2	0	10	3
8	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0
9	1	0	0	0	2	0	2	0	1	0	0	0	2	0	0
10	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
11	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
12	0	0	0	9	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
13	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0
14	0	0	0	4	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
15	0	0	1	1	0	0	0	0	1	0	0	6	0	16	1
16	1	0	0	0	5	0	1	0	0	2	0	8	2	7	1
17	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1	1	0	1
18	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	2	1
20	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
21	1	0	0	0	0	0	0	0	2	1	0	3	0	0	4
22	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3	0	0	4
23	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0
24	0	0	1	1	0	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0
26	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
27	2	1	0	4	4	5	3	0	0	8	1	4	5	15	2
28	0	0	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0
29	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
30	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
31	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
32	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
33	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
34	0	2	0	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
35	20	22	6	5	5	2	16	4	1	4	0	14	12	2	20
36	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0

Продолжение таблицы 2

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
38	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
42	99	70	57	54	191	42	163	78	92	150	41	77	64	104	86
43	66	211	60	143	36	60	50	56	1	25	40	33	84	21	141
44	0	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
45	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
48	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
49	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
50	0	0	0	0	0	0	0	2	2	1	1	2	0	0	0
51	0	1	0	0	0	2	2	4	4	3	1	2	1	4	0
52	3	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0
53	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
54	0	0	0	0	0	0	0	75	0	0	3	3	1	0	0
55	1	0	0	0	0	0	0	1	0	0	3	9	3	0	0
56	162	182	266	9	166	143	230	6	281	54	13	166	241	41	137
57	1	0	0	9	0	2	14	137	40	99	27	26	0	242	2
58	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	2	1	0	0
59	3	2	4	2	5	0	4	1	1	4	0	3	2	4	4
60	0	0	0	6	7	0	0	2	3	1	1	1	1	2	2
61	0	0	0	0	2	1	1	0	0	1	0	0	0	0	2
62	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0
63	11	4	16	1	3	13	9	2	3	7	6	15	19	4	13
64	109	39	21	168	53	30	15	8	216	30	22	107	28	206	122
65	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
66	6	21	6	1	4	2	5	0	0	1	0	3	12	0	34
67	2	4	2	0	1	0	0	0	0	3	1	3	0	0	1
68	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0
70	0	2	0	0	1	8	0	0	1	0	0	0	1	0	0
71	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
72	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	2	0	0
73	0	4	1	1	3	1	1	0	0	0	0	1	6	0	1
74	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0
75	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	1	2	1	0	1
76	0	2	0	0	0	0	8	0	0	0	0	2	0	2	0
77	26	80	12	29	19	22	40	13	1	11	15	18	23	21	25
78	3	2	2	0	0	2	1	1	1	0	2	2	0	0	2
79	0	1	1	0	0	0	1	0	0	0	0	1	0	0	0
80	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
81	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
82	0	0	0	0	0	0	0	8	1	0	0	0	0	0	0
83	0	0	0	0	0	0	0	9	0	0	0	0	0	0	0
84	0	0	0	0	0	0	0	4	0	0	1	0	0	0	0
86	2	16	1	2	0	7	7	0	0	7	0	4	10	0	16
87	3	6	1	4	1	5	4	2	0	6	0	1	2	2	8
88	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
89	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0

Окончание таблицы 2

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
91	0	0	0	3	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
92	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
93	19	3	15	8	8	21	11	1	5	9	1	22	12	13	9
94	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
96	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
97	0	0	0	0	0	0	3	0	0	1	0	1	0	1	0
98	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
101	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0
102	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	1
105	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0
106	0	0	0	1	0	0	1	0	0	0	3	4	0	0	0
107	0	0	2	0	0	1	3	0	0	0	0	0	0	0	0
108	3	3	4	1	7	28	10	1	4	11	2	7	14	19	7
109	16	6	13	23	14	18	21	4	26	21	4	43	29	66	23
110	0	0	0	0	2	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
111	0	0	0	0	1	0	1	1	0	0	1	0	0	1	0
112	0	2	0	2	0	0	1	0	0	3	0	0	1	1	3
113	3	10	1	4	5	3	1	0	1	5	0	2	3	0	9
114	1	12	2	7	2	4	2	0	0	4	1	2	4	1	7
115	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
116	0	1	0	0	0	2	0	1	0	0	2	0	0	0	2
117	0	0	0	2	0	0	1	0	0	0	0	2	2	0	0
118	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	2	3	0	3	1
119	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	0
120	0	1	0	0	0	0	3	0	2	0	1	0	0	0	0
121	2	4	1	1	2	6	1	0	0	0	0	3	0	0	1
122	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	2
123	5	3	0	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0
125	0	0	0	0	0	3	0	0	1	0	1	0	0	0	0
127	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1
128	2	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	2	1	0	0
129	4	1	3	2	1	0	1	2	1	0	0	9	2	1	1
130	0	1	11	0	2	0	3	0	0	0	0	2	4	2	5
131	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
133	3	2	5	6	8	3	3	0	1	3	4	2	4	7	1
134	9	2	7	5	7	13	7	6	0	2	4	4	10	20	4
136	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
137	50	97	43	19	38	15	48	37	11	30	12	12	41	37	60
138	23	42	33	23	34	13	17	10	41	9	1	39	21	35	36
140	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1
Всего	671	869	609	572	656	489	772	479	756	524	224	700	678	921	882

Выборки по 500 стр.: 1. Аверченко А.Т. – 499 (рассказы и фельетоны, *Шутка мецената*), 2. Анненский И.Ф. – 498 (*Книга отражений, Вторая книга отражений, Кипарисовый ларец* (частично)), 3. Арцыбашев М.П. – 498 (*Записки*

писателя (частично), *У последней черты* (частично)), 4. Брюсов В.Я. – 497 (*Огненный ангел* (частично)), 5. Гарин-Михайловский Н.Г. – 501 (*Гимназисты* (частично)), 6. Гоголь Н.В. – 510 (*Записки сумасшедшего, Невский проспект, Портрет, Шинель, Женитьба, Ревизор*), 7. Достоевский Ф.М. – 499 (*Записки из Мёртвого дома* (частично)), 8. Крылов И.А. – 510 (*Почта духов*), 9. Лермонтов М.Ю. – 510 (*Маскарад, Герой нашего времени*, стихотворения), 10. Лесков Н.С. – 493 (*Левша, Запечатленный ангел, Леди Макбет Мценского уезда, Очарованный странник*), 11. Мамин-Сибиряк Д.Н. – 490 (*Приваловские миллионы* (частично)), 12. Некрасов Н.А. – 500 (*Кому на Руси жить хорошо, Коробейники, Мороз, красный нос, Саша*, стихотворения), 13. Толстой Л.Н. – 498 (*Севастополь в мае, Отрочество, Юность*), 14. Фурманов Д.А. – 504 (*Чапаев*), 15. Саша Чёрный – 474 (стихотворения, солдатские сказки, сатира в прозе, повести, рассказы и сказки для детей).

Таблица 3

**Распределение имперсонала по идиолектам русских классиков:
выборки по 500 стр.**

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1	0	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	0
2	0	1	0	0	0	0	2	0	1	0	0	0	0	1	0
3	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0
4	1	0	0	0	0	1	1	8	1	0	0	1	0	0	0
5	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
7	1	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	3	0
9	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
10	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0
12	1	0	0	6	0	1	0	0	0	1	0	0	1	1	0
13	5	24	37	45	9	14	19	42	15	23	8	12	46	6	22
14	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0
15	0	0	1	1	0	0	0	1	0	1	1	0	1	2	0
16	0	1	0	0	0	0	0	0	0	2	0	1	1	3	0
17	2	0	1	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1	0	0
18	0	0	0	0	0	0	1	0	0	2	0	2	0	0	0
21	0	2	3	0	2	0	0	0	0	0	2	8	0	1	0
22	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	3	1
25	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
27	8	0	3	1	2	5	0	2	2	1	2	0	1	0	2
28	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1	1	0	0	2	0
29	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0
31	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0

Продолжение таблицы 3

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
33	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
35	3	1	23	2	4	0	5	1	0	1	3	0	7	2	0
37	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
40	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0
41	0	0	0	0	0	2	2	0	0	1	0	0	0	0	0
42	43	88	47	24	51	61	75	56	49	19	75	3	60	11	14
43	10	17	77	40	31	50	33	15	19	9	15	1	95	12	0
45	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
46	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
50	0	0	1	1	0	0	1	0	0	0	2	0	1	0	0
51	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
52	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
54	0	0	0	0	0	0	0	9	0	3	0	0	0	0	0
55	1	0	0	3	0	0	0	25	0	4	0	0	0	0	1
56	46	82	93	47	85	4	75	0	53	122	15	23	75	204	94
57	0	0	0	0	0	11	2	52	7	6	0	11	2	1	1
58	0	0	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1
59	2	0	0	1	0	1	1	4	0	0	8	0	1	0	1
60	0	2	0	0	0	2	0	1	2	0	7	0	2	0	1
61	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0
63	1	4	4	6	6	1	3	3	0	0	21	0	4	4	3
64	90	10	23	10	13	99	13	27	11	20	66	7	27	3	9
65	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
66	1	0	5	2	1	0	0	0	0	1	4	0	3	1	3
67	0	1	0	0	3	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1
68	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0
70	1	0	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
72	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1
73	0	0	0	1	0	0	0	0	2	0	0	1	0	0	0
74	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0
75	2	0	0	3	0	0	0	0	0	1	0	1	0	1	0
76	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1	0
77	1	1	34	19	2	7	11	3	9	11	6	0	21	4	3
78	3	3	4	0	1	0	0	1	0	0	0	0	0	3	11
79	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1	0	0	1	0
84	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0
85	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
86	0	0	5	5	1	1	0	0	0	2	1	0	4	0	0
87	0	0	0	1	2	0	0	0	3	1	0	2	0	0	0

Продолжение таблицы 3

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
88	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
90	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0
92	0	0	0	6	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
93	11	7	3	22	4	2	15	0	2	0	11	1	3	13	3
94	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0
98	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
99	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	0
101	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1
104	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
106	0	1	0	0	0	0	2	0	0	1	0	0	0	0	0
108	5	2	3	5	2	5	7	0	0	1	2	0	0	1	2
109	7	7	0	4	5	15	4	3	1	10	9	1	3	19	13
110	0	0	0	2	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0
112	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0
113	0	0	3	2	0	1	1	0	0	0	0	3	2	0	0
114	0	0	0	1	0	0	1	0	0	0	1	0	3	0	0
115	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0
116	0	0	1	0	0	0	3	0	0	0	0	0	0	0	0
117	2	0	0	0	0	0	1	0	0	2	0	0	0	3	0
118	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	1	3	0	0	0
119	1	1	0	0	0	0	1	0	2	2	0	0	0	0	0
121	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
123	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
124	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
127	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0
128	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1
129	0	0	0	0	0	0	0	2	1	0	0	0	3	0	0
130	3	0	1	0	8	0	3	0	0	0	2	0	0	1	0
131	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	2	2	0
132	1	0	0	0	0	2	0	0	0	0	1	0	0	4	0
133	1	0	0	2	0	1	2	9	4	1	0	0	0	0	0
134	0	5	2	6	2	1	1	0	3	1	4	0	0	14	2
135	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1
137	8	7	36	15	18	20	21	5	13	9	30	3	32	12	3

Окончание таблицы 3

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
138	11	5	27	3	7	19	9	8	8	11	7	5	4	4	8
139	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
140	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0
Всего	281	277	448	289	265	330	322	278	211	273	308	95	407	353	208

Результаты:

• 1-я таблица: Толстой Л.Н. (5) > Тургенев И.С. > Достоевский Ф.М. > Гончаров И.А. > Толстой Л.Н. (4) > Герцен А.И. Таким образом безличные конструкции чаще всего употреблялись у Л.Н. Толстого, несколько реже у И.С. Тургенева и реже всего у А.И. Герцена.

• 2-я таблица: Чернышевский Н.Г. > Чехов А.П. > Арцыбашев М.П. > Достоевский Ф.М. > Островский А.Н. > Салтыков-Щедрин М.Е. > Сологуб Ф.К. > Андреев Л.Н. > Гончаров И.А. > Гарин-Михайловский Н.Г. > Гоголь Н.В. > Писемский А.Ф. > Грин А.С. > Карамзин Н.М. > Пушкин А.С.

• 3-я таблица: Арцыбашев М.П. > Толстой Л.Н. > Фурманов Д.А. > Гоголь Н.В. > Достоевский Ф.М. > Мамин-Сибиряк Д.Н. > Брюсов В.Я. > Аверченко А.Т. > Крылов И.А. > Анненский И.Ф. > Лесков Н.С. > Гарин-Михайловский Н.Г. > Лермонтов М.Ю. > Саша Чёрный > Некрасов Н.А.

По количеству употребляемого имперсонала поэты следуют за писателями, что, очевидно, объясняется меньшим объёмом текста на том же количестве страниц. Авторы, склонные к употреблению модального предикатива *надо*, относительно редко используют *надобно* (Гончаров И.А., Достоевский Ф.М., Толстой Л.Н., Тургенев И.С.) и наоборот (Герцен А.И., Чернышевский Н.Г., Карамзин Н.М., Писемский А.Ф.). Контрольные выборки по Ф.М. Достоевскому показали, что автор склонен к активному употреблению имперсонала; выборки по Н.В. Гоголю и Л.Н. Толстому никаких явных тенденций не выявили. Использование определённых безличных конструкций зависит, среди прочего, от тематического направления работы. Например, в дидактических произведениях И.А. Крылова особенно часто встречаются слова *надлежит* и *надобно*. Так же объясняется интенсивное использование формы *следует* в произведениях Н.Г. Чернышевского. Кроме того, многочисленность ссылок Чернышевского на другие источники (пословицы, Библию, древние изречения, конкретные высказывания других авторов и т.д.) выражается в высокой частотности формы *говорится*. Вполне объяснима и склонность И.С. Тургенева к глагольным формам *вздумалось* и *пришлось*, если вспомнить то внимание, которое автор посвяща-

ет описанию особенностей русского национального характера¹, включая его иррациональность², а также теме судьбы³. С другой стороны, в отдельных случаях склонность того или иного автора к определённой конструкции не может быть объяснена темой его произведений. Так, в рассказах А.П. Чехова необычно часто встречается форма *пахло*, а в произведениях Ф.М. Достоевского – *кажется* и *показалось*. Н.М. Карамзин особенно часто употребляет формы *полюбилась*, *полюбились* и *полюбился*. Возможно, это свидетельствует об особенностях восприятия мира самими авторами.

Два основных вывода нашего исследования можно сформулировать следующим образом. Во-первых, частотность безличных конструкций может значительно варьироваться и в пределах произведений одного автора (что мы видели, например, у Л.Н. Толстого), то есть она не является величиной постоянной и, соответственно, определяющей характер того или иного идиолекта. Во-вторых, можно проследить явную корреляцию между тематикой произведений и частотностью определённых безличных глаголов / предикатов (например, *надо* и *надобно* в дидактических произведениях), хотя в единичных случаях просматривается склонность автора к определённой конструкции. Это позволяет предположить, что сфера употребления имперсонала связана преимущественно не с особенностями менталитета или же мировоззрения (иррациональностью, пассивностью, фатализмом), которые усматривают в русских безличных конструкциях некоторые авторы [Вежицкая 1996,

¹ Напр. «Приехали они в Борзёново, поужинали – больше приличия ради, – а там запыхали сигары и начались разговоры, те ночные, неумомимые русские разговоры, которые в таких размерах и в таком виде едва ли свойственны другому какому народу» [Тургенев И.С. Новь // Русская литература: от Нестора до Маяковского, С. 52318]. «Известное, хоть не совсем понятное дело: русские люди – самые изолгавшиеся люди в целом свете, а ничего так не уважают, как правду, – ничему так не сочувствуют, как именно ей» [Тургенев И.С.: Новь Русская литература // от Нестора до Маяковского, С. 52431]. Библиографические ссылки генерируются программой автоматически.

² Напр. «Пищалькин удалился; его заменил Биндасов и немедленно, с великою наглостью, потребовал у Литвинова взаймы сто гульденов, которые тот ему и дал, несмотря на то что не только не интересовался Биндасовым, но даже гнушался им и знал наверное, что денег своих не получит ввек; притом он сам в них нуждался. Зачем же он дал их ему? – спросит читатель. А черт знает зачем! На это русские тоже молодцы. Пусть читатель положит руку на сердце и вспомнит, какое множество поступков в его собственной жизни не имело решительно другой причины» [Тургенев И.С. Дым // Русская литература: от Нестора до Маяковского. С. 51680].

³ Напр. «Ах! – думаю я... – эта старуха – моя судьба. Та судьба, от которой не уйти человеку!» [Тургенев И.С. Старуха // Русская литература: от Нестора до Маяковского, С. 53209]. «– И не нужно мне гадать! – воскликнула она, – я и так характер каждого из вас знаю. А каков у кого характер, такова и судьба» [Тургенев И.С. Новь // Русская литература: от Нестора до Маяковского. С. 52362].

с. 33–88], а с тематикой произведений и, возможно, такими сопровождающими факторами, как удельный вес диалогов (с простонародными выражениями), обширность философских трактовок событий (с более высокой частотностью глаголов типа *думаться*), склонность к цитированию (с более высокой частотностью глаголов типа *говорится*) и т.д. Окончательные выводы делать, однако, пока рано, та как объем проверенных текстов не столь велик (40500 электронных страниц), а сборников большего размера, насколько нам известно, пока не существует. Следует также отметить, что работу значительно затрудняет несовершенство программы поиска, которая, например, не позволяет пользоваться в запросах знаками препинания, а также отсутствие всякой альтернативы данной программе.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1999.
 Вежицкая Анна. Язык. Культура. Познание. – М., 1996.
 Градинарова А. О расширении сферы синтаксической безличности в современном русском языке // Материалы Международного симпозиума «Инновации в исследованиях русского языка, литературы и культуры», Пловдив, Болгария, 1–3.11.2006. Балканская русистика, 09.05.2007 // [Электронный режим]. – Режим доступа: <http://www.russian.slavica.org/down/SBORNIK-1.doc>.
 Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. – М., 2000.
 Климов Г.А. Типология языков активного строя. – М., 1977.
 Степанов Ю.С. Индоевропейское предложение. – М., 1989.
 Шалак В.И. Современный контент-анализ. Приложения в области политологии, рекламы, социологии, экономики, психологии, культурологии. – М., 2006.
 Digitale Bibliothek Sonderband: Russische Literatur von Nestor bis Majakowski. – BerlinP, 2003 (CD).

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ АССОЦИАТИВНЫЕ СЛОВАРИ (на материале русского и английского языков)

Н.Ю. Одинокова

Цель данной работы – представить результат проведенных нами ассоциативных экспериментов: словари профессионально детерминированных ассоциативных реакций русскоязычных и англоязычных математиков, медиков, филологов, или Профессиональные ассоциативные словари [Одинокова 2004]. Профессиональные ассоциативные словари, содержащие реакции русскоязычных и англоязычных респондентов, далее именуются ПАС и АПАС соответственно.

В ассоциативном эксперименте с носителями русского языка принимали участие медики (врачи больниц г. Саратова), филологи – (преподаватели русского и иностранных языков Саратовского государственного университета), математики (программисты предприятий г. Саратова и преподаватели Саратовского государственного университета). Опрошено 422 информанта в возрасте 21–63 лет. Получены 19382 реакции (за вычетом отказов отвечать) русскоязычных представителей трех профессиональных групп.

В эксперименте с англоязычными информантами принимали участие медики – врачи больниц и медицинских центров городов США, филологи – преподаватели колледжей и университетов городов США, математики – преподаватели университетов и программисты научных центров городов США. В ходе эксперимента опрошены 183 информанта в возрасте 23–58 лет. Получено 8359 ассоциативных реакций (за вычетом отказов отвечать).

Уже не требует доказательств тот факт, что ассоциативный словарь является формой репрезентации языка, сопоставимой по значимости с текстовым и системным способами представления языка [Караулов 1994]. Ассоциативные словари содержат типичные для носителя языка модели двух слов или групп слов и тем самым отражают способ «хранения» слов в сознании, памяти носителя. Они являются одним из способов описания «коллективного обыденного» языкового сознания реальных носителей языка и, в отличие от традиционных словарей, более адекватно отображают реальное языковое сознание в его усредненном состоянии [Уфимцева 2002].

Исследователями составлено несколько ассоциативных словарей и норм различных языков, описаны перспективы работы с ними. В задачи нашего исследования не входит анализ результатов уже проведенных экспериментов, и потому мы отправляем наших читателей к трудам Н.П. Бутенко, Ю.Н. Караулова, А.А. Леонтьева, Л.Н. Титовой, G. Kiss et al. и др.

Однако мы хотим подчеркнуть принципиальное различие между материалами ассоциативных тезаурусов и словарей, составленных упомянутыми авторами, и материалами наших профессиональных ассоциативных словарей.

Объектом исследования упомянутых составителей являлся усредненный носитель соответствующего языка, авторами не принимались во внимание профессиональные различия респондентов. Получение достоверных результатов стало возможным благодаря тому, что всех носи-

телей языка объединяет очень много лингвистических и экстралингвистических факторов, которые накладывают свой отпечаток на языковое сознание опрашиваемых, причем количество объединяющих факторов увеличивается в случае принадлежности опрашиваемых к одинаковым социальным слоям (группам). Структура языкового сознания личности представляется состоящей из разных сфер, связанных с теми или иными факторами.

В определенных условиях влияние какой-либо сферы (или сфер) может становиться доминантным. При изучении языковой личности усредненного представителя той или иной профессиональной группы (что входит в область наших интересов) помимо объединяющих факторов появляется и фактор различающий – профессия. Воздействие профессиональной сферы на языковое сознание находит свое речевое выражение в профессионально детерминированных ассоциативных реакциях, которые возникают у языковой личности наряду с реакциями, вызываемыми другими сферами. Именно профессионально детерминированные ассоциативные реакции вошли в наши профессиональные ассоциативные словари.

Мы считаем профессионально детерминированными реакциями (термин наш. – *Н.О.*) в первую очередь те реакции, которые являются терминами. Отметим, что в данной работе мы разделяем точку зрения Г.О. Винокура, который понимает термины как слова (словосочетания) в особой функции [Винокур 1939, с. 5]. В зависимости от функции могут быть выделены: а) слова, существующие только как термины в пределах одной терминологии, так называемые абсолютные термины (например, *анамнез, база данных, сказуемое; backrest, morpheme, software*); б) слова, существующие как термины, но функционирующие в разных терминологиях, так называемые универсальные термины (например, *анализ, исследование; blood, code*); в) слова, употребляемые и как термины, и как обычные слова, так называемые относительные термины (например, *банка, память, текст; heart, program, style*). Кроме реакций-терминов в нашем понимании, мы выделяем в группу профессионально детерминированных те реакции, которые принадлежат к сфере общелитературной лексики и образуют со стимулом нетерминологические словосочетания. Такие словосочетания могут указывать на профессиональную принадлежность информанта (например, *ТАКТ: человек-врач*), могут быть прямо или косвенно связаны с его профессиональной деятельностью (например, *ИДТИ: на работу*). Высокая частотность подобных реакций, полученных от представителей опре-

деленной профессиональной группы, может служить подтверждением профессиональной направленности данных реакций.

Теоретическая и практическая значимость профессиональных ассоциативных словарей связана с изучением определенного круга проблем профессиональной речи. Так, мы уже получили возможность выяснить, насколько велико воздействие профессиональной сферы на языковое сознание, а значит, и речевую способность профессионала, и выявить некоторые особенности профессионально детерминированных реакций русскоязычных и англоязычных информантов [Одинокова 2004], под нашим руководством ведется работа по исследованию воздействия возрастного и гендерного факторов на возникновение профессионально детерминированных реакций. Профессиональные ассоциативные словари могут использоваться, например, при исследовании языковых картин мира представителей различных профессиональных групп, номинативных полей концептов различных профессий и т.д. Содержащиеся в статьях профессиональных ассоциативных словарей профессионально детерминированные реакции безусловно могут быть использованы при составлении профессиональных ассоциативных тезаурусов.

Необходимо отметить, что строение статей наших ассоциативных словарей повторяет строение статей Русского ассоциативного словаря [Русский ассоциативный словарь 1994–1998]. Реакции расположены внутри статьи в порядке убывания их частотности. После каждой реакции стоит цифра, обозначающая число информантов, ответивших данным словом на стимул. В конце словарной статьи приводятся итоговые цифры: первая из них указывает на общее число испытуемых; вторая цифра представляет суммарное число разных ответов в данной статье; третья цифра фиксирует число «отказов», то есть отсутствие ответо-реакций на данный стимул; последняя цифра показывает число единичных реакций, то есть ответов, каждый из которых дан на этот стимул только одним испытуемым.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ АССОЦИАТИВНЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОЯЗЫЧНЫХ МАТЕМАТИКОВ

(ПАС)

АДРЕС: Интернет 2; e-mail, сайт, электронный 1; 101+4+4+3

АНАЛИЗ: математический 27; математика 6; мат. анализ 4; синтез 2; системный, функция, программа 1; 101+7+8+3

БЕЛЫЙ: монитор 1; 101+1+3+1

БОКС: электр. почта, Inbox **1**; $101+2+5+2$

БЫТЬ: $101+0+14+0$

ВЕЛИЧИНА: значение **5**; икс, число **4**; дискретная, Е, измерения, норма, переменная, пи, силы, угла **2**; абсолютная, интеграл, линейка, математическая, мнимая, модуль, отрезок, постоянная, разность, сигма, скалярная, функция, х, цифра **1**; $101+25+15+14$

ВОССТАНОВИТЬ: файл **6**; память **2**; данные, диск, знания, потерю файла, стереть **1**; $101+7+16+5$

ВТОРОЙ: число, 1, 2 **1**; $101+3+13+3$

ВЫРАЖЕНИЕ: арифметическое, математическое, скобки, упростить **2**; алгебраическое, многочлен, символ, система, точка, формула, числовое, $2x=3$ **1**; $101+12+12+8$

ГНЕЗДО: $101+0+5+0$

ДАННЫЕ: база, компьютер **8**; задача **4**; начальные **3**; адрес, база данных, информация, файл, ЭВМ **2**; алгоритм, базы, БД, входные, диск, для обработки, задачи, значения, икс, код, компьютерные, массив, о задаче, оперативные, программа, сведение, сохранить, тип, универсальные, число, a, b, c, IBM **1**; $101+31+16+22$

ДЕЙСТВИЕ: вычитание **5**; сложение **4**; арифметическое, вектор, выражение, вычисление, компьютер, оперативная работа, операция, программа, результат, решение, “+” “-“ **1**; $101+13+24+11$

ДОПОЛНЕНИЕ: матрица, множество **2**; информация, исключения, к матрице, множества, ортогональное, плюс, подмножества, сумма **1**; $101+10+42+8$

ЕДИНИЦА: измерения **9**; число **3**; измерение, 1 **2**; бит, 2 единицы, модуль, СИ, памяти, цифра, 100 **1**; $101+11+10+7$

ЖИВОЙ: $101+0+13+0$

ЗАГНАТЬ: компьютер, мышь **2**; $101+2+10+0$

ЗАГРУЗИТЬ: компьютер **29**; программу **5**; в память, информацию, информация, ОС, ПК, пульт, систему, скачать, учеба, файл, ЭВМ, load, program **1**; $101+15+12+13$

ЗАДАЧА: решение **26**; решить **9**; ответ **3**; компьютер, решать **2**; алгебра, данные, из учебника, красивая, математика, математическая, на сложение, не решается, решебник, результат, сложная, с неизвестным, уравнение, условие, учебник, Ферма, х в квадрате, ? **1**; $101+23+8+18$

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: введение **2**; анализ, логическое, ответ, реферат, теоремы, эксперт **1**; $101+7+9+6$

ЗАКРЫТЫЙ: доступ **4**; файл **3**; угол **1**; $101+3+14+1$

ЗЕЛЕНЫЙ: $101+0+4+0$

ИГЛА: $101+0+2+0$

ИГРАТЬ: в компьютер, компьютер **2**; GAMER, Halfife, lines, 30 **1**;
 $101+6+13+4$

ИДТИ: в универ **1**; $101+1+9+1$

КАМЕНЬ: $101+0+10+0$

КРАСНЫЙ: $101+0+5+0$

КУЛЬТУРА: ауссат **1**; $101+1+4+1$

ЛОЖНЫЙ: $101+0+18+0$

МАЗАТЬ: $101+0+16+0$

МАСТЕР: Web, Web expert **1**; $101+2+9+2$

НЕИЗВЕСТНЫЙ: икс **7**; элемент, x **4**; множитель, оператор, переменный, член **1**; $101+7+17+4$

ОПЕРАЦИЯ: сложение **2**; ввод, выполнение, выполнить, математическая, мышка, оператор, по извлечению, сложения, умножение **1**;
 $101+10+10+9$

ОСТРЫЙ: угол **4**; $101+1+0+0$

ОТНЯТЬ: минус **6**; прибавить **4**; число **2**; сложить **1**; $101+4+16+1$

ПЕРВЫЙ: $101+0+19+0$

ПОДГОТОВИТЬ: базу **1**; $101+1+33+1$

ПРИМЕР: задача **14**; решить **8**; решение **3**; ответ **2**; арифметическая, решения, сложить, текст, трехчлен, уравнения, числовой, x + y, 7B **1**;
 $101+13+29+9$

СБРОСИТЬ: компьютер **3**; информацию, информация, программу, файл **2**; калькулятор, на диск, на дискету, на файл, память, принтер, скачать, с памяти, удалить **1**; $101+14+12+9$

СИСТЕМА: уравнений **16**; компьютер **9**; уравнение **7**; уравнения **6**; ЭВМ **2**; алгоритм уравнений, база, данные, координат, не загружается, операционная, операция, ОС, отсчета, полетела, сбой, СУБД, формула, чисел, CD-ROM, DOS **1**; $101+22+23+16$

СОКРАТИТЬ: дробь **24**; разделить **2**; вычленишь, деление, делитель, неизвестный, решение, сомножитель, упростить, число **1**; $101+10+20+8$

СОСУД: $101+0+9+0$

СТЕПЕНЬ: квадрат, корень, математика, числа **5**; число **4**; возвести **3**; n **2**; a в квадрате, a в степени x, e в степени x, алгебра, в кубе, возводить, дроби, логарифм, многочлен, многочлена, множество, моном, нулевая, ряд, уравнения, x в степени n, exp **1**; $101+24+12+17$

ТАКТ: $101+0+24+0$

ТРУБА: $101+0+18+0$

УГЛОВОЙ: коэффициент **8**; острый, элемент **2**; вычет, линейный, размер, тангенс, транспортир, треугольник **1**; $101+9+29+6$

УЧИТЬ: теорема, теорему **1**; $101+2+17+2$

ФУНКЦИЯ: аргумент **6**; график, математика, переменная **4**; алгебра, синус, $\cos x$, f , $f(x)$ **3**; мат. анализ, математическая, степенная, функциональный анализ **2**; Аккермана, возрастающая, аусса, гладкая, графика, дифференциальная, e в степени x , зависимая, зависимость, задача, значение, игрек, кэш, Лагранжева, неизвестная, непрерывная, нечетная, операция, предмет, приближения, результат, сессия, числа, Эйлера, экспонента, $\sin x$, $u(x)$ **1**; $101+40+19+27$

ХАЛТУРА: учеба **2**; аспирантура, зачет, сессия, шпора **1**; $101+5+28+4$

ЭКЗАМЕН: $101+0+9+0$

ЯЗЫК: программирования **4**; Paskal **2**; паскаль **1**; $101+3+11+1$

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ АССОЦИАТИВНЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОЯЗЫЧНЫХ МЕДИКОВ

(ПАС)

АДРЕС: $199+0+2+0$

АНАЛИЗ: кровь **37**; крови **35**; мочи **17**; моча **9**; лаборатория **4**; больница, кала, пробирка, результат **2**; банка, биохимический, врач, кал, клиника, копрофит, лейкоциты, медицина, ОАК, поликлиника, получить результат, проводить, провести, СОЭ, СПИД, тромбоциты, экспресс, я/глистов, яйцеглист **1**; $199+28+5+19$

БЕЛЫЙ: халат **8**; порошок **2**; коллапс, лакмус, лейкоцитоз, лейкоциты, мозг **1**; $199+7+2+5$

БОКС: кровь **6**; инфекция, палата **5**; изолятор, травма **4**; боль, больничный, заразный, синяк **2**; болезнь, инфекционный, латекс, место, помещение, стерильность, стерильный **1**; $199+16+2+7$

БЫТЬ: врачом **3**; здоровым **2**; диагноз, здоров, хирургом **1**; $199+5+15+3$

ВЕЛИЧИНА: грудь, давление, размер опухоли **1**; $199+3+14+3$

ВОССТАНОВИТЬ: здоровье **14**; вылечить, пластика **3**; выжить, дыхание, функцию **2**; вернуть здоровье, глаз, конечность, кровопотерю, массаж, отделение, потенцию, пульс, работа, функции, функция, член **1**; $199+18+20+12$

ВТОРОЙ: больной, половина беременности, проходимость **1**; $199+3+12+3$

ВЫРАЖЕНИЕ: $199+0+14+0$

ГНЕЗДО: заворот **1**; $199+1+2+1$

ДАННЫЕ: анамнеза **6**; анамнез **5**; анализы **3**; анализов, обследования **2**; больного, диагностика, крови **1**; $199+8+19+3$

ДЕЙСТВИЕ: работа **19**; лекарства, препарата **2**; врач, врача, крик, манипуляция, операция, стремление к совету, хирурга, хирургические **1**; *199+11+26+8*

ДОПОЛНЕНИЕ: анализ, к анамнезу, к исследованию, к лечению, обследование, продолжение жизни **1**; *199+6+52+6*

ЕДИНИЦА: юри, лекарство, резус **1**; *199+3+5+3*

ЖИВОЙ: мертвый **50**; труп **28**; организм **7**; человек **5**; здоровый **4**; ребенок **2**; ДНК, надежда, рабочий орган, радость, сперматозоид **1**; *199+11+12+5*

ЗАГНАТЬ: *199+0+14+0*

ЗАГРУЗИТЬ: наркоз **3**; больного, в наркоз, ввести в наркоз, дать дроперидол, карета, клизма, наркозом, нач. отделения, обезболить, откачать, отравление **1**; *199+12+7+11*

ЗАДАЧА: вылечить **2**; врач, диагноз, лечебная, мед. служба **1**; *199+5+4+4*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: врача **10**; диагноз **5**; эпикриз **3**; анализ, врач, эксперт, экспертиза **2**; болезни, врачебное, выписка, исследование, история болезни, клиническое, комиссия, консилиума, медицинское, о здоровье, о смерти, смерть, справка, судмедэксперт, эксперта, экспертизы **1**; *199+24+5+17*

ЗАКРЫТЫЙ: перелом **24**; больничный лист, изолирован, мозг, неконтактный, травма **1**; *199+6+4+5*

ЗЕЛЕНЫЙ: пижама **2**; *199+1+0+0*

ИГЛА: шприц **30**; шить **17**; острая **12**; укол **6**; инструмент, колоть, наркотик, нож **3**; вена, зад, инъекция, наркота, наркотики, ткань, хирургия, шов **2**; акупунктура, большая, горло, зажим, иглодержатель, инсулин, капельница, колющая, кровь, моя, операция, острие, рана, средство введения, сшивать, хирург, хирурга, хирургическая, цыган, цыганская, шприца, штопка **1**; *199+38+4+22*

ИГРАТЬ: *199+0+4+0*

ИДТИ: на работу **5**; работа **2**; ехать на работу **1**; *199+3+5+1*

КАМЕНЬ: песок, почки **2**; в почке, запор, печень, почка **1**; *199+6+10+4*

КРАСНЫЙ: кровь **18**; температура, эритроцит **1**; *199+3+5+2*

КУЛЬТУРА: бактерии, микроб, микробная **1**; *199+3+13+3*

ЛОЖНЫЙ: сустав **13**; вызов **12**; круп, позыв **10**; симптом **3**; гермафродитизм, диагноз, перелом, стопор, тенезм **1**; *199+10+14+5*

МАЗАТЬ: мазь **9**; рана **3**; кровотечение, лечить, обрабатывать **2**; больное место, вирус, выделения, йодом, мазью, микроскоп, плечо, ранку, раствор, резать **1**; *199+15+13+10*

МАСТЕР: хирург **1**; $199+1+12+1$

НЕИЗВЕСТНЫЙ: диагноз, идиопатичный, симптом **1**; $199+3+17+3$

ОПЕРАЦИЯ: хирург **34**; хирургия **10**; скальпель **7**; аппендэктомия, лечение **5**; больница, работа, удачная **4**; больной, вмешательство, жизнь **3**; аппендицит, болезнь, боль, врач, живот, кровь, на сердце, нервное напряжение, нож, полостная, резать, сложная, трепанация, удаление, хирургическая **2**; анестезиолог, аппендикс, выживание, дело, заплата, идет, Илизарова, исход, кость, лечить, манипуляция, медицина, на животе, операционная, операция, опер. блок, опер. вмешательство, пациент, перитонит, разрез, рана, сердце, смерть, спасение, стресс, удача, ушивание грыжи, шов, экстренная **1**; $199+55+8+29$

ОСТРЫЙ: нож **70**; скальпель **28**; живот **13**; резать **4**; аппендицит, игла **3**; приступ **2**; ножик, период, рана, укол **1**; $199+11+2+4$

ОТНЯТЬ: ногу **4**; ампутация, конечность **3**; нога, орган **2**; ампутировать, вырезать, глаз, операция, отрезать, отсечь, почку, резецировать, руку, руку, хворь **1**; $199+16+13+11$

ПЕРВЫЙ: хирург **4**; диагноз **2**; врач, кетгут, пациент, позвонок **1**; $199+6+4+4$

ПОДГОТОВИТЬ: к операции **7**; операция **6**; больной **3**; больного, клизма **2**; выписку, инструмент, коррекция, морально, наркоз, орган, премедикация **1**; $199+12+22+7$

ПРИМЕР: история болезни **1**; $199+1+17+1$

СБРОСИТЬ: газы **2**; $199+2+10+0$

СИСТЕМА: капельница, ниппель **9**; инфузия, переливание крови **4**; органов **3**; дыхательная, кровообращения, нервная, раствор **2**; Анохин, в/в, в/в введение, вентиляция, включить, вливания, внутривенная, гемодез, глаза, для инфузий, дыхания, жидкость, здравоохранения, зондирования, игла, кишки, кома, кровеносная, крови, кровь, манипуляция, наркоз, операционная, осложнения, пищеварения, ставить, шприц **1**; $199+35+16+27$

СОКРАТИТЬ: отрезать **5**; мышцы **4**; мышца **3**; сердце, сосуд **2**; выписать, матка, матку, поток, расслабить, смерть, срезать **1**; $199+12+5+7$

СОСУД: кровь **19**; кровеносный **16**; аорта, вена **9**; колба **8**; чаша **6**; артерия **3**; капилляр, пробирка, сердце **2**; артериальный, атеросклероз, герметичность, головы, давление, иннервирован, жилы, лигатурировать, лопнуть, кровотечение, кровоточит, кровяной, магистраль, магистральный, неприятность, перевязка, расширенный **1**; $199+27+2+17$

СТЕПЕНЬ: тяжести **10**; тяжесть **9**; вторая **4**; болезнь, выраженность, первая, развития **2**; аттестация, железа, смерти, эрекции **1**; $199+11+10+4$

ТАКТ: деонтология, человек-врач **1**; $199+2+26+2$

ТРУБА: маточная **6**; евстахиева **3**; газы, дренаж **2**; Рентгена, слух, слуховая, фаллопиева **1**; $199+8+9+4$

УГЛОВОЙ: разрез **2**; мозг, палата **1**; $199+3+22+2$

УЧИТЬ: интернатура, медицина **1**; $199+2+5+2$

ФУНКЦИЯ: орган **10**; организм **6**; нарушена, органа **5**; почек, работа **4**; клетки, организма **3**; глаз, жизнь, мозга, речи, член **2**; аномалия, восстановительная, гемартроз, дыхание, дыхания, железы, жизнедеятельность, жизненно важная, зрения, конечности, конечность, мышца, мышцы, операция, отсутствует, печени, печень, половые органы, почки, прогноз, репродуктивная, сгибания, сексуальная, сердце, слуха, сохранить функцию конечности, сустав, физиология, человека **1**; $199+42+22+29$

ХАЛТУРА: $199+0+31+0$

ЭКЗАМЕН: аттестация **2**; сертификат, терапия, токсикология **1**; $199+4+5+3$

ЯЗЫК: налет **4**; обложен **3**; влажный, розовый **2**; болезнь, врач, гиперемирован, гланды, красный, латинский, лингва, медицинский, осязание, показывать, ротовая полость, тело, температура **1**; $199+17+7+13$

**ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ АССОЦИАТИВНЫЙ СЛОВАРЬ
РУССКОЯЗЫЧНЫХ ФИЛОЛОГОВ
(ПАС)**

АДРЕС: $122+0+8+0$

АНАЛИЗ: текст **10**; текста **5**; предложения, произведение **3**; английский, разбор **2**; комбинированный, комплексный, компонентный, критический, литература, речи, сдать, синтаксический, стилистика, стилистический, стиха, стихотворения **1**; $122+18+5+12$

БЕЛЫЙ: стих **2**; $122+1+2+0$

БОКС: $122+0+9+0$

БЫТЬ: глагол **2**; учителем **1**; $122+2+7+1$

ВЕЛИЧИНА: $122+0+17+0$

ВОССТАНОВИТЬ: институт, образ, по смыслу, сессия, текст, учеба **1**; $122+6+15+6$

ВТОРОЙ: язык **4**; $122+1+8+1$

ВЫРАЖЕНИЕ: фраза **6**; предложение, слова **4**; устойчивое **3**; идиома, слово **2**; буква, грамматическое, идиоматическое, речи, словосочетание, текст, филолог, язык, expression **1**; $122+15+12+9$

ГНЕЗДО: кукушки **5**¹; слов **3**; кукушка, слова, слово **2**; группа слов, Полет над гнездом, словообразование **1**; $122+8+2+3$

¹ Мы считаем реакции, связанные с фильмом М. Формана «Полет над гнездом кукушки», профессионально детерминированными для филологов-англистов Саратовского государственного университета, так как фильм входит в программу обучения.

ДАННЫЕ: лингвистики, словарь **1**; $122+2+19+2$

ДЕЙСТВИЕ: глагол **7**; $122+1+10+0$

ДОПОЛНЕНИЕ: обстоятельство **11**; определение **10**; прямое **7**; подлежащее **5**; предложение, приложение, русский язык **3**; косвенное, существительное, член предложения **2**; беспредложное, в предложении, к глаголу, местоимение, распространенное, русский, синтаксис, сказуемое, фраза, часть речи, Attribut **1**; $122+21+15+11$

ЕДИНИЦА: речи **3**; языка **2**; лексическая, речь, синтаксическая, язык **1**; $122+6+4+4$

ЖИВОЙ: язык **2**; $122+1+5+0$

ЗАГНАТЬ: экзамен, язык **1**; $122+2+7+2$

ЗАГРУЗИТЬ: лектор **2**; лекция, сессия, студент, учеба, учебник, учителя, экзаменом **1**; $122+8+10+9$

ЗАДАЧА: $122+0+3+0$

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: введение **5**; в предложении, диплом, диссертации, научная работа, предисловие, реферат, сочинение, статья, эпилог **1**; $122+10+5+9$

ЗАКРЫТЫЙ: слог **5**; гласный, звук **1**; $122+3+8+2$

ЗЕЛЕНЫЙ: $122+0+1+0$

ИГЛА: $122+0+4+0$

ИГРАТЬ: $122+0+5+0$

ИДТИ: работа **2**; на работу, универ **1**; $122+3+4+2$

КАМЕНЬ: $122+0+7+0$

КРАСНЫЙ: $122+0+3+0$

КУЛЬТУРА: речи **22**; речь, слово, язык **2**; иноязычная, языка **1**; $122+6+10+2$

ЛОЖНЫЙ: друг переводчика **5**; переводчик **1**; $122+2+14+1$

МАЗАТЬ: $122+0+8+0$

МАСТЕР: слова **2**; рассказа, стиля, стиха **1**; $122+4+6+3$

НЕИЗВЕСТНЫЙ: $122+0+9+0$

ОПЕРАЦИЯ: $122+0+5+0$

ОСТРЫЙ: сюжет **2**; $122+1+1+0$

ОТНЯТЬ: $122+0+14+0$

ПЕРВЫЙ: $122+0+9+0$

ПОДГОТОВИТЬ: лекция **1**; $122+1+17+1$

ПРИМЕР: $122+0+20+0$

СБРОСИТЬ: $122+0+6+0$

СИСТЕМА: языка **3**; знаки, знаков, язык **2**; времен, гласные, гласных, знак, значений, лексическая, лингвистика, парадигма, речь, языковая **1**; $122+14+17+10$

СОКРАТИТЬ: текст, урок **3**; время обучения, предложение **1**; $122+4+15+2$

СОСУД: $122+0+7+0$

СТЕПЕНЬ: сравнения **7**; $122+1+8+0$

ТАКТ: $122+0+16+0$

ТРУБА: $122+0+8+0$

УГЛОВОЙ: $122+0+12+0$

УЧИТЬ: язык **6**; английский, английскому, англ. язык, зарубежка, иврит, слова, Толстой, французский, читать, языку **1**; $122+11+9+10$

ФУНКЦИЯ: в предложении, предложение, преподаватель, речи, языковая **1**; $122+5+17+5$

ХАЛТУРА: экзамен **2**; в учебе, двойка, зачет, сессия, стихоплетство, студент, студента **1**; $122+8+17+7$

ЭКЗАМЕН: английский яз., по языку **2**; по синтаксису, русская литература **1**; $122+4+4+2$

ЯЗЫК: английский **15**; иностранный, русский **8**; немецкий, орган, речь **3**; система, французский **2**; второй, и речь, лингвистика, рабочий инструмент, словарь, слово, смысл, университет **1**; $122+16+9+8$

**ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ АССОЦИАТИВНЫЙ СЛОВАРЬ
АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МАТЕМАТИКОВ
(АПАС)**

ACTIVITY: user's activity **6**; animated, job, task, work **3**; $59+5+0+0$

ANNUAL: troubleshooting **7**; report, schedule **1**; $59+3+3+2$

BACK: backtrack **4**; panel **2**; $59+2+3+0$

BURN: $59+0+4+0$

CALL: center **3**; back, independent, work **1**; $59+4+1+3$

CANCEL: computer **15**; check, download, keyboard, program **4**; class, delete, terminate **3**; renew, stop **1**; $59+10+2+2$

COMMON: language **3**; denominator, task **2**; BASIC, storage **1**; $59+5+0+2$

DAILY: routine, troubleshooting, work **7**; ritual **3**; test, to do list, update **1**; $59+7+3+3$

DECIDE: $59+0+18+0$

DELICATE: method **8**; computer **3**; filament, display **2**; $59+4+3+0$

EACH: 59+0+10+0

EDUCATE: students, teach, to take courses, train **5**; classes, college, diploma, graduate, job **1**; 59+9+7+5

EMPLOYER: job **13**; computer company **4**; university **1**; 59+3+8+1

FEELING: 59+0+3+0

FREE: access **10**; form, line **3**; freeware, radical **1**; 59+5+0+2

FUNCTION: algebra **9**; code, facility, functional design **5**; calculus, device, employ, parameter, work, x **1**; 59+10+9+6

GAME: computer **14**; design **3**; theory **2**; paddle, video **1**; 59+5+0+2

GENDER: 59+0+0+0

GET: e-mail, file, input **3**; information, load, work **1**; 59+6+10+3

GRAPH: chart **19**; data **12**; analysis, paper **5**; compare data, engineer, evaluate, graphic, lines, peaks, theory **1**; 59+11+1+7

HABIT: 59+0+5+0

HAND: 59+0+9+0

HAVE: 59+0+9+0

HOT: 59+0+6+0

IDIOM: 59+0+25+0

IMPRESS: the user **11**; impression **2**; skills, work **1**; 59+4+7+2

ISSUE: 59+0+14+0

JET: printer **10**; laser jet **2**; 59+2+9+0

JUST: 59+0+2+0

KEEP: load **4**; up, working **1**; 59+3+0+2

KEY: keyboard **5**; field, record **4**; crypto, disk, keychain, keypad, keyword **1**; 59+8+7+5

LACK: 59+0+9+0

LANGUAGE: computer **5**; game, script **4**; computer dictionary, processing, translator program **2**; subset, translation **1**; 59+8+16+2

LIQUID: crystal **5**; crystal display **3**; LCD **2**; display, television **1**; 59+5+3+2

LOAD: program **7**; computer **6**; download, software, task **4**; cycle, unload **1**; 59+7+2+2

MAIL: mailbox **7**; address, electronic, letter, merging **3**; an e-mail message, call, cell, mailing list program, message **1**; 59+10+7+5

MAKE: program **6**; estimate, test, work **1**; 59+4+10+3

MATTER: 59+0+14+0

METHOD: function **11**; process **9**; destruction, technique, way **2**; solving **1**; 59+6+7+1

NOTE: 59+0+7+0

NUT: 59+0+7+0

OBSERVE: operation 7; classroom, instruct, the changes, watch 4; dictate 1; 59+6+5+1

OLD: computer 2; out-of-date equipment, staff 1; 59+3+1+2

OUT: output, output data 4; of order, outnumber, out-of-line, paper 1; 59+6+7+4

PAPER: toner 7; feed 3; printer, work 1; 59+4+1+2

QUICK: print 6; disconnect 3; Quick BASIC, Quick C, QuickPASKAL 1; 59+5+10+3

RED: 59+0+7+0

STOP: loading 5; bit 3; code 2; stop code, work 1; 59+5+1+2

TABLE: data 5; collection of data, of contents, plotter, table plotter 1; 59+5+3+4

WORK: load 13; hard, job, worksheet 2; station, workbench 1; 59+6+3+2

**ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ АССОЦИАТИВНЫЙ СЛОВАРЬ
АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИКОВ
(АПАС)**

ACTIVITY: surgery 7; sexual, life 4; busy, cortical, neuropsychic 1; 63+6+9+3

ANNUAL: exam 9; check-up 7; physical 4; plan, report 2; 63+5+3+0

BACK: pain 14; ache, bone, spine 7; bend, breast, hollow 2; backrest, backwardness, hump, saddle back 1; 63+11+1+4

BURN: patient 9; skin, victim 8; degree, pain 7; red scar 5; finger 4; face 3; hand 2; hurt, radiation, thermoelectric 1; 63+12+2+3

CALL: emergency 10; sick, work 4; available, center, schedule 2; non-stop, stressful, waiting 1; 63+9+5+3

CANCEL: operation 11; check, clinic, diagnostic, job 1; 63+5+0+4

COMMON: cold 9; 63+1+3+0

DAILY: operation 8; medicine 3; clinic, flossing, schedule, work 1; 63+6+7+4

DECIDE: operation 3; commit, conclude, confused 2; 63+4+17+0

DELICATE: decision 7; health, tissue 4; matter 2; discuss privately, issue, patient, problems 1; 63+8+5+4

EACH: 63+0+9+0

EDUCATE: teacher 10; clinic, drug education, physical 2; inform, nursing, professional, student, study guide 1; 63+9+5+5

EMPLOYER: clinic **8**; work **4**; $63+2+14+0$
FEELING: pulse **14**; anxious, care, emotion, feverish **3**; life, physical sensation, sick, uneasiness **1**; $63+9+0+4$
FREE: $63+0+0+0$
FUNCTION: heart **7**; junction, muscle **6**; full, paralyzed, perverted **5**; move, over, pathological, system, vital **1**; $63+11+0+5$
GAME: $63+0+7+0$
GENDER: $63+0+12+0$
GET: alive, blood **3**; $63+2+3+0$
GRAPH: bar **10**; axis **3**; stats, value **1**; $63+4+3+2$
HABIT: $63+0+2+0$
HAND: pulse **4**; surgery, trauma **3**; crab, grip **2**; help, job, wash **1**; $63+8+0+3$
HAVE: $63+0+7+0$
HOT: $63+0+0+0$
IDIOM: $63+0+15+0$
IMPRESS: $63+0+0+0$
ISSUE: blood **5**; discharge of blood **3**; abortion, discharge of pus **2**; bloody, born, incision **1**; $63+7+4+3$
JET: $63+0+15+0$
JUST: $63+0+7+0$
KEEP: alive **9**; go alive **6**; safe **3**; trying, up, working **1**; $63+6+1+3$
KEY: board **10**; press **3**; sort key **2**; $63+3+6+0$
LACK: $63+0+17+0$
LANGUAGE: $63+0+7+0$
LIQUID: blood **13**; distilled water, fluid extract, zone **5**; detergent **3**; nitrogen, toxic **1**; $63+7+0+2$
LOAD: intoxication **8**; functional, genetic, intoxicated, loader, stress **2**; $63+6+5+0$
MAIL: $63+0+0+0$
MAKE: $63+0+4+0$
MATTER: gray, pus **4**; fecal **3**; contagious, infectious, vomiting, white **1**; $63+7+8+4$
METHOD: diagnostics **15**; surgery **9**; technique **6**; acting, analysis, and materials **3**; haphazard, intricate, of research, research, scientific, teaching **1**; $63+12+0+6$
NOTE: $63+0+4+0$
NUT: diet, protein **2**; $63+2+3+0$

OBSERVE: watch **20**; crisis, caution **5**; act, on the screen, study **2**;
63+6+13+0

OLD: data **3**; life **1**; *63+2+0+1*

OUT: outcome, out complications **5**; outpatient, output, outbreak **2**; of order,
outbreak **1**; *63+7+0+2*

PAPER: register, research **9**; test, time sheet, work **1**; *63+5+3+3*

QUICK: operation **11**; pregnant **5**; reflexes, respond **2**; child **1**; *63+5+0+1*

RED: bleeding **9**; blood **7**; fever **2**; blood cell, Congo, scarlet fever **1**;
63+6+1+3

STOP: the blood **10**; bleeding **8**; the tooth **2**; heart, heartbeat, heart failure,
vomiting **1**; *63+7+0+4*

TABLE: operating **9**; operation, bone **4**; orthostatic **3**; skull **2**; autopsy,
dissecting, instrument, table fracture, treatment **1**; *63+10+0+5*

WORK: hard **13**; operation, load **7**; ethic **2**; in a team, job, task, wish I didn't
have to **1**; *63+8+0+4*

**ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ АССОЦИАТИВНЫЙ СЛОВАРЬ
АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ФИЛОЛОГОВ
(АПАС)**

ACTIVITY: listening and speaking **8**; comprehension **3**; do exercises **2**;
language centre, university **1**; *61+5+0+2*

ANNUAL: university **3**; report **2**; work **1**; *61+3+6+1*

BACK: consonant, vowel **2**; advanced, of the tongue **1**; *61+4+5+2*

BURN: *61+0+2+0*

CALL: *61+0+0+0*

CANCEL: check, test **4**; class **1**; *61+3+9+1*

COMMON: noun, regular **2**; gender, mistake **1**; *61+4+7+2*

DAILY: teach **5**; routine, plan, schedule, school **4**; university **3**; *61+6+0+0*

DECIDE: a major **3**; *61+1+11+0*

DELICATE: *61+0+0+0*

EACH: *61+0+6+0*

EDUCATE: teach **18**; educator, professor, students **6**; learn, teacher,
university **1**; *61+7+2+3*

EMPLOYER: university **9**; work, worker **3**; *61+3+0+0*

FEELING: *61+0+1+0*

FREE: speech **12**; morpheme, phrase, stress **3**; translation, verse, word order **1**;
61+7+10+3

FUNCTION: language, work **4**; act, illiterate, shift, word **1**; *61+6+16+4*

GAME: 61+0+3+0

GENDER: 61+0+5+0

GET: 61+0+17+0

GRAPH: 61+0+19+0

HABIT: 61+0+0+0

HAND: 61+0+2+0

HAVE: NED 2; test 1; 61+2+5+1

HOT: 61+0+0+0

IDIOM: expression 14; phrase, saying, style 5; idiomatic, in speech, speech 3; English dictionary, idiomatic expression, idiomatization, verb 1; 61+11+5+4

IMPRESS: 61+0+12+0

ISSUE: 61+0+6+0

JET: 61+0+0+0

JUST: 61+0+5+0

KEEP: 61+0+3+0

KEY: knowledge 2; event, keyword, keyword system, speech 1; 61+5+11+4

LACK: 61+0+3+0

LANGUAGE: teach 16; barrier, tongue 5; acquisition, code, culture, norm 4; vernacular 3; Russian, foreign 2; expression, learn, motivation, speech, verbs 1; 61+15+1+5

LIQUID: 61+0+0+0

LOAD: 61+0+11+0

MAIL: 61+0+3+0

MAKE: 61+0+1+0

MATTER: 61+0+15+0

METHOD: style 7; associate, methodology, scientific method 4; teaching 3; investigation, representation 1; 61+7+15+2

NOTE: taking notes in class, test 3; 61+2+2+0

NUT: 61+0+4+0

OBSERVE: students 10; papers, watch 7; 61+3+5+0

OLD: 61+0+0+0

OUT: 61+0+0+0

PAPER: test paper 8; grammar, report, work 2; pages of a grammar book 1; 61+5+7+1

QUICK: 61+0+2+0

RED: 61+0+1+0

STOP: 61+0+12+0

TABLE: of consonants 4; sounds, vowels 1; 61+3+1+2

WORK: teach 9; home work, students 4; hard 3; at home, test 2;
61+6+5+0

Литература

Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Тр. МИИФЛИ. – М., 1939. – Т. 5.

Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. – М., 1994. – Кн. 1.

Одинокова Н.Ю. Специфика профессионально детерминированных ассоциативных реакций (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2004.

Русский ассоциативный словарь / Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. – М., 1994. – Т. 1–6.

Уфимцева Н.В. Предисловие // Филиппович Ю.Н., Черкасова Г.А., Дельфт Д. Ассоциации информационных технологий: эксперимент на русском и французском языках. – М., 2002.

ФОРМИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ЭМОТИВНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

А.С. Илинская

Опираясь на теорию функциональной грамматики [Бондарко 1983], **функционально-семантическое поле эмотивности** (далее – **ФСПЭ**) английского языка можно определить как двустороннее (содержательно-формальное) единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, просодическими элементами, относящимися к эмотивной семантической зоне.

План выражения ФСПЭ представлен главным образом морфологическими и синтаксическими единицами английского языка, являющимися грамматическими маркерами эмоциональности данного языка, а также лексическими единицами, выступающими в контексте спецификаторами по отношению к указанным маркерам. Семантической функцией компонентов ФСПЭ, на базе которой они объединяются в эту группу, является эмотивная, то есть их основная или сопутствующая задача – *служить средством выражения эмоционального состояния или отношения говорящего*. Таким образом, в основе ФСПЭ лежит категория эмотивности, объединяющая разнородные языковые элементы и обуславливающая их взаимодействие.

ФСП характеризуются разнообразием структурных типов. ФСПЭ английского языка следует отнести к моноцентрическим полям с комплексным (гетерогенным) ядром, так как его компоненты представляют собой множество неоднородных языковых средств, организованных по принципу «центр – периферия», без аналогичной организации в отдельно взятой подгруппе (зоне).

Для ФСПЭ характерна многоярусная организация, в структуре которой можно выделить следующие уровни: ядро, околядерная зона, ближняя периферия, дальняя периферия. Основным критерием выделения зон ФСПЭ является семантический. Дифференциация уровней исследуемого поля, таким образом, проистекает из анализа семантической (семной) структуры значения эмотивов и основывается на статусной

представленности эмосемы в структуре значения языковых единиц. Согласно специальным исследованиям [Шаховский 1994; Илинская 2006], эмосема в лексических, морфологических и синтаксических единицах может реализовываться в денотативной (основной), коннотативной части и в потенциале значения. *Ядерные, базисные компоненты* ФСПЭ обладают оптимальной концентрацией семантического признака – эмотивности. В центральных конституентах поля эмотивная семантика реализуется в денотативной (основной) части в качестве основной эмосемы. Таким образом, **ядро поля** составляют *аффективы* – междометия (*alas, oops, hurrah*), бранные слова (*cad, double-crosser, spiv*), инвективы (*shit*) и так называемые *восклицательные предложения* [Charleston 1960, Малинович 1989] – конструкции с интенсификаторами *what, how*, предложения квазипридаточной структуры, предложения вторичной полноты (термин М.Я. Блоха, Н.Е. Юдиной), то есть синтаксические маркеры эмотивности, основной функцией которых является выражение эмоций говорящего:

(1) *Garton looked at him and smiled. «How coarse and English you are!» that curly smile seemed saying* (J. Galsworthy).

(2) *«What a fuss people make about fidelity!» exclaimed Lord Henry. «Why, even in love it is purely a question for physiology. It has nothing to do with our own will. Young men want to be faithful, and are not; old men want to be faithless, and cannot: that is all one can say»* (O. Wilde)

(3) *«Oh, if it were only the other way! If the picture could change, and I could be always what I am now! Why did you paint it? It will mock me some day – mock me horribly!» The hot tears welled into his eyes <...>* (O. Wilde).

(4) *«And», said Robinson, proceeding to the obvious, «you fell in love with her».*

I went silent, still. When are words ever enough?

«I fell in love with her», I said (S. Turow).

Синтаксические модели в приведенных примерах являются наиболее специализированными для выражения эмотивного значения, передают его наиболее однозначно и систематически используются в речи для его экспликации, то есть обладают всеми признаками, характерными для доминанты того или иного поля [Гульга, Шендельс, 1969, с. 10].

В окооядерную зону входят *коннотативы* – лексические единицы, а также синтаксические, морфологические единицы, в которых эмотивная семантика реализуется через добавочные, коннотативные семы. Коннотативные эмосемы могут проявляться в виде созначения в словах –

honey, duck, gaggle, pig, pigeon; в лексико-грамматическом маркере – транспонированных видовых формах (Vcont + always):

(5) *Evelyn Howard bowed her head.*

«*Yes, I can't help doing that. I am always watching – always hoping I shall be proved wrong*» (A. Christie)

и в синтаксических структурах – повтор, эллипсис, инверсия:

(6) *My God! How mad I was to love you! What a fool I have been! You are nothing to me now. I will never see you again. I will never think of you. I will never mention your name* (O. Wilde).

(7) «*Yes, she called yesterday with her father. What an agreeable man Sir William is, Mr. Bingley, is not he? So much the man of fashion! So genteel and easy! He had always something to say to everybody. THAT is my idea of good breeding; and those persons who fancy themselves very important, and never open their mouths, quite mistake the matter*» (J. Austen).

(8) *HAPPY for all her maternal feelings was the day on which Mrs. Bennet got rid of her two most deserving daughters. With what delighted pride she afterwards visited Mrs. Bingley, and talked of Mrs. Darcy, may be guessed* (J. Austen).

В зоне **ближней периферии** находятся языковые единицы, обладающие эмотивной семантикой потенциально, то есть контекстуально обусловленные эмотивы. Во-первых, в эту зону входят единицы, использованные в тексте с отступлением от конвенциональных правил грамматики, при этом данные речевые ошибки свидетельствуют не о неграмотности, а об эмоциональном волнении говорящего, во-вторых, предложения / высказывания, обладающие двойной коммуникативной функцией – повествовательно-восклицательные, вопросительно-восклицательные, побудительно-восклицательные предложения.

(9) «*Curiouser and curiouser!*» *cried Alice (she was so much surprised that for the moment she quite forgot how to speak good English)* (L. Carroll).

(10) «*My name is Alice, but –*»

«*It's a stupid name enough!*» *Humpty Dumpty interrupted impatiently* (L. Carroll).

(11) *Then Perpetua's voice boomed out, «What are you doing here?!!»* (H. Fielding).

(12) «*Oh! please don't make such faces, my dear!*» *she cried out, quite forgetting that the King couldn't hear her». <...> And don't keep your mouth so wide open!*» (L. Carroll).

Дальнюю периферию ФСПЭ составляют языковые единицы, основной функцией которых является не выражение, а номинация и дескрипция эмоциональных ситуаций. Включение их в ФСПЭ обусловлено возможными, но малочастотными речевыми ситуациями, в которых эти единицы могут приобретать эмотивную функцию:

(13) *LADY STUTFIELD* *Oh, I am so very, very glad to hear you say so* (O. Wilde).

В данном примере эмоция «радости» называется через синтаксическую конструкцию S + Vlink + Adj, в которой адъектив представлен номинантом эмоции, но присутствие эмотивных единиц и приемов (междометие, лексический повтор) позволяют считать данное высказывание эмотивным.

Как показывает анализ эмпирического материала, номинанты и дескрипторы эмоций могут приобретать эмотивный заряд преимущественно в речи персонажей; слова автора, ремарки лишены эмотивности, их основная функция – описание ситуации, условий протекания художественного действия. Сравните:

(14) *She struggled to her feet as if standing upright would allow her to think. She looked right and left. Her eyes rolled back dangerously in her head. She crashed to the floor, knocking over the tripod table and its drink* (E. George).

(15) *JOE (Frantic)* *Aw, I'm sorry I slammed the door, Charles. I know you hate that. I just a little--ok I'm a lot--angry at Randi for --* (J.R. Parenti).

Таким образом, номинанты и дескрипторы, выполняющие репрезентативную функцию, не входят в ФСПЭ. Но, приобретая эмотивную семантику в процессе речевого функционирования, эти единицы могут входить в состав ФСПЭ.

В тексте компоненты ФСПЭ представлены во взаимодействии. Многие ученые отмечают тот факт, что эмоциональная ситуация притягивает элементы, которые дублируют и усиливают ее эмоциональное содержание [Шаховский, Сорокин, Томашева, 1998]. Другими словами, в тексте можно наблюдать *конвергенцию* различных языковых средств, призванных воспроизвести ту или иную эмоциональную ситуацию и вызывающих соответствующие эмоциональные переживания у реципиента:

(16) «Yes», *he cried, «you have killed my love. You used to stir my imagination. Now you don't even stir my curiosity. You simply produce no effect. <...> You are shallow and stupid. My God! How mad I was to love you! What a fool I have been! You are nothing to me now. I will*

never see you again. I will never think of you. I will never mention your name. You don't know what you were to me, once. Why, once . . . Oh, I can't bear to think of it! I wish I had never laid eyes upon you! You have spoiled the romance of my life. How little you can know of love, if you say it mars your art! Without your art, you are nothing. <...>» (O. Wilde).

Как уже было отмечено, в план содержания ФСПЭ включаются элементы, объединенные единой эмотивной функцией. Но на основе дифференциальных признаков, выделяемых в процессе анализа семантики составляющих его компонентов, в плане содержания ФСПЭ можно выделить также и семантические микрополя, представляющие собой функционально-семантические субобъединения. В структуре эмоциональной ситуации можно выделить два семантических компонента: 1) эмоциональное отношение, 2) эмоциональное состояние / переживание. Таким образом, содержательный план ФСПЭ составляют два микрополя – *микрополе эмоционального отношения и микрополе эмоционального состояния*. Дифференциальным признаком, на основе которого происходит вычленение данных микрополей, является признак направленности / ненаправленности той или иной эмоциональной реакции. Если в структуру эмоциональной ситуации кроме субъекта эмоционального реагирования включен также и объект, на который направлено это реагирование, то оно интерпретируется как *эмоциональное отношение*:

(17) *«I think it is a glorious thing to have the hope of living with you, Edward, because I love you»* (Ch. Bronte).

Эмоциональное реагирование, представляющее собой следствие оценивания ситуации, действительности с точки зрения приятия/неприятия, опасности / неопасности и при этом характеризующееся отсутствием направленности на объект, определяется нами как *эмоциональное состояние*:

(18) *ALGERNON. I am greatly distressed. Aunt Augusta, about there being no cucumbers, not even for ready money* (O. Wilde).

В данном примере эмотивный вариант повествовательного предложения, принадлежность которого к ФСПЭ определяется наличием в его структуре интенсификатора *greatly*, является выразителем эмоционального состояния – разочарования и страдания.

Вместе с тем разделение ФСПЭ на данные микрополя представляется нам условным, так как в большинстве случаев затруднительно провести четкую дифференциацию и вычленить какой-то один семантический признак ('состояние' или 'отношение') в структуре значения эмотивных единиц. Например:

(19) *«How you men can fall in love with that woman!» exclaimed the old lady. «I really cannot understand it»* (O. Wilde).

Восклицательное предложение с интенсификатором *how* в данном примере является, с одной стороны, маркером выражения эмоционального состояния – удивление, а с другой, эмоционального отношения – презрения. Подобное слияние эмоциональных реакций можно наблюдать и в других контекстах:

(20) *I reached for Carolyn. In a part of me, I knew my gesture was ill-fated. I must have recognized her troubled vanity, the poverty of feeling that reduced her soul. I must have known that what she offered was only the grandest of illusions. But still I fell for that legend she had made up about herself. The glory. The glamour. The courage. All her determined grace. To fly above this obscure world of anguish, this black universe of pain! For me there will always be that struggle to escape the darkness* (S. Turow).

В этом примере представлены как эмоциональное отношение – чувство любви, страсти, так и эмоциональное состояние – печаль, горе, отчаяние, выражаемые через грамматический маркер эмоциональности – парцеллированную конструкцию.

Необходимо отметить, что семантическая структура микрополей ФСПЭ включает также микромикрополя субъективных качеств эмоций, представляющие собой минимальные функционально-семантические объединения. Микромикрополя ФСПЭ выделяются на основе семантических признаков эмотивных единиц, специфицирующих характер эмоциональных проявлений. Определение этих семантических признаков напрямую зависит от психологической классификации эмоций и чувств, являющейся спорным и проблемным пунктом для современной психологии и психолингвистики. Существует очень большое количество интерпретаций эмоциональных явлений и самих списков эмоциональных реакций. В нашей работе не ставилась задача решения этой проблемы, поэтому в своем исследовании мы опираемся на идеи ведущего российского ученого Е.П. Ильина и в качестве рабочей принимаем его классификацию эмоций и чувств. Так, в своей книге «Эмоции и чувства» Е.П. Ильин выделяет 26 эмоций (в том числе коммуникативные и интеллектуальные) и 12 чувств, то есть в общей сложности 38 различных видов эмоциональных реагирований [Ильин 2002]. Принимая за основу эту классификацию, мы можем выявить и классифицировать в семантическом пространстве ФСПЭ 38 микромикрополей, репрезентирующих различные эмоциональные переживания: микромикрополе

excitement (волнения), anxiety (тревоги), fear (страха), despair (отчаяния), satisfaction (удовлетворения), joy (радости), offence (обиды), disappointment (разочарования), vexation (досады), anger (гнева), frenzy (иступления), sadness (печали), despondency (уныния), depression (тоски / ностальгии), grief (горя), gaiety (веселья), shyness (смущения), confusion (смятия), shame (стыда), repentance (вины), contempt (презрения), surprise (удивления), interest (интереса), irony (чувства юмора / иронии), emotion of surmise (эмоции догадки), assurance (чувств уверенности), sympathy (симпатии), antipathy (антипатии), attachment (привязанности), friendship (дружбы), being in love (влюбленности), love (любви), hostility (враждебности), envy (зависти), jealousy (ревности), contentment (удовлетворенности), happiness (счастья), pride (чувства гордости).

Мы признаем условный характер этого выделения, прежде всего природой и свойствами самих эмоциональных переживаний. Во-первых, нужно подчеркнуть диффузный характер эмоциональных проявлений, вследствие чего не существует четкого критерия отделения одних эмоций от других (именно поэтому список эмоций варьируется у разных исследователей), и, во-вторых, для эмоций характерно взаимодействие, смешение; отсюда одна эмоциональная ситуация может вызывать различные смешанные чувства, в том числе и амбивалентные. Например: горе + радость в ситуации встречи перед разлукой; страх + радость в желанной встрече с неизвестным исходом; гнев + страх в ситуации ненависти и т.п. В языковой трансформации также может проявляться нечеткость и смешение различных видов эмоций.

Сформулируем **основные выводы**:

1. Корпус английского языка характеризуется многообразием разноразрядных средств для выражения идеи эмотивной семантики в тексте. Эти единицы определенным образом структурированы, передают единое понятийное содержание и выполняют общую для них эмотивную функцию. Эти характеристики позволяют описать все эмотивные единицы (маркеры эмоциональности), характеризующиеся множественностью и неоднородностью, как функционально-семантическое поле эмотивности (ФСПЭ) английского языка.

2. ФСПЭ английского языка можно определить как двустороннее (содержательно-формальное) единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе со взаимодействующими с ними лексическими, просодическими элементами, относящимися к эмотивной семантической зоне.

3. Для ФСПЭ характерна многоуровневая организация, в структуре которой можно выделить следующие уровни: ядро, окооядерная зона,

ближняя периферия, дальняя периферия. Дифференциация уровней исследуемого поля проистекает из анализа семантической (семной) структуры значения эмотивных единиц, а именно из статусной представленности эмосемы в структуре значения языковых единиц. В ядерных, центральных конститuentaх поля – аффективах – эмотивная семантика реализуется в основной части, в качестве основной эмосемы. В околоядерную зону входят коннотативы – синтаксические, морфологические и лексические единицы, в которых эмотивная семантика реализуется через добавочные, коннотативные семы. В зоне ближней периферии находятся языковые единицы, реализующие эмотивную семантику потенциально, то есть контекстуально обусловленные эмотивы. Дальнюю периферию ФСПЭ составляют языковые единицы, основной функцией которых является номинация и дескрипция эмоциональных ситуаций, то есть номинанты и дескрипторы эмоций, но эти единицы в некоторых немногочисленных ситуациях могут приобретать эмотивную функцию и, таким образом, также могут входить в ФСПЭ.

4. Содержательный план ФСПЭ составляют два микрополя – микрополе эмоционального отношения и микрополе эмоционального состояния. В свою очередь, содержательный план микрополей ФСПЭ включает также микромикрополя субъективных качеств эмоций, представляющих собой минимальные функционально-семантические объединения. Микромикрополя ФСПЭ выделяются на основе семантических признаков эмотивных единиц, специфицирующих характер эмоциональных проявлений. Вычленение в семантическом пространстве ФСПЭ микро- и микромикрополей носит условный характер, так как границы этих субполей диффузны, и зачастую их конституенты находятся во взаимодействии.

5. Подобное взаимодействие положительно сказывается на выразительной способности языка, так как конвергенция различных эмотивных средств, передающих разнообразные оттенки эмоциональных переживаний, позволяет добиться значительной глубины в описании движений человеческой души.

Литература

Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – Л., 1983.

Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. – М., 1969.

Илинская А.С. Эмотивный потенциал грамматической семантики языковых единиц и его актуализация в тексте (на материале английского языка) // Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике. Материалы 2-й международной научно-практической конференции. Ч. 2. – Барнаул, 2006.

Ильин Е.П. Эмоции и чувства. – СПб., 2002.

Малинович Ю.М. Экспрессия и смысл предложения: Проблемы эмоционально-экспрессивного синтаксиса. – Иркутск, 1989.

Шаховский В.И. Типы значений эмотивной лексики // Вопросы языкознания. – 1994. – №1.

Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). – Волгоград, 1998.

Charleston, B.M. Studies on the emotional and affective means of expression in modern English // Schweizer anglistische Arbeiten. – Bern, 1960.

ДЕТСКИЕ ЖУРНАЛЫ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

З.Г. Кривоусова

Роль детских журналов в формировании читательской культуры ребенка трудно переоценить. Это понимал Н.И. Новиков, организовавший выпуск первого в России периодического издания для детей. Название – «Детское чтение для сердца и разума» – подчеркивало сферы приложения сил, до настоящего времени определяющие основные направления деятельности русских литераторов и педагогов: воспитание высоких душевных качеств и развитие умственных способностей ребенка.

Известно, что журнал Новикова был еженедельным изданием, выходившим с 1785 по 1789 год как бесплатное приложение к газете «Московские ведомости». И сегодня частота выпуска и бесплатность «Детского чтения...» остаются беспрецедентными.

Заметим попутно: судя по заглавию, издатель первое место отводил сердцу, понимая, что для детей от шести до двенадцати лет воспитание чувств не менее, а может быть, и более важно, нежели развитие ума.

Достаточно широким возрастным диапазоном определялся жанровый состав первого русского издания, предназначенного для детей и подростков. В журнал включались повести, рассказы, сказки, басни, загадки, а также статьи познавательного характера. Отбирая и адаптируя материал для публикации, Новиков ориентировался на правильный разговорный стиль, старался избегать нарочитой назидательности, заменяя ее шуткой, аллегорией, прямым обращением к читателю.

Принципы Н.И. Новикова: сочетание художественного и научно-познавательного материала, установка на гармоничное развитие ребенка, уважительно-доверительное отношение к читателю, стремление заинтересовать его – легли в основу дальнейшего развития детской периодики в России. Присущие журналу черты демократизма, дух гуманиз-

ма, идеи патриотизма и гражданского долга нашли свое продолжение в «Невском зрителе» и «Сыне отечества», а позже – в «Литературной газете», на страницах которых отводилось место детскому чтению. Дальнейшее развитие литературы в России невозможно представить без детского журнала.

Издававшийся Н.И. Невзоровым «Друг юношества» (1807–1815), в 1813 году переименованный в «Друга юношества и всяких лет», наследовал просветительские традиции Новикова. Журнал «Библиотека для воспитания» (1843–1846), основанный Д.А. Валуевым, был ориентирован на славянофильские идеи. Пришедший на пост редактора П.Г. Редкин переименовал его в «Новую детскую библиотеку» (1847–1849) и превратил в научно-популярное издание. Примером литературно-художественного журнала стал ориентированный на реалистическое направление «Подснежник. Журнал для детского и юношеского возраста», выпускавшийся В.Н. Майковым.

В лучших журналах XIX века, предназначенных для подрастающего поколения, публиковались произведения известных русских и зарубежных авторов. Издатели стремились не только воспитать у детей и подростков – в зависимости от ориентации журнала – те или иные качества, но и пробудить у них любовь к чтению, приобщить к богатству русской и всемирной литературы.

Рубеж XIX–XX веков ознаменовался появлением новых детских журналов. Наиболее популярными среди них были «Задуманное слово» (1876–1917), «Игрушечка» (1880–1912), «Светлячок» (1902–1920), «Тропинка» (1906–1912), «Маяк» (1909–1918). Все они в большей или меньшей степени выполняли задачу нравственного воспитания читателей, прививали основы общечеловеческой морали, о чем свидетельствуют уже их названия. Значительное место на страницах этих журналов уделялось ручному труду: в «Игрушечке» это была рубрика «Игры и ручной труд», в «Светлячке» – приложения, содержащие различные игры, поделки, предлагаемые для самостоятельного изготовления. В «Маяке» появился раздел «Письма наших читателей и ответы на них», предполагавший обратную связь с подписчиками, а также рекомендательно-библиографический, раздел призванный руководить детским чтением.

К советскому времени определились основные составляющие детских периодических изданий и пути их развития. Одни редакторы уделяли больше внимания общественно-политической ориентации молодого поколения («Северное сияние», «Красные зори», «Юные товарищи», «Юные строители»). Другие пытались увлечь детей, вкладывая

научно-познавательный материал в художественную форму, делая его одновременно и полезным, и занимательным чтением («Новый Робинзон», «Чиж», «Ёж»).

Заслуга в появлении этих журналов принадлежит организатору и вдохновителю Студии детской литературы, руководителю ленинградской редакции Детгиза С.Я. Маршаку. Главную задачу детской литературы в целом и периодики в частности он видел в воспитании «талантливого читателя». Одна из статей цикла «Заметки о мастерстве» так и называется – «О талантливом читателе». Маршак рассуждает в ней о распределении ролей писателя и читателя. «Литературе так же нужны талантливые читатели, как и талантливые писатели. Именно на них, на этих талантливых, чутких, обладающих творческим воображением читателей и рассчитывает автор, когда напрягает все свои душевные силы в поисках верного образа, верного поворота действия, верного слова» [Маршак 1960, с. 244].

Детские периодические издания, выходявшие в свет в 1920–1930-х годах под руководством С.Я. Маршака, объединили вокруг себя одаренных прозаиков, поэтов, художников. В «Воробье», а затем – в «Новом Робинзоне», «Чиже» и «Еже» сотрудничали Е. Шварц, Е. Данько, поэты-обэриуты А. Введенский, Ю. Владимиров, Н. Заболоцкий, Д. Хармс, Н. Олейников, «бывалые люди» Б. Житков, В. Бианки, М. Ильин, художники Е. Чарушин, Н. Радлов, В. Лебедев, Б. Антоновский. Свой вклад в развитие детской литературы и воспитание «талантливого читателя» внесли Т. Габбе, А. Любарская, Л. Чуковская и другие. О том, насколько серьезно и ответственно подходили члены редакции к подготовке каждого выпуска, свидетельствует Е. Шварц: «Каждая строчка очередного номера обсуждалась на редакционных заседаниях так, будто от нее зависело все будущее детской литературы» [Шварц 1991, с. 55].

В «Чиже», предназначенном для дошкольников, и особенно – в «Еже», предназначенном для детей постарше, наряду с веселыми рассказами помещались публицистические и сатирические заметки, материалы о научных открытиях и достижениях. Находили место в этих изданиях головоломки, шарады, загадки, а также полезные советы и творчество читателей. По признанию Н. Чуковского, «никогда в России ни до, ни после не было таких искренне веселых, истинно литературных, детски озорных детских журналов» [Чуковский 1991, с. 259].

Формирование навыков чтения, воспитание читательского вкуса – главная задача, стоящая перед издателями детской периодики во все времена. Появившийся в 1924 году и выдержавший испытание време-

нем «Мурзилка» до конца XX века сохранил разделы прозы и поэзии, истории в картинках (правда, все чаще напоминающие комиксы), рисунки-головоломки, загадки и обязательную переписку с читателями.

«Пионер», основанный в 1924 году, и «Костёр», выпускавшийся с 1936 года, задумывались как общественно-политические журналы для подростков 10–14 лет, подтверждением чему служат их названия. Однако со временем они превратились в литературно-художественные издания, на страницах которых уживались публицистика, стихи и проза советских и зарубежных авторов, научно-познавательные очерки, шахматные задачи, интеллектуальные игры (порой достаточно сложные) и даже песни с нотами. Нередко на обложки этих журналов выносились рисунки читателей, а на страницах постоянно находили место их письма, стихи, рассказы и публицистические заметки.

Несомненным достоинством детского журнала является периодичность выхода в свет, позволяющая публиковать повести и небольшие романы (как правило, с продолжением, в нескольких номерах), постепенно подготавливая подростков к восприятию классической русской и мировой литературы. Журнал можно получать по подписке или же приобрести отдельные его номера через сеть розничной продажи, что тоже дает ему некоторые преимущества перед книгой. Привлекательно и то, что именно периодика дает возможность напечатать новые произведения до выхода их в свет отдельными книгами, познакомить читателей с новыми именами, изучить читательский спрос.

В том, что в советское время периодическая печать контролировалась государственными органами, были свои минусы (в частности – обилие в детских изданиях материалов нормативного характера, благополучно, впрочем, пропускавшихся читателями), но были и плюсы. Один из них – возрастная преемственность и практически полный охват детскими изданиями читателей всех возрастов: дошкольникам предназначались «Веселые картинки» (издаются с 1956 года), журнал с гибкой пластинкой «Колобок» (издается с 1969 года), младшим школьникам – «Мурзилка». Подросткам кроме «Пионера» и «Костра» предлагался целый ряд научно-популярных журналов по различным отраслям знаний: основанный в 1928 году «Юный натуралист», появившийся в 1936 году «Юный художник», а также «Юный техник», «Уральский следопыт» и другие. Для юношества с 1955 года стал издаваться журнал «Юность», сочетавший литературно-художественное и общественно-политическое направления, открывавший свои страницы и молодым авторам, и молодым читателям.

Переломные в жизни нашего общества 1980-е–1990-е годы породили большое количество детских изданий, редакторы которых стреми-

лись возродить традиции дореволюционной периодики и в то же время пытались найти новую, отвечающую злобе дня форму. Наиболее интересными и жизнеспособными оказались «Миша» (издается с 1983 года) и «Трамвай» (издается с 1990 года). Оба появились как альтернатива журналам советского толка и были лишены общественно-политической ориентации.

На рубеже XX–XXI веков рождалось множество детских журналов («Наш паровоз», «Клёпа» и др.), большинство из которых оказались однодневками. Отсутствие цензуры и государственной политики в области печати привело к обилию яркой, красочной, изданной на дорогой бумаге, но некачественной продукции. Из детской периодики ушло или почти ушло главное установка на формирование читательского вкуса. Детские журналы перестали быть дешевым и доступным, но от этого не теряющим высокого художественного уровня чтением.

Сегодня можно отметить неплохие научно-популярные издания для младшего и среднего школьного возраста: «Тошка», «Геолёнок», продолжающие традиции «Юного натуралиста». Есть детское приложение к «Юному технику», живы «Веселые картинки», интересны «Веселые медвежата», «Винни-Пух и его друзья».

Большинство же периодических изданий, адресованных детям, не удовлетворяет элементарным требованиям. Журналы печатаются без соблюдения санитарных норм, на глянцевой или тонкой бумаге, очень крупным или слишком мелким шрифтом. Нарушается равновесие между словом и иллюстрацией, текст всё чаще уступает место пестрым компьютерным картинкам. В погоне за прибылью издатели, большей частью далекие от литературы и педагогики, не дают себе труда задуматься над концепцией, необходимой для нормального журнала, определяющей его «лицо». Детская периодика, призванная воспитывать литературный и художественный вкус, всё чаще превращается в собрание разнородных, ничем не связанных между собой, в произвольном порядке расположенных фрагментов. Названия многих современных журналов не соотносятся с содержанием публикуемых в них материалов. Нередко отсутствует, не соответствует действительности или запутан возрастной адрес, который, как известно, в детском издании должен быть четко определен.

К сожалению, оказалась без внимания издателей самая сложная и важная возрастная группа – подростки. Сегодня нельзя назвать достойного преемника советских «Пионера» и «Костра», сочетавших в себе информацию по разным отраслям знания с художественной прозой и

поэзией и развлекательно-развивающими материалами. «Ровесник» из вполне пристойного информативного издания превратился в откровенно «желтую» прессу.

Организация литературно-художественного журнала для среднего возраста – одна из насущных задач, поставленных временем перед литераторами и педагогами. Главная причина утраты у детей и подростков интереса к чтению заключается в том, что, по словам Н.И. Новикова, «детям читать нечего». Ликвидировать этот пробел может только хороший литературно-художественный журнал с традиционно устоявшимся в русской детской периодике набором рубрик. В нем должны быть проза, поэзия, публицистика, научно-популярные материалы из разных областей знания, задания на смекалку (и не только заполонившие сегодня периодику кроссворды, но и шарады, головоломки, загадки, языковые игры и логические задачи) и обязательно – разделы, предполагающие ручной труд, творчество читателей, переписку и сотрудничество с ними.

Литература

- Маршак С.Я. О талантливом читателе // Соч. в 4 томах. – М., 1960. – Т. 4.
Чуковский Н. Высокое слово – писатель // Житие сказочника. Евгений Шварц. Из автобиографической прозы. Письма. О Евгении Шварце. – М., 1991.
Шварц Е. Записки о Маршаке // Житие сказочника. Евгений Шварц. Из автобиографической прозы. Письма. О Евгении Шварце. – М., 1991.

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ДИАЛОГ КАК ПРИНЦИП ПРЕПОДАВАНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ В ШКОЛЕ

Л.Л. Балакина

В условиях мультикультурного общества, насыщенного многообразными связями и отношениями, предполагающими не только налаживание сотрудничества, взаимопонимания, но и возникновение противоречий, споров, диалог приобретает новое значение, становясь базовым принципом преподавания литературы.

Принцип диалога обнаруживает себя на всех уровнях преподавания: во внешней форме учебных занятий, содержании, выходящем за рамки узкой предметности, средствах реализации. При этом диалог не заменяет всего многообразия функций процесса обучения, но выступает особым механизмом формирования коммуникативно-компетентной личности ученика, умеющей вступать в диалог и поддерживать его принципиально бесконфликтным способом, применять коммуникативные технологии как новые инструменты познания.

Литература, как учебная дисциплина и вид искусства, являясь важным средством диалогического общения, способствует овладению приемами коммуникативной деятельности, развивающейся вместе с эволюцией духовных интересов личности ученика, в процессе контакта с прекрасным [Леонов, 1999, с. 28]. Исходя из этого, взаимодействие ученика с текстом можно рассматривать как коммуникацию, результатом которой становится адекватное понимание сообщения. Очевидно, принцип диалога проявляет себя не в простом взаимном информировании участников коммуникации (педагога-адресанта и учащихся-адресатов), а в совместном постижении предмета, основанном на понимании и взаимопонимании. Выполняя коммуникативную функцию и реализуясь через понимающие подходы, диалог выступает универсальным инструментом (механизмом) понимания человеком себя, других и мира.

Коммуникативное содержание принципа диалога позволяет определить герменевтика (теория понимания, постижения смысла), опора на идеи и положения которой способствует построению образования как коммуникации, приводящей к порождению и движению смыслов ее участников. Понимание при этом связано с постижением смыслов (лич-

ностных, культурологических и др.), существующих в коммуникативном взаимодействии и проявляющихся в высказываниях его участников (педагога и учащихся).

Как видно, коммуникативный подход к преподаванию литературы связан не просто с обогащением словарного запаса учащихся на материале художественных произведений, развитием связной, выразительной речи, но и с созданием специальных условий для становления коммуникативно компетентного ученика – читателя, который умеет войти в мир художественного текста, способен постичь его систему ценностей, авторскую модель мира и человека, понять «язык» литературы как учебного предмета и вида искусства, а также обладает устойчивым художественным вкусом, владеет навыками анализа, интерпретации и т.п., то есть культурой чтения [Леонов 1999, с. 15]. В процессе преподавания литературы педагог организует речевые ситуации, связанные с построением дискурса, то есть с правилами вступления в коммуникацию, поддержания речевого контакта и выхода из коммуникации, а также со стратегией и тактикой ведения диалога для достижения определенного эффекта (воздействие на собеседника, убеждение, аргументация и т.п.).

Диалогический подход к преподаванию литературы реализуется в открытом коммуникативном взаимодействии (в отличие от закрытого), когда педагог и учащиеся раскрывают логику своих рассуждений, выражают живую мысль, а не готовую выученную речь: чем свободнее и богаче собеседники в выражении своих мыслей, тем глубже и многограннее их взаимопонимание.

Выявить специфику принципа диалога как необходимого условия построения открытой коммуникации позволяет идея И. Сулима о том, что понимающий подход вырабатывает у школьников способность думать, размышлять. Средством достижения этой задачи является лексика, стиль и логика языка беседы (развивающей у школьников осознанный, внутренне принятый навык «моральной» речи, служащий формированию нравственной личности [Сулима 1999, с. 35]. Придерживаясь данной позиции, сущность понимающего подхода мы видим в приоритетном использовании в процессе преподавания литературы философского языка, философской аргументации, направленных на комплексное изучение предмета и включение его в миропонимание учащихся.

Потребность педагога и учащихся в открытых отношениях, основанных на понимании и взаимопонимании, мы считаем наиболее существенным условием реализации диалогического принципа. Такая

потребность возникает в проблемной ситуации, то есть в ситуации, в которой имеющихся у школьника знаний оказывается недостаточно. Присутствие в этой ситуации другого участника, который реально или потенциально является источником такой информации, обуславливает динамику развития диалога. Проблемную ситуацию педагог создает с помощью столкновения различных мнений, взглядов. Возникающее при этом рассогласование, требуя дополнительной информации, увеличивает интенсивность их взаимодействия, активизирует ситуацию обсуждения, что, в свою очередь, обеспечивает углубление уровня понимания школьников и способствует нахождению адекватного решения. В связи с этим можно полагать, что диалогический принцип организации литературного образования проявляет себя в ситуации разрыва в знаниях – как в исходных знаниях, воспроизводимых учащимися к моменту коммуникации, так и в их текущем когнитивном опыте, накапливаемом по ходу диалога. При этом важным оказывается наличие некоторого общего знания, на котором в дальнейшем выстраивается весь процесс понимания и взаимопонимания.

Коммуникативную направленность диалогический принцип обнаруживает также в снятии внешне-предметной, функциональной «заинтересованности» педагога в учащемся как партнере по общению, что, способствуя взаимодействию на уровне смысловых ощущений, осознается ими как нечто более значимое, чем простое «делание полезного». Такое взаимодействие мы рассматриваем как некое событие, выступающее основным элементом коммуникативно-формирующего механизма, новообразованием в жизненных ориентациях учащихся. Организуя коммуникацию на уроке литературы как событие, встречу, педагог осознает ограниченные возможности адекватного освоения материала лишь при логико-понятийном усвоении, поэтому осуществляет специальные коммуникативные действия: вводит коммуникативно-ориентированный материал (тексты, картины, музыку, фильмы), создает условия для самовыражения учащихся через увиденное или услышанное на уроке. При этом необходимо учитывать следующее: «чем содержательнее диалог, тем богаче становится каждый из его участников: их творческие возможности динамично развиваются, их усилиями в мир вносится определенная мера оригинальности, каждая из сторон приумножает и сохраняет свой духовный и интеллектуальный багаж, несмотря на интенсивное противоборство идей и обмена ими» [Шатин 1996, с. 28].

Вслед за Т.А. Флоренской мы полагаем, что началу диалога предшествует внимание к собеседнику, состоящее в том, чтобы «не набра-

сывать свою тень на другого», а быть «прозрачным» для него. Следующим этапом становится переход от внимания к слову, который требует включенности в переживание собеседника. Сопереживание открывает для участников диалога иной уровень общения, основанный на принятии другого, вере в его возможности.

Так как реализация принципа диалога в процессе преподавания осуществляется в особой по содержанию коммуникативной деятельности – смыслодеятельности, когда между его участниками (педагогом и учащимися) происходит не простой обмен информацией или знаниями, но прежде всего взаимообмен способами действия, чувствами и настроениями, то это приводит к возникновению некоего общего фонда «совокупного субъекта», выравниванию уровня их информированности. Совместное обсуждение и обработка гипотез, путей и вариантов решения задач, взаимная коррекция идей и мнений, их уточнение и обогащение позволяют педагогу отсеять крайние (жесткие) позиции, сузить зоны поиска и сфокусироваться таким образом на анализе точек и зон «наивысшей вероятности». В этом проявляется толерантная природа диалогического принципа литературного образования и его гуманистического потенциала.

Толерантность диалогического принципа мотивирует принятие и обоснование учащимися выбранного способа деятельности, поведения; создает эмоционально-энергетическое подкрепление их активности и условия для самопрезентации, открытия собственных смыслов, «прояснения ценностей». Благодаря толерантному характеру диалогического взаимодействия учащиеся вводят нравственные, духовно-эстетические, этические и другие критерии в оценку и регуляцию своей жизнедеятельности; автономную жизнедеятельность и образовательный процесс интегрируют в нечто целое.

Необходимо обратить внимание на то, что в условиях диалогического обучения в личности ученика ничего не «образовывается» вне его собственных усилий. Лишь осознавая себя как носителя самостоятельности и свободы, ученик начинает ценить эти свойства и в других, что усиливает в нем позицию толерантности и диалогичности. Особенно важным, на наш взгляд, является то обстоятельство, что каждый участник диалога воспринимается в его самозначимости, то есть не как средство для чего-то, а как собственная цель общения. Воспитывая в себе «мужество» быть личностью, реализуясь в своей неповторимости, становясь равноправными субъектами, учащиеся помогают это сделать другим его участникам, учатся коллективизму, взаимности и

сотрудничеству. В этом обнаруживается гуманистический потенциал принципа диалога.

В заключение отметим, что диалогический принцип, развивающий толерантность и обладающий гуманистическим потенциалом, регулирует коммуникативные отношения, складывающиеся между педагогом и учащимися, способствует формированию коммуникативной компетентности учащихся. Его реализация в процессе литературного образования требует понимающего подхода, сущность которого заключается в использовании философского языка, аргументации, направленных на формирование у школьников целостной картины мира. Понимание специфики диалогического принципа позволяет не только определить основные ориентиры и направления построения коммуникативного взаимодействия педагога и учащихся, но и раскрыть потенциальные возможности диалога как коммуникативной образовательной технологии.

Литература

Леонов С.А. Речевая деятельность на уроках литературы в старших классах: Методические приемы творческого изучения литературы. – М., 1999.

Сулима И.И. Философская герменевтика и образование // Педагогика. – 1999. – № 1.

Шатин Ю.В. Феноменология образования и коммуникативные стратегии обучения // Дискурс. – Новосибирск. – 1996. – № 1.

Шубкина Т.Н. Коммуникативный аспект педагогического взаимодействия в образовательном процессе. – Новосибирск, 2002.

Тамара Федоровна Байрамова (к юбилею ученого)

Совсем недавно коллеги, ученики, друзья отметили 75-летний юбилей кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка Бийского педагогического государственного университета имени В.М. Шукшина Тамары Федоровны Байрамовой – известного историка языка, диалектолога, лексиколога и лексикографа.

Тамара Федоровна Байрамова родилась в 1931 году в учительской семье в с. Венюково Ленинского района Хабаровского края. Среднюю школу окончила в г. Черепаново Новосибирской области. Близкое знакомство с жизнью и бытом восточнорусской деревни и небольшого сибирского города во многом определили интересы ученого и в дальнейшем оказались полезными в преподавании русской диалектологии в педагогическом вузе, в научно-исследовательской деятельности и в работе над созданием Словаря русских говоров Алтая, изданного Алтайским государственным университетом в 1993–98 гг. и удостоенного Демидовской премии.

Окончив в 1954 году историко-филологический факультет Томского государственного университета, Тамара Федоровна спустя несколько лет становится преподавателем кафедры русского языка Бийского государственного педагогического института. В 1978 г. в диссертационном совете при Томском университете Т.Ф. Байрамова успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему «Именное и местоименное склонение в говоре “поляков” на Алтае (к проблеме взаимодействия русских говоров)». Ее учителями были известные ученые – диалектологи, лексикологи и лексикографы – А.А. Скворцова и О.Н. Киселева.

Первый опыт работы со словом, и в особенности диалектной разновидностью общенародного языка Т.Ф. Байрамова получила при работе над кандидатской диссертацией, посвященной исследованию интеграционных процессов в контактирующих говорах. По объекту анализа – русским старожильческим говорам Сибири, общности принципов и методов исследования, обусловленных комплексным подходом к изучению диалекта в его современном состоянии и истории, – Т.Ф. Байрамова принадлежит к Томской диалектологической школе [Томская диалектологическая школа 2006, с. 57, 61]. Вслед за своим научным руководителем О.Н. Киселевой Тамара Федоровна Байрамова одной из первых применила системный подход к изучению морфологии диалекта, что позволило перейти от описания отдельных ярких диалектных черт к воссозданию морфологической системы говора [Байрамова 1978]. В статьях, опубликованных по теме диссертации [Байрамова 1975; 1976; 1977], и в более

поздних работах [Байрамова 1998] прослеживается судьба переселенческого говора старообрядцев, называемых поляками, в новых условиях существования. История переселенческого говора в измененном территориальном пространстве рассматривается Т.Ф. Байрамовой как единый процесс развития морфологической системы, что дало возможность выявить устойчивые элементы материнского южного говора, определить переменные черты и особенности, проследить пути и закономерности языковых изменений. Работы Т.Ф. Байрамовой по диалектной морфологии, наряду с исследованиями В.А. Сенкевича, О.И. Блиновой, В.В. Палагиной, К.М. Браславца, О.Н. Киселевой, В.Я. Сениной и других морфологов Томской диалектологической школы, внесли значительный вклад в развитие русской диалектологии многоаспектным описанием морфологического уровня обширного диалектного массива вторичных старожильческих говоров Сибири.

Обращением к научной проблематике русской диалектологии и ее преподаванием в педагогическом вузе было обусловлено опубликование двух учебно-методических пособий и нескольких статей на эту тему [Байрамова 1991; 1992].

Обширные диалектные материалы, собранные на территории Алтайского края в период диалектологических практик как лично Тамарой Федоровной, так и под ее руководством студентами Бийского педагогического университета, вошли в Словарь русских говоров Алтая, явившегося итогом многолетнего труда многих авторов. Этим Тамара Федоровна вместе с другими коллегами по кафедре в г. Бийске и учеными Алтайского государственного университета выполняла завет одного из своих учителей, крупнейшего диалектолога и топонимиста – И.А. Воробьевой, которая предполагала сделать это сама и собирала для работы материалы и исполнителей.

Важным направлением научной деятельности Т.Ф. Байрамовой с 90-х годов является изучение языка произведений В.М. Шукшина. Результаты исследования лексического состава языка писателя опубликованы в ряде статей [Байрамова 1991; 1997]. Усилиями преподавателей кафедры русского языка БПГУ им. В.М. Шукшина, лично Т.Ф. Байрамовой, студентов филологического факультета была создана значительная картотека слов из рассказов писателя, на основе которой создается Словарь языка рассказов В.М. Шукшина (2002–2005 гг.). Составителями словаря являются Т.Ф. Байрамова и профессор В.П. Никишаева. Данный словарь не только выполняет учебную функцию и используется студентами и учащимися как источник обогащения их словарного запаса, но и обладает мощными репрезентативными и источниковедческими возможностями при исследовании системных связей лексики в языке идиолекта В.М. Шукшина. Как память народной духовной культуры общества, Словарь используется в качестве источника по лингвокультурологии.

Немало времени и сил Тамара Федоровна отдает педагогической деятельности. Она прекрасный высококвалифицированный лектор, в течение многих лет читающий лекции по диалектологии и исторической грамматике русского

языка, а также курсы «Введение в славянскую филологию» и «Основы методологии научных исследований». Ее лекции отличаются глубиной научной мысли, высокой культурой речи и одновременно простотой и доступностью понимания. Студенты считают, что лекции Тамары Федоровны – это умелый диалог с аудиторией. С разработкой учебного курса по исторической грамматике связана публикация учебного пособия [Байрамова 2000] и ряда статей. Т.Ф. Байрамова является членом редколлегии ряда изданий, в том числе «Трудов краевого музея истории литературы, искусства и культуры Алтая», «В.М. Шукшин. Жизнь и творчество», сборников научных статей, выпускаемых кафедрой русского языка БПГУ им. В.М. Шукшина. Ее знают сотни читателей «Добродея», общественно-просветительского, краеведческого, и литературно-художественного издания Бийского педагогического государственного университета, «Вестника университета» и периодических изданий г. Бийска по лингвистическим заметкам, в которых ученый, равнодушный к судьбе родного языка, делится своими размышлениями об истории русского слова, изменении его содержательного смысла, по вопросам культуры речи, ее норм и стилей.

Признанием заслуг ученого и преподавателя стало награждение Т.Ф. Байрамовой орденом «Знак почета» в 1981 г., медалями «Отличник народного просвещения» в 1978 г. и «Ветеран труда» в 1987 г. Тамара Федоровна является лауреатом Демидовской премии 1997 г. за работу над «Словарем русских говоров Алтая».

Т.Ф. Байрамова не только глубокий ученый и талантливый учитель. Она мудрый, щедрый, глубоко порядочный человек. Юбилейная дата ученого – еще одна возможность выразить искреннее уважение и признательность дорогому человеку. От души желаем Тамаре Федоровне доброго здоровья и новых творческих свершений.

Литература

Байрамова Т.Ф. Именное и местоименное склонение в говоре «поляков» на Алтае (К проблеме взаимодействия русских говоров): дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 1978.

Байрамова Т.Ф. Некоторые сведения о говоре с. Топольное Солонешенского района Алтайского края (фонетико-морфологический очерк) // Исследования по славистике и языкам народов СССР. – Барнаул, 1975.

Байрамова Т.Ф. Особенности склонения местоимений «тот» и «весь» в говоре с. Топольное Солонешенского района Алтайского края // Материалы по грамматике и словообразованию говоров. – Красноярск, 1976.

Байрамова Т.Ф. Система прилагательных в говоре с. Топольное Солонешенского района Алтайского края // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. – Томск, 1977. – Вып. 7.

Байрамова Т.Ф. Русские говоры Алтая. Хрестоматия. – Бийск, 1991.

Байрамова Т.Ф. Стилистическая функция диалектизмов в рассказах В.М. Шукшина // Язык и стиль прозы В.М. Шукшина. – Барнаул, 1991.

Байрамова Т.Ф. Специфика работы учителя-словесника в диалектных условиях: методические рекомендации. – Бийск, 1992.

Байрамова Т.Ф. Речевые характерологические средства в романе В.М. Шукшина «Любовины» // Творчество В.М. Шукшина. Метод. Поэтика. Стилль. – Барнаул, 1997.

Байрамова Т.Ф. Специфика развития контактирующих говоров // Русские народные говоры: история и современное состояние. – Новгород, 1998.

Байрамова Т.Ф. Историческая грамматика русского языка: методическое пособие для студентов филологического факультета. – Бийск, 2000.

Байрамова Т.Ф. Диалектная лексика в прозе В.М. Шукшина // Творчество В.М. Шукшина. Энциклопедический словарь-справочник. – Барнаул, 2004. – Т. 1.

Томская диалектологическая школа: Историографический очерк. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006.

*Кафедра русского языка Бийского
педагогического государственного
университета имени В.М. Шукшина*

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Воплощение уникального научного проекта

В год семидесятилетия Алтайского края завершился грандиозный проект – создание энциклопедического трехтомного словаря-справочника «Творчество В.М. Шукшина» (Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2004–2007), – рассчитанного как на специалистов, так и на всех ценителей дарования великого русского писателя второй половины XX века и представившего «знакомого незнакомого» Шукшина. Авторы издания ставили перед собой задачу комплексно, целостно и системно обозначить все грани шукшинского таланта, проанализировать все то, что накоплено современным шукшиноведением, дать принципиально новые интерпретации его произведений.

Как это начиналось... В 1989 г. в Алтайском государственном университете (далее: АлтГУ), на филологическом факультете, состоялась Первая Шукшинская конференция, в которой очно и заочно приняло участие более шестидесяти ученых из различных городов России и ближнего и дальнего зарубежья: Барнаула, Москвы, Уфы, Ставрополя, Ростова-на Дону, Бийска, Кемерово, Твери, Житомира, Киева, Витебска, Иркутска, Екатеринбургa, Варшавы и других научных центров. Так началась консолидация ученых-шукшиноведов на малой родине Шукшина – на Алтае. В 1994 г. на Третьей Шукшинской конференции определилась перспективная задача – создание энциклопедического словаря-справочника «Творчество В.М. Шукшина», целью которого было дать комплексное представление о прозе писателя как об органической целостности. В редакционную коллегию, вошли А.А. Чувакин, С.М. Козлова, В.А. Чеснокова, О.Г. Левашова, Н.В. Халина, Л.А. Кощей, В.В. Десятов, А.И. Куляпин. Руководителем научного коллектива стал доктор филологических наук, профессор А.А. Чувакин, предложивший первоначальный проект издания. Полученный в 1996 г. грант РГНФ на создание словаря-справочника укрепил научный коллектив в необходимости решения сложной задачи.

Этапы научного поиска. С 1989 по 2007 год на базе филологического факультета Алтайского государственного университета состоялось семь международных и всероссийских конференций, Издательством АлтГУ были выпущены десятки сборников статей и тезисов, подготовительных материалов к словарю-справочнику, коллективных и индивидуальных монографий, посвященных исследованию творчества В.М. Шукшина. «География» участников шукшинских конференций представляет собой пространство от Калининграда до Владивостока, включает и ближнее (Казахстан, Латвия, Украина и др.), и дальнее (Польша, США, Тайвань, Швейцария, Южная Корея и др.) зарубежье. Итогом изучения прозы писателя на филологическом факультете АлтГУ стали

две докторские диссертации и десятки кандидатских диссертаций. Перспективы алтайской научной школы шукшиноведения связаны и со студенческими научными работами, реализуемыми в рамках спецсеминаров, и с работами аспирантов и соискателей.

Проект и культурное пространство Алтая. Создание энциклопедического словаря-справочника – трудоемкий во всех отношениях проект. Вряд ли его можно было воплотить без создания коллектива единомышленников. На Алтае проект поддержали Администрация Алтайского края, Всероссийский мемориальный музей-заповедник В.М. Шукшина, Алтайская краевая универсальная библиотека им. В.Я. Шишкова, Краевой музей истории литературы, искусства и культуры Алтая, КГУК «Алтайкиноцентр». Вся полнота знаний о Шукшине, как и о любом подлинном художнике, не дана ни читателям, ни зрителям, ни исследователям, ни землякам, ни даже тем, кто знал автора «Калины красной» лично. Но вектор движения определяется коллективными усилиями проникнуть в тайну творчества как через скрупулезный анализ его произведений, изучение творческой лаборатории, так и через соприкосновение с шукшинскими местами, знакомством с земляками писателя.

Завершение проекта. Энциклопедический словарь-справочник «Творчество В.М. Шукшина» составляют три тома: 308 словарных статей, 1080 страниц печатного текста. Авторский коллектив – 80 человек.

Основной текст первого тома энциклопедического словаря-справочника включает в себя *три раздела*:

1. Филологическое шукшиноведение. Раздел содержит материалы о шукшиноведении как комплексной отрасли филологии. Словарные статьи посвящены изучению творчества Шукшина в России и за рубежом, в средней и высшей школе, описанию основных центров исследования творчества Шукшина, переводов произведений писателя на иностранные языки.

2. Личность В.М. Шукшина. В этом разделе основное внимание сосредоточено на мировоззрении писателя, изучении нравственных и духовных проблем его творчества. Словарные статьи посвящены кинематографу, театру Шукшина в России и за рубежом, его публицистике.

3. Язык произведений В.М. Шукшина. В разделе исследуется авторская речь, диалектная лексика, диалог, идиостиль, имя персонажа в прозе Шукшина. Представлены лексический, синтаксический и морфологический уровни языка прозы писателя, художественно-речевая структура прозы и кинопрозы. Исследовано интертекстуальность его творчества.

Том заканчивается приложением – «*Словарем фразеологизмов в произведениях В.М. Шукшина*».

Редакторы-составители первого тома В.А. Чеснокова, А.А. Чувакин.

Второй том издания содержит также *три основных раздела*:

1. Эстетика и поэтика прозы В.М. Шукшина. В нем рассматриваются основные эстетические проблемы творчества писателя: воплощение трагического, сатирического пафоса, игрового начала. Изучается художественный метод Шукшина, эволюция его творчества. Представлены все литературные жанры.

2. Мотивы и символы творчества В.М. Шукшина. В этом разделе изучаются основные символы творчества писателя (времена года, движение, одежда, техника, дом и др.). Представлен семиотический анализ, позволяющий исследовать художественные элементы прозы Шукшина как органическую целостность.

3. Диалог культур. Раздел посвящен сравнительно-типологическому, сравнительно-генетическому и интертекстуальному анализу прозы писателя в связи с предшествующей и современной ему литературной традицией. Творчество Шукшина существует в парадигме «большого времени», в котором есть место Достоевскому, Толстому, Чехову... и, конечно, Шукшину.

Том заканчивается приложениями – *«Хроникой жизни и творчества»* и *«Родословной В.М. Шукшина»*.

Редактор-составитель второго тома О.Г. Левашова.

Третий, заключительный том энциклопедического словаря-справочника «Творчество В.М. Шукшина» содержит **два раздела**:

1. Интерпретация художественных произведений В.М. Шукшина.

В нем представлена интерпретация всех известных и опубликованных в «Собрании сочинений В.М. Шукшина» произведений, расположенных в разделе в алфавитном порядке (от «А поутру они проснулись...» до «Я пришел дать вам волю»).

2. Публицистика В.М. Шукшина. В разделе дан анализ основных публицистических статей писателя («Вопрос самому себе», «Монолог на лестнице», «Слово о “малой родине”» и др.). В публицистике Шукшина нашли отражение его философские взгляды, рассуждения о жизни и смерти, добре и зле, о правде, которая для писателя всегда сопряжена с нравственностью, о подлинной и мнимой интеллигентности. Как и в художественном творчестве Шукшина, его публицистике воплотилась любовь к Алтаю, к малой родине и землякам. Редактор-составитель третьего тома С.М. Козлова.

Сам ход создания словаря-справочника со всей очевидностью свидетельствовал о том, что этот проект как для Алтая, так и для всей России – важное социально-культурное событие, потому что творчество Шукшина не просто востребовано читателем начала XXI века, но ощущается как глубоко современное. Шукшин режиссер, актер, оригинальный мыслитель главную задачу своего творческого труда видевший в служении народу, одним из первых выразил обеспокоенность кризисом национальной культуры и сформулировал насущные для его поколения и в то же время «вечные» русские вопросы – «Что с нами происходит?» и «Нам бы о душе не забыть».

О.Г. Левашова

ФИЛОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ АНКЕТЫ

Называя журнал «Филология и человек», мы исходили из того, что тема, представленная в этом названии, составляет одно из важнейших направлений в развитии филологических наук на современном этапе их существования. Мы полагаем, что дальнейшее развитие исследований в области филологии, преподавание языка, литературы, журналистики и других дисциплин, тем более в период разработки новых государственных образовательных стандартов, необходимость совершенствования речевой и – шире – коммуникативной культуры общества требуют осмысления и обсуждения ситуации в нашей науке, повышения степени ее влияния в обществе. В связи с этим редакцией журнала была разработана и разослана ряду читателей анкета, содержащая следующие вопросы:

1. Известно, что ситуация в современной филологии оценивается далеко не однозначно: филология предстает то как «содружество... гуманитарных дисциплин..., изучающих духовную культуру человечества через языковой и стилистический анализ письменных текстов» (С.С. Аверинцев), то как «брачный союз» литературоведения и языкознания (Ю.В. Рождественский) или как сугубо номинационное единство, существующее в наименовании одной из отраслей гуманитарных наук и одного из направлений (одной из специальностей) высшего профессионального образования... *Каково, на Ваш взгляд, значение углубляющегося антропоцентризма филологических наук для развития филологии? Как меняется (если меняется) статус и влияние филологии в системе наук? в обществе?*

2. *Какие события в мире языка и литературы наиболее значимы для освоения филологическими науками человека?*

3. На III Международном конгрессе исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова, филологический факультет, 20–23 марта 2007 года) декан филологического факультета профессор М.Л. Ремнева с обеспокоенностью говорила об общем ухудшении речевой культуры. *В чем Вы видите роль филологических наук и образования в повышении речевой культуры российского общества? отдельного человека?*

4. *Какое место занимает проблема человека в Вашем научном творчестве?*

Редакция благодарит всех приславших ответы. Часть из них публикуется ниже. Поступающие ответы будут опубликованы в ближайших номерах журнала.

А.А. Чувакин

Ответы:

1. Действительно, конец XX – начало XXI веков отмечены большим интересом филологии к человеку. Я меньше знакома с ситуацией в литературоведении, но в лингвистике эта тенденция ощущается довольно значительно. Думается, что такое обращение к антропоцентризму в настоящее время обусловлено общим развитием науки в разных её областях, в том числе в лингвистике, которая традиционно изучала фактически результат языковой деятельности человека. Сейчас языковеды понимают необходимость исследования того, как и для чего человек воспроизводит речь, какова цель того или иного речевого события. Для познания человека, его когнитивной деятельности филология имеет огромное значение, она, безусловно, формирует личность человека, его духовное пространство.

2. Мы живём в удивительное время, когда наука и технологии, стремительно развиваясь и интегрируясь, позволяют по-новому взглянуть на многие аспекты жизни человека во всех её проявлениях. Огромное влияние на развитие филологии оказало появление Интернета, который буквально «ворвался» в нашу жизнь и который во многом изменил наши традиционные знания о пространстве и времени. В последние годы появилось достаточно много работ, посвящённых языку Интернета. Учёные отмечают значительное влияние Интернета на язык. Хорошо это или плохо – покажет время, но в этой ситуации роль филологии должна быть особой: мы должны сохранить всё то лучшее, что уже достигнуто, необходимо сохранить литературные традиции, в то же время необходимо взять то новое без чего невозможно поступательное развитие науки. Большое значение для филологии имеет и обращение к национально-культурным исследованиям языка и литературы, здесь также наблюдается тенденция к антропоцентризму. Для английского языка, например, большое значение имеет сейчас стремительно развивающееся направление «политической корректности».

3. Действительно, многие сейчас отмечают общее падение речевой культуры российского общества. Во многом, как известно, это определяется средствами массовой информации, а также тем, что многие следуют примерам некорректного использования языка некоторыми политическими общественными деятелями. Нельзя допустить падение речевой культуры. Важная роль здесь принадлежит, конечно, школе, где должны формироваться основы речевой культуры. Филологи, различные филологические издания должны принимать в этом самое активное участие. Руководящие посты в российском обществе должны занимать люди, использующие правильную русскую речь.

4. Проблема человека всегда стояла на первом месте в моих исследованиях. Если бы не было человека, не было бы и филологии, не было бы всего того богатства языка, литературы и культуры, которое современная филология должна сохранить и приумножать.

О.В. Александрова (Москва)

1. По-видимому, антропоцентризм изначально присущ филологии: «Гуманитарные науки – науки о человеке в его специфике, а не о безгласной вещи и естественном явлении. Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создаёт текст» (М. М. Бахтин). В известной степени терминологически кристаллизованные манифестации антропоцентрической парадигмы – это и несколько запоздалая реакция на структуралистские эксцессы, и попытки инноваций, призванных заменить якобы исчерпанные и изжившие себя так называемые традиционные направления и методы исследования, и результат некоторых экстралингвистических процессов. В тоже время сегодня нельзя не увидеть в лучших образцах подчёркнуто антропоцентристских научных работ развитие, тех идей, которые неизменно остаются плодотворными для отечественного языкознания, ранее вовсе не считавшего человека лишь «человеческим фактором в языке». Статус филологии (здесь имеется в виду в первую очередь лингвистика) в системе наук мог бы быть гораздо более высоким, если бы филологи в полной мере осознавали значимость языка во всех (в том числе и профессиональных) сферах деятельности. Скажем, тексты некоторых российских законодательных актов явно свидетельствуют о том, что участие лингвистов в их оформлении было минимальным (если, конечно, вообще было). Впрочем, и сами филологи тоже недостаточно заботятся о повышении общественной влияния своей науки. Например, один коллектив авторов предварил свою коллективную монографию о русском языке конца XX века, опубликованную лет за пять до конца названного века, декларацией: «Мы не нормализаторы», что, наверное, должно было оповестить общество об академической отстранённости подлинных учёных от участия, пусть номинального, в решении насущных культурно-речевых проблем (конечно, в их максимально широком понимании, а не только в виде навязываемой реформы русской орфографии). Отрадно, например, что на протяжении ряда лет принимаются федеральные целевые программы «Русский язык» (вряд ли известные многим), но каковы реальные результаты их воплощения? Хорошо, что 2007 год объявлен «годом русского языка», но уж в России-то внимание к русскому языку нецелесообразно сводить к кампании (которая, кстати, не очень заметна даже для внимательного наблюдателя). А ведь, «исследуя язык, мы не можем не выходить за пределы мира слов», и «в задачи языкознания должно входить рассеивание мыслительной мути, которая может просачиваться из слов» (В. Дорошевский).

2. Если понимать мир языка как всё разнообразие форм и ситуаций речевой коммуникации, включая сюда великое множество текстов, то наиболее привлекательными для изучения в указанном аспекте являются в первую очередь факты и тенденции динамики словарного состава (при условии обязательного соблюдения принципа последовательного историзма) – естественно, с учётом внеязыковых факторов и с проекцией на широкий этносоциокультурный фон. Пожалуй, эта проблематика весьма обширна и недостатка в эмпирическом материале пока не предвидится. Что же касается мира литературы, то можно с достаточными

основаниями считать свершившейся утрату ею сколько-нибудь значимого общественного резонанса, и это вполне закономерно: паралитературно-художественные произведения, сконструированные по законам «рыночной экономики» и предназначенные для соответствующей аудитории, наверное, мало интересны для филологов-профессионалов (разве что только как «тексты со знаком «минус» – Н.С. Болотнова).

3. «Общее ухудшение речевой культуры» в России началось не сегодня и не вчера; известно, однако, что это осознают и признают даже не все филологи: многие из них, то пугающие себя и других «новоязом» бесчеловечного советского тоталитаризма, то всецело занятые «возвращёнными именами», по сути, не обращают должного внимания на почти повальное косноязычие и безграмотность современников (обычно объясняя его позитивно: как долгожданную свободу самовыражения). Но в преодолении чуть ли не всеобщего нигилистического отношения к культуре русской речи усилий лишь самих филологов явно недостаточно: состояние речевой культуры – одновременно и символ, и результат, и инструмент многих социальных процессов.

4. В соответствии с вышесказанным.

А.Д. Васильев (Красноярск)

1. Филология для меня – ствол огромного дерева наук о слове, словесности. Две главные ветви – литературоведение и лингвистика, в свою очередь ветвящиеся. Но у всех ответвлений сохраняется роль общего ствола дерева, питающего соками все его веточки. А этот сок – человек, ибо без него нет ни слов, ни тем более написанных словами произведений, ни общения между людьми, а ведь веточки дерева с разных сторон изучают именно общение с точки зрения его целей, возможностей, реальных средств их изменений со временем и т.д. И сейчас, как мне кажется, дифференциация наук вообще зашла уже так далеко, что начались интегративные процессы, в том числе и филологии с физикой, техническими науками, медико-биологическими и т.д. Но и внутри филологии закономерно идет интеграция языкознания и литературоведения вокруг центрального ствола – роли человека (и адресанта, и адресата, получающего, воспринимающего информацию и реагирующего на нее).

2. Для человека с точки зрения филологии очень значимо техническое событие – появление Интернета с возможностью доступа человека к неисчерпаемым богатствам истории, культуры, жизни; получение информации независимо от расстояния между коммуникантами.

3. Основная задача филологических наук в области повышения уровня речевой культуры – убедить всех, начиная со школьников и заканчивая руководителями страны, писателями, журналистами, в том, что человек с рождения и до смерти во всех ситуациях зависит от языка, что его его формируется под влиянием окружения (а значит – общения) и литературы, в том числе художественной. Именно от самого человека зависит уровень его общей и речевой куль-

туры, а каждый человек – значимая частица общества. Но особенно влияет на состояние речевой культуры российского общества речевая культура учителей, журналистов и писателей, воспринимаемая населением как эталон.

4. Поскольку основное место в моих исследованиях занимает именно речевая культура, ее типы и факторы, влияющие на ее формирование, то и человек (его семья, профессия, круг чтения и т.д.) занимает в ней приоритетное место.

О.Б. Сиротинина (Саратов)

1. В наступающей новой цивилизации – информационно-электронной – роль гуманитарных наук, в том числе филологических должна быть усилена. Не уверена, что это происходит. Хотя число студентов гуманитарных специальностей в целом по стране большое, филологи не занимают лидирующих позиций.

2. Обилие изданий произведений литературы и книг для чтения, как высококлассных, так и средних и даже ниже средних, требует от филологии использования продуктивных способов освоения человека.

3. Достижения филологических наук сегодня необходимо пропагандировать, популяризировать, вплоть до создания интеллектуальных шоу-программ как самого распространенного средства завоевания радиослушателя и телезрителя. Тем самым мы, филологи, сможем бороться за Человека Говорящего, отвоевывать его у низкопробных, бездарных проектов масс-медиа, оказывать влияние на культуру человека, его слово, речь, поведение, а значит, и на его внутренний мир.

4. Изучение читателя, интерес к читателю средневековой литературе – важная составляющая современной медиевистики. Исследование роли разного типа читателя (автор-читатель, переписчик древнерусских рукописей и редактор как читатели, профанный читатель, исследователь-читатель и др.) в истории публицистического текста XVI в. – один из аспектов моих научных работ

Л.И. Журова (Новосибирск)

SUMMARY

V.I. Gabdullina. Early Dostoevsky: dialogue with reader. The problem of «author-reader» relations in poetic system of early Dostoevsky is analysed in the article (on material of epistolary, publicistic and belles-lettres discourse in story «The Double»).

O.A. Kovalyov. The Formulae of Absolute Knowledge, Mind Reading and the Reciprocal Sight in Dostoevsky's Works (article II). The absolute knowledge of characters that can often be observed in the text of works by F.M. Dostoevsky in the form of laconic, capacious (formulaic) expressions comprise the whole complex of artistic, psychological and philosophical problems. Having (basically) psychological genesis the complex of absolute knowledge transforms the narrative structure of the works and becomes an important element of intertextual axiology. At the same time it also receives philosophical understanding.

S.G. Komarov. Island as parable chronotop in English dramatic art of the XX-th century. Island as chronotop is an important quality of English dramatic art of the last century. This complex existential image inherent in many British plays, testifies about the parable's nature not only English, but also world theatre of last decades. Multi-variant approach of such chronotop enriches the internal substantial plan of products, gives open space for interpretation of English dramas ambiguous, parable's implied sense.

A.I. Kulyapin. Red and white: chess in the USSR. The chess organically go into the Soviet utopian discourse. In culture of 1920-40's the level of politization and ideologization of chess play goes to extreme limit.

V.T. Plakhin. Modern Advertising and Socialist Realism: Being Brothers in Arms. Part I. The article is devoted to comparative analysis of advertising and official soviet literature. These two types of discourse are rather similar in their genesis. They are both based on external strategies variable as the functions of political or commercial needs.

A.D. Vasilyev. Manipulative word plays. Language play is a purposeful and manipulative phenomenon significant for concrete society. Changing the semantic structure «people» for «population» shows the influence of globalization and ethnoses leveling.

Y.A. Komarova. To the problem of structural – meaningful description of English scientific terminology (on material of terminology of the English educational system). Language of science and research is characterized by presence of special means of expression, by peculiar features of formation and functioning of various lexical means in scientific speech, and also by special patterns of their organization.

The main characteristics of scientific language are considered to be three principal attributes: unambiguity, accuracy and exactness, absence of synonyms. Language of science is generally and normally described by the tendency to normalization of linguistic units.

Y.V. Zaretsky. Distribution of impersonal constructions in idiolects of the Russian classical authors. The article focuses on the frequency of impersonal constructions in the works of the Russian classical authors. All the calculations were carried out in the corpus «Digitale Bibliothek Sonderband: Russische Literatur von Nestor bis Majakowski».

N.I. Odinkova. Professional Associative Dictionaries (Russian and English). The article represents the result of psycholinguistic experiments, i.e. Dictionaries of Professional Associations of Russian and American mathematicians, physicians, and philologists in Russian and English respectively.

A.S. Ilinskaya. Formation and realization of the functional semantic field «emotivity» in the English language. The article is devoted to the analysis of the means of different language levels which express emotive semantics in the English language. These units are organized into the functional semantic field «emotivity». We give the definition of this concept, and describe its structure and content.

Z.G. Krivousova. Magazines for children as a way of reading culture formation. The role of magazines for children is very important in child's reading culture formation. The creation of a good belles-lettres magazine is an urgent problem nowadays.

L.L. Balakina. Dialogue as the principle of teaching literature at school. The author reflects upon the peculiarities of the dialogue in modern education. It shows the abilities to form communicative personality competents. This principle is based on understanding between a teacher and a student.

НАШИ АВТОРЫ

БАЛАКИНА,

Любовь Леонидовна

– кандидат педагогических наук, доцент Горно-Алтайского государственного университета.

E-mail: ff@gasu.ru

ВАСИЛЬЕВ,

Александр Дмитриевич

– доктор филологических наук, профессор Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск).

E-mail: vasileva@kspu.ru

ГАБДУЛЛИНА,

Валентина Ивановна

– кандидат филологических наук, доцент Барнаульского государственного педагогического университета.

E-mail: vigv@mail.ru

ЗАРЕЦКИЙ,

Евгений Владимирович

– докторант университета Эрланген-Нюрнберг (ФРГ).

E-mail: evz2@mail.ru

ИЛИНСКАЯ,

Анастасия Сергеевна

– старший преподаватель Барнаульского государственного педагогического университета.

E-mail: wad@bk.ru

КОВАЛЕВ,

Олег Александрович

– кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

E-mail: kovalev@filo.asu.ru

КОМАРОВ,

Станислав Геннадьевич

– кандидат филологических наук, доцент Института естественных и гуманитарных наук Сибирского федерального университета (Красноярск).

E-mail: slav-theatre.ru@mail.ru

КОМАРОВА,

Юлия Александровна

– кандидат педагогических наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

E-mail: yuliakomarova@mail.ru

**КРИВОУСОВА,
Зинаида Геннадьевна**

– кандидат филологических наук, доцент
Кузбасской государственной педагогиче-
ской академии (г. Новокузнецк).
E-mail: vladi-oleg@yandex.ru

**КУЛЯПИН,
Александр Иванович**

– доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного университе-
та (г. Барнаул).
E-mail: rfl@filo.asu.ru

**ЛЕВАШОВА,
Ольга Геннадьевна**

– доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного университе-
та (г. Барнаул).
E-mail: olevashova@mail.ru

**ОДИНОКОВА,
Наталья Юрьевна**

– кандидат филологических наук, доцент
Саратовского государственного универси-
тета им. Н.Г. Чернышевского.
E-mail: NYOdinokova@yandex.ru

**ПЛАХИН,
Владимир Тимофеевич**

– кандидат исторических наук, доцент Ал-
тайского государственного университета
(г. Барнаул).
E-mail: zakaz66@yandex.ru

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 36795
в каталоге «Газеты. Журналы» Агентства «Роспечать»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связей и охраны культурного наследия. Свидетельство ПИ ФС 77-30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук (редакция июль 2007)».

Сдано в набор 3.12.2007. Подписано в печать 20.12.2007. Формат 60x84/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8. Тираж 500 экз. Заказ №8.

Отпечатано в типографии «Графикс»:
г. Барнаул, ул. Крупской, 108

© Издательство Алтайского университета.
656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66.

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом от 0,5 до 0,75 авторского листа (20–30 тыс. знаков), научные сообщения – от 0,3 до 0,4 авторского листа (12–16 тыс. знаков), другие материалы – до 0,15 авторского листа (5,5–6 тыс. знаков).
2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows/Интервал точно 12 пт (полуторный); шрифт – Times New Roman, кегль 12. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode, SILDoulosIPA, SILDoulos IPA93). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.
3. Примеры в тексте статьи оформляются курсивом.
4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют сквозную нумерацию.
5. Библиографическое описание изданий оформляется в соответствии с действующим ГОСТом и приводится в конце работы по алфавиту. Источники на иностранных языках располагаются после источников на русском языке.
6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора и год издания с обозначением цитируемых страниц. Например: [Виноградов 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов 1987а]. В списке литературы делается такая же пометка.
7. В конце текста статьи (научного сообщения) помещается Resume на английском языке (до 250 знаков).
8. Статьи следует направлять по адресу: 656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, филологический факультет, ауд. 411-а, отв. секретарю журнала Панченко Наталье Владимировне. Почтовые отправления в обязательном порядке дублируются электронной почтой. Электронная версия отправляется вложенным файлом по адресу: sovet01@filo.asu.ru (В разделе «Тема» просим указать: «В редакцию журнала»). К статье прилагается справка об авторе или авторах (фамилия, имя, отчество, место работы, должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов, факс, электронная почта).
9. Статьи, оформленные в нарушение приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.

Примечание: научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться решением кафедры, на которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), и отзывом научного руководителя с оценкой актуальности темы исследования, новины полученных результатов, их теоретической и практической значимости и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы, скрепленные печатью учреждения, высылаются в адрес редакции обычным почтовым отправлением.